

Т.М. Исламов,
Т.А. Покивайлова

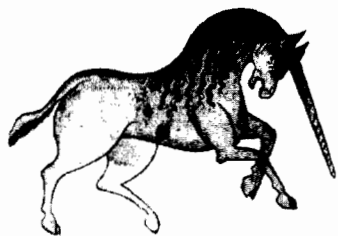

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

В СИЛОВОМ ПОЛЕ
ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ.
ТРАНСИЛЬВАНСКИЙ
ВОПРОС.

1940-1946 годы

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т.М. Исламов,
Т.А. Покивайлова

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

**В СИЛОВОМ ПОЛЕ
ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ.
ТРАНСИЛЬВАНСКИЙ
ВОПРОС.
1940-1946 годы**

МОСКВА «ИНДРИК» 2008

УДК 94(4)“19”
ББК 63.3(0)62/63
И 87

*Монография подготовлена при финансовой поддержке
Российского государственного научного фонда
(издательский проект 08-01-16137д,
исследовательский проект № 02-01-00134а)*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *Е.К. Вяземская*

Рецензенты:
доктор исторических наук *В.Н. Виноградов*
доктор исторических наук *Б.М. Туполев*

Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.

Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. — М.: Издательство «Индрик», 2008. — 240 с.

ISBN 978-5-85759-460-X

На новой источниковой базе исследуется одна из наиболее важных составляющих национально-территориальной проблемы в Восточной Европе — Трансильванский вопрос. Трансильвания — многонациональная область региона — длительное время являлась «яблоком раздора» между Венгрией и Румынией, трижды на протяжении первой половины XX в. переходила из рук в руки. В монографии проанализированы политика великих держав в 1940–1946 гг. по отношению к Трансильвании, решения второго Венского арбитража, Парижской мирной конференции. Особое внимание уделено позиции Советского Союза, сумевшего отстранить союзников по антигитлеровской коалиции от урегулирования венгеро-румынского спора о границах и успешно разыгравшего «трансильванскую карту» для усиления своего влияния на развитие общественно-политических процессов в обеих странах и установления в них коммунистических режимов.

© Исламов Т.М., Покивайлова Т.А., текст, 2008

© Институт славяноведения, 2008

© Издательство «Индрик», 2008

ISBN 978-5-85759-460-X

С о д е р ж а н и е

<i>Памяти друга Т.М. Исламова (В.Н. Виноградов)</i>	7
В в е д е н и е	
<i>Постановка проблемы</i>	9
<i>Историография и источники</i>	15
Историческая литература	15
Архивы	37
Публикации документов	40
Г л а в а 1	
Что такое Трансильвания? Краткий исторический очерк	55
Г л а в а 2	
Трансильвания в контексте соперничества СССР и европейских держав в Восточной Европе накануне и в начальный период Второй мировой войны	77
Г л а в а 3	
Венгеро-румынский территориальный спор и позиция великих держав (22 июня 1941 г. — март 1945 г.)	120
<i>Трансильвания — разменная монета в борьбе за власть</i>	161
<i>Возвращение Северной Трансильвании Румынии</i>	176
Г л а в а 4	
Трансильванский вопрос на сессиях СМВД и Парижской мирной конференции (1945–1946 гг.)	199
В м е с т о з а к л ю ч е н и я	
Современная Трансильвания: проблемы существуют, дискуссии продолжаются	224
И м е н н о й у к а з а т е л ь	238

Пустая (оборот содержания)

Памяти друга Т.М. Исламова

Тофик был историком от Бога. Жизнь свою он не мыслил без науки, а науку — без горения. Он начал свой путь в исторической науке как унгарист и стал международно признанным специалистом по истории Центральной Европы в новое и новейшее время. В центре его внимания — Священная Римская империя германской нации — Австрийская империя — Австро-Венгерская монархия. Машина, в которой проживали десятки народов — немцы, мадьяры, чехи, словаки, украинцы, поляки, румыны, сербы, хорваты, словенцы, а по религиозной принадлежности — католики, лютеране, кальвинисты, православные, униаты, иудеи. Монархия не была плавильным котлом, в котором исчезала бы культурная и языковая индивидуальность проживавших в ней народов, каждый из них в борении отстаивал свое национальное «Я», ничего подобного некоей общеавстрийской нации не появилось. Габсбургскую державу часто именуют «лоскутной монархией». Тофик Муслимович никогда не придерживался подобной точки зрения, а упорно и последовательно доказывал преимущества проживания в большом многонациональном государстве: «австрийские» сербы, хорваты, румыны превосходили своих балканских сородичей в грамотности, культуре и благосостоянии. И нам, в эпоху распада многонациональных образований и здравниц в честь суверенитетов полезно об этом помнить.

Думаю, что личность Тофика Муслимовича можно охарактеризовать в трех словах: широта, глубина и отзывчивость. Первые два определения относятся к его научной деятельности. Круг его интересов впечатляет — национальнообразовательные процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе, история международных отношений в XVII–XX вв., политическая история Венгрии, Австрии, дуалистической монархии, архивные изыскания, публикация документов. И все — на уровне подвижничества. Он был душой и центром коллективных начинаний по этим проблемам, ведущим научным сотрудником в полном значении этого слова.

Отзывчивость его не знала границ, создавалось впечатление, что он никому не отказывает в просьбах, и просьбы сыпались на него дождем: научное руководство, оппонирование, консультации, рецензирование, выступления на конференциях, симпозиумах и «круглых столах». И на них, как бы мимоходом, высказывались глубокие мысли, предлагались продуманные ответы на спорные и дискуссионные вопросы.

«Отдыхал» Тофик Муслимович своеобразно: отпуск проводил в Вене или Будапеште, зарывшись в тамошние архивы, припав к самому живому и увлекательному источнику знаний. И тут возникает печальная мысль — как много из накопленных им груд ценнейших материалов Тофик не успел использовать и опубликовать...

Несколько лет назад прозвучал тревожный колокол. С помощью врачей и жены Елены Константиновны Тофик выкарабкался из болезни. Но привычек своих он, видимо, изменить был не в силах, жизни иной не мыслил, — снова командировки, опять поиски в архивах. И болезни. Осень 2004-го выдалась особенно тяжелой. Незадолго до Нового года его выписали из больницы. Мне сказали, что по телефону он не общается. Вечером 30 декабря он вдруг взял трубку. Голос его мне показался довольно бодрым. Мы обменялись новогодними пожеланиями: «До встречи в институте!» Через два часа его не стало...

Говорят, что незаменимых людей не бывает. Прошло уже несколько лет, но никого, равного Тофику Муслимовичу по эрудиции, научному потенциалу, способности к теоретическому мышлению, не появилось.

В.Н. Виноградов

Постановка проблемы

На протяжении всего XX столетия национально-территориальные отношения в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы характеризовались крайней напряженностью.

Первая мировая война и увенчавшая ее окончание Версальская система нового, послевоенного устройства породили целый ряд очагов международных конфликтов, опасных для установившегося на континенте весьма непрочного равновесия, и обострили уже имевшиеся.

С распадом Австро-Венгрии и созданием на ее обломках новых государств (образовалась Чехословакия, ряд южнославянских земель вошел в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), некоторые земли вошли в состав Польши), а также радикальной перестройкой границ (значительно увеличилась, например, территория Румынии) к старым противоречиям на этнонациональной и этноконфессиональной почве добавились новые, чреватые ростом взаимных претензий. Среди этих конфликтов особой остротой отличался территориальный спор между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании, являющийся предметом нашего исследования.

Известный английский историк Арнольд Тойнби, выступая в 1937 г. в Будапеште с докладом о международном положении — тогда он возглавлял Британский Королевский институт внешней политики, — высказал предположение, похожее на предсказание. Если не произойдет изменения версальских договоров и версальских границ мирным путем, сказал ученый, «рано или поздно оно произойдет путем насильственным»¹. Последовавшие затем события в восточной части Европы оправдали, однако, этот прогноз лишь частично. Границы менялись неоднократно, но конфликты остались, как и насильственные методы их решения.

В конечном итоге долгожданная мирная эпоха в течение жизни одного поколения превратилась в скоротечную передышку между двумя мировыми войнами.

Узел венгеро-румынских противоречий из-за обладания спорными территориями, обобщенно и упрощенно называемыми Трансильванией², оказал существенное влияние на международную ситуацию в регионе. Не будучи с точки зрения крупных европейских держав столь же важным, как вопрос о границах Польши, которые пришлось решать в Восточной Европе в межвоенный период и в годы Второй мировой войны, трансильванский вопрос стал тем не менее одним из звеньев в сложном переплетении вопроса о границах, взаимных претензий и спорных территориях в центрально- и восточно-европейском ареале (Судеты, Силезия, Закарпатская Украина, Добруджа, Бессарабия и т. д.). Являясь, по словам известного советского ученого Е.В. Тарле, «яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье», Трансильвания, располагаясь в центре Европы, стала объектом острого соперничества ведущих европейских держав — Франции, Англии, Италии и Германии. Активизация этого, как, впрочем, и других, конфликта, подпитывалась также нерешенностью проблемы национальных меньшинств в рамках румынского государства. В конце Первой мировой войны Румынии достался самый большой кусок от довоенного венгерского государства с самым многочисленным мадьярским меньшинством, оказавшимся за пределами венгерского государства. С подобной потерей Венгрия не могла примириться, а Румыния не проявляла никакой склонности к какому бы то ни было компромиссу в национально-территориальном вопросе, упорно отказываясь обсудить положение венгерского меньшинства в этой стране на двустороннем или многостороннем уровне. В этом и состояла суть венгеро-румынского конфликта, в который, естественно, с большой охотой постоянно вмешивались ведущие континентальные державы в соответствии со своими геополитическими целями и собственными интересами в регионе Средней Европы и на Балканах. Устойчивую напряженность и непримиримость конфликту придавало то обстоятельство, что обе стороны, как мадьяры, так и румыны, считали Трансильванию своей колыбелью и важнейшим очагом собственной национальной культуры и национальных исторических традиций.

Таким образом, Версальская система заложила мину замедленного действия под здание так называемого «мирного урегулирования». Не прошло и двух десятилетий после подписания версальских договоров, как Европа втянулась в новую, еще более страшную и кровопролитную бойню, в которой на стороне гитлеровской Германии в качестве ее союзников выступили как Румыния, так и Венгрия.

Не последнюю роль в данном случае сыграли их претензии на Трансильванию: Румыния надеялась с помощью Германии вернуть себе территории, отторгнутые от нее по второму Венскому арбитражу 1940 г., а Венгрия пыталась вернуть себе все земли, входившие в ее состав до Первой мировой войны.

После нападения 22 июня 1941 г. Германии на СССР содержание и характер борьбы в ареале Центральной и Юго-Восточной Европы принципиально изменились. Сложилась антигитлеровская коалиция, одной из основных целей которой стало освобождение стран Центральной и Юго-Восточной Европы от фашистской оккупации и ликвидация прогитлеровских режимов. Общность антифашистских задач в рамках коалиции не отменяла, однако, соперничества СССР и его западных союзников за преобладающее влияние в той или иной стране региона. Скрытое первоначально, а с уничтожением нацистско-германской угрозы все более открытое столкновение геополитических интересов Запада и Востока придавало особую напряженность и остроту решению национально-территориальных вопросов в прилегающем к советским границам ареале. В этих условиях трансильванский вопрос оказал существенное влияние на борьбу великих держав за вывод из войны двух сателлитов гитлеровской Германии — Румынии и Венгрии.

Решение территориальных вопросов послевоенного устройства Центральной и Юго-Восточной Европы согласно явным и тайным договоренностям между членами Большой тройки, достигнутым в Тегеране, Ялте и, наконец, в Потсдаме, подлежало согласованию между СССР, с одной стороны, и Соединенными Штатами и Соединенным королевством — с другой. Практически такое согласование происходило в рамках подготовки мирных договоров с бывшими участниками войны на стороне гитлеровской Германии — Финляндией, Венгрией, Румынией и Италией. Советское руководство в переговорах с партнерами по антигитлеровской коалиции, начиная с 1941 г., неоднократно заявляло о заинтересованности включить Румынию в сферу своего контроля и иметь в будущем на ее территории военные и морские базы. В обмен на удовлетворение этих требований и полный отказ Румынии от Бессарабии и Северной Буковины СССР готов был поддержать некоторые территориальные претензии Румынии к Венгрии. Речь шла, в частности, о передаче ей той части Северной Трансильвании, которая была заселена преимущественно румынами.

Победа антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне существенным образом повлияла на всю ситуацию и расстановку сил в

центральной и юго-восточной части Европы. С устранением Германии в качестве решающего фактора силы в регионе и превращением СССР в великую державу совершенно иным стал расклад сил. На первый план выдвинулось столкновение интересов Советского Союза, стремившегося к безраздельному контролю в прилегающей к его границам территории, с интересами Великобритании и США, для которых были в принципе неприемлемы единоличная гегемония СССР в обширном регионе Центральной и Юго-Восточной Европы и, в особенности, установление коммунистических режимов в расположенных там странах. В этих условиях ареной острой борьбы за влияние держав-победительниц в регионе стали два бывших сателлита гитлеровской Германии, с которыми предстояло заключить мирные договоры. Однако, трезво учитывая ситуацию, сложившуюся в результате побед Красной Армии на Восточном фронте, западные союзники признавали обе эти страны сферой особых интересов СССР. Вместе с тем от своей доли «ответственности» в решении судеб Венгрии и Румынии, в том числе вопроса об их внутреннем устройстве, ни Великобритания, ни США не собирались добровольно, без боя, отказываться. Собственно, в этом и состояла суть разногласий — в борьбе великих держав за долю влияния в регионе.

Между тем Советский Союз вплоть до августа 1944 г., когда Румыния порвала с гитлеровской Германией и выступила на стороне антигитлеровской коалиции, рассматривал ее, как и продолжавшую воевать Венгрию, в качестве враждебной страны, что было зафиксировано в Соглашениях о перемирии с этими странами (12 сентября 1944 г. с Румынией и 20 января 1945 г. с Венгрией). В международно-правовом плане юридический статус обоих государств вплоть до заключения с ними мирных договоров в феврале 1947 г. оставался неизменным.

Однако нюансы в политике советского руководства по отношению к этим странам были очевидны. В расчетах Кремля учитывались различные факторы, как долгосрочные (геостратегические интересы), так и военно-оперативные: выход Румынии 23 августа 1944 г. из войны в условиях разгрома германских и румынских войск в Яссо-Кишиневской операции и посильное участие румынской армии в преследовании отступавших немецких войск, имевшее важное значение в условиях военных действий Красной Армии за пределами СССР. Кроме того, переход Румынии в лагерь антигитлеровской коалиции открывал Красной Армии путь на Балканы и в тылы группы «Центр» германского Вермахта, расположенной в Венгрии и Австрии. Важ-

нейшее значение имели также и представления кремлевского руководства о геополитических и идеологических интересах СССР, направленных на установление контроля над Восточной Европой, путем создания по периметру границ Советского Союза пояса дружественных и подконтрольных государств, с тем, чтобы исключить возрождение в будущем антисоветских проектов, подобных печально знаменитому антантовскому «санитарному кордону» межвоенного периода, и не допустить восстановления здесь решающего влияния западных держав. Нельзя недооценивать и то обстоятельство, что на встрече И.В. Сталина и У. Черчилля 9 октября 1944 г. в Москве был зафиксирован раздел сфер влияния между СССР и западными державами следующим образом: 50% на 50% для Венгрии и 90% на 10% для Румынии в пользу СССР. По замыслам советского руководства Румынии предстояло играть приоритетную роль в концепции формирования «советской зоны безопасности». Таким образом, при решении государственной важности внешнеполитических вопросов ни этнический, ни исторический факторы во внимание не принимались, а господствовал лишь политический прагматизм в чистейшем виде.

Одним словом, у Кремля было достаточно оснований, чтобы, исходя из собственных прежде всего геополитических интересов, отдать предпочтение Румынии, а не Венгрии в вопросе передачи Трансильвании, точнее, ее северной части. Не последнюю роль сыграл и тот факт, что «трансильванская карта» была разыграна советской стороной в целях установления в Румынии в марте 1945 г. просоветского правительства П. Грозы, контролируемого румынскими коммунистами, в то время как в Венгрии на парламентских выборах в ноябре 1945 г. победили оппозиционные партии. В свою очередь, военное присутствие Советского Союза в регионе делало попытки противостояния со стороны Запада бесперспективными. В сложившейся в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы международной ситуации, когда все более нарастали расхождения между членами Большой тройки, достигнуть компромисса в пользу Венгрии, которого добивались Великобритания и США, из-за позиции, занятой СССР в пользу Румынии, было практически невозможно. Советский Союз сумел фактически отстранить своих союзников по антигитлеровской коалиции от урегулирования венгеро-румынского спора из-за Трансильвании и сыграл решающую роль в передаче всей Трансильвании Румынии. Однако, как показало время, национально-территориальный спор из-за Трансильвании, связанный прежде всего с положением венгерского национального меньшинства в Румынии, не

был снят с повестки дня. Он и в настоящее время остается «болевым точкой» в отношениях между двумя странами.

Между тем до недавнего времени проблематика, связанная с новейшей историей Трансильвании, особенно в периоды обострения национально-территориальных конфликтов в 40-е гг. XX в., оставалась в отечественной историографии наименее изученной и практически закрытой для исследователей, а документы, находившиеся в российских архивах, были засекречены и не доступны историкам. Причины общеизвестны: по мнению бывшего советского руководства, между странами, входившими в советский блок, не могло быть места ни межнациональным, ни межгосударственным конфликтам. Когда же споры и противоречия вокруг национально-территориальных проблем выплескивались за рамки этих стран, как это было в середине 80-х гг. в связи с выходом в Венгрии трехтомной «Истории Трансильвании» (к более подробному рассмотрению этого вопроса мы вернемся ниже), то румынское руководство, а вслед за ним и румынские историки дружно стали обвинять авторов труда в разжигании ревизионизма и территориальных претензиях к Румынии³. Москва же и в данном случае пыталась остаться в стороне от спора: дело ограничилось лишь написанием историками «справок» для директивных органов. Подобная ситуация сохранялась до конца 80-х — начала 90-х гг., когда в связи с падением в СССР и странах Восточной Европы коммунистических режимов кардинально изменилась политическая ситуация, что в полной мере отразилось и на развитии отечественной исторической науки.

Поэтому когда были сняты политико-идеологические запреты на изучение подобных острых проблем и был открыт доступ к архивным документам, авторы предлагаемой читателям книги активно включились в изучение трансильванской проблемы. Существенно расширившаяся источниковая база открыла возможность приступить к систематическому рассмотрению этой закрытой ранее в советской историографии темы, по-новому взглянуть на проблему в целом, показать место трансильванского вопроса не только в контексте взаимоотношений между двумя соседними странами, но и международных отношений и политики великих держав в 40-е гг. XX в. в регионе Средней Европы и на Балканах. В результате появился ряд публикаций — статьи в научных журналах, разделы в коллективных трудах, сборники документов⁴. Тогда же у авторов родилась идея приступить к написанию книги, посвященной трансильванскому вопросу в 40-е гг. XX в. К глубочайшему сожалению, смерть Т.М. Исламова

подвела черту под нашими многолетними совместными усилиями по разработке указанной проблемы. Книга предлагается вниманию читателя в основном в том виде, в каком она была подготовлена авторами к концу 2004 г. Глава 1 и раздел «Вместо заключения» написаны Т.М. Исламовым, а Введение и остальные главы подготовлены авторами совместно. Большую работу по доработке рукописи и подготовке ее к печати проделала вдова Т.М. Исламова к. и. н. Елена Константиновна Вяземская, а также научный сотрудник Института славяноведения РАН М.И. Леньшина. Особая признательность выражается Дирекции и коллегам-историкам Института славяноведения РАН за помощь и поддержку в подготовке текста рукописи к печати.

Историография и источники

Историческая литература. Как уже отмечалось выше, вплоть до рубежа 80–90-х гг. XX в. трансильванская проблема в период 40-х гг. оставалась в отечественной историографии, по сути, «белым пятном». Достаточно сказать, что до настоящего времени не было опубликовано ни одной монографической работы, посвященной истории Трансильвании в новейшее время. В советской историографии проблематика, связанная с территориальным спором между Румынией и Венгрией, по вышеуказанным причинам либо совсем не рассматривалась, либо ограничивалась лишь отдельными аспектами этой проблемы⁵.

Исключением из этой укоренившейся традиции явились работы А.И. Пушкаша, который в серии хорошо документированных монографий и статей рассмотрел некоторые аспекты трансильванской проблемы в контексте внешней политики трианонской Венгрии, а также работы Н.И. Лебедева по истории Румынии кануна и периода Второй мировой войны, написанные на доступных автору в период 60–80-х гг. XX в. архивных материалах⁶. Особого внимания заслуживает монография И.И. Орлика, посвященная взаимоотношениям СССР и западных держав в 1945–1965 гг., где впервые в отечественной историографии были исследованы планы Великобритании и США по послевоенному мирному урегулированию в Центральной и Юго-Восточной Европе и проведен содержательный анализ попыток западных держав создать «санитарный кордон» по периметру границ Советского Союза⁷.

Весьма ценными с точки зрения изучения предыстории рассматриваемой темы являются работы В.Н. Виноградова и Т.М. Исламова,

отличающиеся солидной источниковой базой, своим высоким аналитическим уровнем и мастерством изложения⁸. Проблемы средневековой истории Трансильвании в контексте венгерской истории нашли подробное отражение в трехтомной истории Венгрии (т. 1). Автором большинства глав и ответственным редактором является В.П. Шушарин⁹.

Однако только с выходом в свет в конце 80-х — начале 90-х гг. однотомников по истории Румынии и Венгрии¹⁰ российский читатель получил возможность ознакомиться, среди прочих вопросов исторического развития Румынии и Венгрии, с историей Трансильвании с древнейших времен до середины 80-х гг. XX в. Но и в данном случае на уровень исследования трансильванского вопроса, особенно в период 20–40-х гг. прошлого века, оказали свое негативное влияние отсутствие доступа к важнейшим архивным источникам по теме и устоявшаяся традиция уходить от освещения острых вопросов истории двух стран, входивших тогда в советский блок.

Накопленные знания и интерес к изучению трансильванской проблемы, публикации новых документов по данному вопросу и новые возможности исследования подтолкнули российских историков и историков бывших республик СССР, а ныне стран ближнего зарубежья заняться изучением этого вопроса.

Серьезным и содержательным анализом на новой источниковой базе отличаются работы В.К. Волкова, Л.Я. Гибанского, М.М. Наринского, А.М. Филитова, А.А. Язьковой, М.Д. Ерещенко и др., которые рассматривают трансильванский вопрос в контексте внешней политики СССР и международных отношений 40-х гг. XX в. Выход в свет работ этих авторов и особенно коллективного труда под редакцией В.К. Волкова и Л.Я. Гибанского, посвященного советско-германским отношениям в 1939–1940 гг., а также коллективной работы «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX в.»¹¹ ознаменовал собой качественно новый этап в развитии отечественной историографии, характеризующийся разрывом со старыми, сложившимися ранее стереотипами и переходом к современным научным методам исследования, а также и к изучению новых аспектов указанной тематики.

В связи с этим хотелось бы отметить статью М.Ю. Чуканова, посвященную малоизвестному сюжету истории Трансильвании 20-х гг. XX в. — румыно-венгерским переговорам в г. Араде (Трансильвания) в ноябре 1918 г.¹². Автор убедительно показывает, что сложившаяся после Первой мировой войны международная ситуация сыграла оп-

ределяющую роль в решении трансильванского вопроса в пользу Румынии. Анализируя позицию политических элит этих стран, он совершенно справедливо пишет о двух националистических концепциях — великодержавной румынской и великодержавной венгерской, проявившихся на румыно-венгерских переговорах, предшествовавших трианонским решениям по Трансильвании и воспрепятствовавших достижению позитивного решения трансильванского вопроса с учетом интересов обеих стран.

На основе опубликованных, главным образом, авторами данной книги новых документов, вошедших в сборник «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский спор и СССР. 1940–1946 гг.» под редакцией Т.М. Исламова¹³, были написаны статьи российского историка А.С. Стыкалина и белорусского ученого А.П. Салькова¹⁴.

Отдавая должное стремлению А.П. Салькова обратиться к исследованию малоизученной проблематики, нельзя не упрекнуть автора в том, что он не использует работы румынских и венгерских историков по проблеме, что часто ведет к фактическим ошибкам, неточностям, неверным интерпретациям и противоречивым суждениям¹⁵.

В отличие от российской традиции, о чем уже говорилось выше, в румынской и венгерской историографиях трансильванский вопрос имеет длительную историю. Проблематика, связанная с историей Трансильвании, и в настоящее время остается одной из центральных проблем в исследованиях историков этих стран. Однако, несмотря на существенные подвижки и корректировку в освещении основных проблем истории Трансильвании в работах современных румынских и венгерских историков, вызванные прежде всего расширением источниковой базы и отходом в известной мере от идеологических штампов, порожденных политической конъюнктурой, румынская и венгерская историографии концептуально занимают различные позиции. В румынской историографии существенное место принадлежит теории «континуитета и автохтонности», основы которой были заложены еще во второй половине XIX — начале XX в. трансильванскими румынами-просветителями, являвшимися тогда венгерскими подданными и проживавшими в венгерской столице (Пеште). Суть этой теории сводится к утверждению, согласно которому предки современных румын заселяли Трансильванию испокон веков, по меньшей мере, со времени образования Дакии, провинции Римской империи. Местные жители провинции, воинственные даки, были романизированы грозными римлянами-завоевателями, а возникший новый этнос — влашский — с тех пор неизменно находился и находится здесь как

единственный и истинный хозяин этой земли, принадлежащей ему на основе как исторического, так и естественного права. Тезис о континуитете и составляет суть, квинтэссенцию всего теоретического построения, которое обосновывается и отстаивается в бесчисленном множестве ученых трудов сменяющих друг друга поколений румынских историков.

Целью этой теории является доказать, что формирование румынского народа произошло в результате этнокультурного симбиоза племен Дакии с римлянами, которое завершилось еще в IX в., т. е. до прихода на эту землю мадьяр. В переводе с научного языка на обыденный этот тезис означает одно — в Трансильвании предки румын были первыми, поэтому им принадлежит историческое право на эту территорию. Именно вокруг этого вопроса выкристаллизовались диаметрально противоположные взгляды венгерских и румынских историков: кто первый? Как будто от того, чьи предки первыми обосновались в пространстве, образуемом двумя отрогами Карпатского хребта — Южными и Восточными Карпатами, зависела судьба края, государства, отечества.

Венгерская историография придерживается миграционной теории генезиса румынского этноса, согласно которой он первоначально формировался на западе Балканского полуострова, а уже затем мигрировал на территорию Трансильвании.

По мнению венгерских историков, страной в период великих переселений последовательно владели готы, гепиды, гунны, авары, славяне. Влахи же пришли сюда с юга несколькими волнами уже после поселения здесь венгров. В то же время венгерская наука безоговорочно признает, что доля вlahов-румын в населении Трансильвании уже к середине XVIII в. равнялась 60%, т. е. они составляли большинство населения этого края¹⁶.

Российские историки, в частности специалисты по древней и средневековой истории Румынии, занимают позицию, которую можно было бы охарактеризовать, как промежуточную между сторонниками миграционной теории и концепции континуитета. Они придерживаются той точки зрения, что после ухода под влиянием нашествия «варваров» римлян и значительной части романизованного населения из провинции Дакия часть местного населения все же осталась проживать на прежнем месте. Итогом длительного совместного проживания различных этнических групп стало образование к X в. восточнороманской этнической общности — вlahов или, как их называют в славянских источниках, волохов, предков современных румын. Утвер-

дившиеся на территории Трансильвании в IX в. вожди венгерских племен стали правителями этой области. В XII–XIII вв., по мнению российского историка, специалиста по истории Румынии Л.Е. Семеновой, произошло расселение владов из Трансильвании в равнинные области левобережного Дуная, т.е. на территорию будущих Валашского и Молдавского княжеств¹⁷. Специалисты по истории Венгрии (в частности, В.П. Шушарин) считают, что «различные трактовки вопроса о времени появления восточных романцев в современной науке существуют лишь как две гипотезы» и «аргументы спорящих сторон работают на гипотезы», так как, по его мнению, «прямых свидетельств ни о континуитете романизированного населения после III в., ни о его миграции из областей южнее Дуная после X в. мы не имеем»¹⁸. Следовательно, единого мнения по данному вопросу нет даже в отечественной историографии.

Особую остроту трансильванский вопрос приобрел с приходом к власти в Румынии в 1965 г. Н. Чаушеску. Концепция континуитета была возведена в ранг официальной государственно-партийной доктрины, зафиксированной в программных документах коммунистической партии, что повлекло за собой ужесточение государственной политики в отношении нерумынских этнических групп населения и обострение на этой почве венгеро-румынских отношений.

С середины 70-х и в 80-е гг. в связи с нарастанием экономического и политического кризиса в Румынии, общим ухудшением социально-экономического положения основных слоев и групп населения, усилением административного и идеологического давления со стороны тоталитарных структур обострились и национальные противоречия в Трансильвании. Венгерская общественность попыталась выступить в защиту венгерского национального меньшинства, проживающего в Трансильвании.

В румыно-венгерский спор с обеих сторон мощно включилась историческая наука, не менее ангажированная, чем прочие отрасли национальной культуры, такие как фольклористика или филология, призванные хранить и лелеять национальные традиции.

Открытая полемика вспыхнула в середине 1980-х гг., когда идеологический контроль со стороны руководящего центра социалистического содружества Москвы ослаб настолько, что спорящие стороны стали открыто предаваться долго сдерживаемым эмоциям. Как уже отмечалось выше, поводом послужил выход в свет в Будапеште трехтомного труда группы венгерских историков «История Трансильвании»¹⁹. Это был в какой-то степени ответ не только на «Историю

Трансильвании», выпущенную в Румынии в 1964 г. коллективом румынских историков во главе с академиком К. Дайковичу, но и на всю продукцию румынской исторической науки 1950–1980-х гг.²⁰ Полемика, которая ранее велась как бы анонимно (каждая сторона излагала свою концепцию истории Трансильвании параллельно, без указаний на конкретный объект своих критических стрел), перешла в открытую фазу. Венгерский синтез, охватывающий историю Трансильвании с древнейших времен до 1918 г., содержал развернутую критику концепции румынской историографии по всем ключевым и спорным вопросам. В работе венгерских историков, в частности, давался анализ так называемой «дакороманской теории» генезиса румынского народа (или, иначе, концепции «континуитета и автохтонности»). Однако вне хронологических рамок венгерского издания осталась вся новейшая история края. «Румынскому» периоду истории Трансильвании посвящена всего одна, заключительная глава 3-го тома, носящая обзорный характер и охватывающая 1918–1945 гг. В какой-то степени сыграло свою роль отсутствие первоисточников и ограниченность доступа к архивам Москвы и Бухареста.

В Румынии венгерское издание встретило шквал негативной критики. В дискуссию вмешались высшие руководители партии и государства во главе с Н. Чаушеску. Тогдашнее румынское руководство активно внедряло в сознание румын идеи территориальной целостности страны и отрицания национальных коллективных прав других народов, населяющих Румынию. Предоставление этих прав в национальном сознании румын воспринималось как угроза территориальной целостности государства, что порождало подозрительность в отношении намерений мадьяр, проживающих по обе стороны границы, разделяющей два государства. Жесткой критике подвергся принцип национального самоопределения как ошибочный, навязанный извне — сначала Коминтерном, затем Кремлем. В книге венгерских соседей румынская власть увидела ни много, ни мало как покушение на территориальную целостность страны. Румынские историки, а также печать и идеологический актив компартии получили инструкцию развернуть кампанию по «разоблачению» труда венгерских авторов. Газеты «Ромыния либерэ», «Ромыния литерарэ» выступили с резко негативными рецензиями на «Историю Трансильвании», опубликованную венгерскими историками. Вышла даже специальная брошюра под названием «Опасная игра фальсификаторов истории» — заголовок, заимствованный у печально знаменитого советского издания времен «холодной войны», посвященного «разоблачению» западной ис-

ториографии! В сборник вошли критические статьи румынских историков. Коллег из Венгрии они обвинили в «ностальгии по венгерскому ревизионизму», в «злостной фальсификации истории Румынии» и даже «в ностальгии по Австро-Венгерской монархии» — именно так была озаглавлена одна из статей сборника. В 1982 г. в США была опубликована на английском языке книга румынских историков К. Боди и В. Канди «Трансильвания в истории румын», которая отражала в наиболее полном виде основные тенденции румынской историографии по этому вопросу периода 1980-х гг.²¹

Румынская эмиграция в Западной Европе и США также активно выступила как в поддержку теории автохтонности, так и против предоставления национальной автономии венгерскому населению Трансильвании. Так, выступая во Франкфурте-на-Майне 20 декабря 1986 г., экс-король Румынии Михай заявил, что незачем поднимать вопросы, которые давно решены. По его мнению, румыны, проживавшие в Трансильвании в период ее принадлежности румынскому королевству, не имели якобы никаких привилегий. Недовольство мадьяр Михай объяснял тем, что они лишились своего особого положения, которое занимали в «годы оккупации Северной Трансильвании после второго Венского арбитража (1940–1944 гг.) и в последующие десятилетия, благодаря активному сотрудничеству с кругами, поддерживаемыми Советским Союзом». Он неоднократно ссылаясь на влияние на трансильванских мадьяр пропаганды, идущей из Венгрии и венгерской эмиграции на Западе²².

Михай не хотел замечать, что главная причина обострения национальных противоречий в Трансильвании крылась прежде всего в неравноправном правовом и социально-экономическом положении национальных меньшинств.

В современной румынской историографии последнего десятилетия, которая представлена рядом монографий и огромным количеством статей, посвященных как общим, так и конкретным проблемам истории Трансильвании в новейшее время, указанные выше тенденции ее развития в предшествующий период продолжают оставаться в целом доминирующими, несмотря на смену политического режима и снятие цензурных ограничений.

И все же нельзя не отметить позитивных сдвигов, характеризующихся отходом румынских историков от явно устаревших, откровенно националистических концепций. Это коснулось в первую очередь, естественно, молодого поколения историков. Отношение их к работам предшественников, содержащим грубые искажения истории Тран-

сильвании и румыно-венгерских отношений, стало более критичным. Так, в статье Кристиана Василе содержится призыв к читателям отнестись «очень осторожно» к исследованию своего коллеги Иона Шуца «Трансильвания — химера ирредентистского унгаризма»: «Эта работа, — пишет автор, — должна использоваться весьма осторожно, так как она носит националистический характер»²³.

Постепенно предметом критического рассмотрения становятся старые стереотипы, унаследованные от довоенной «буржуазной», а затем и коммунистической историографии, привычные штампы, а также идеализация румынского прошлого, трактовка ключевых проблем румынской истории с националистических позиций. Так, авторы вышедшего в 2005 г. коллективного труда «История Румынии», подготовленного в основном группой румынских исследователей из Клужского университета (Трансильвания), отмечают, что в годы «национального коммунизма» Н. Чаушеску «поддержка теории преемственности приобрела запредельные формы. Последствия этих лет ощущаются и до сих пор на уровне обыденного сознания»²⁴. Они подчеркивают, что в современной румынской историографии тем не менее «появилась критическая тенденция, отвергающая преувеличения и мифы и стремящаяся к исторической верификации образов, созданных без опоры на достоверные материалы...»²⁵.

Весьма показательна для характеристики современной румынской историографии оживленная реакция общественности Румынии на острокритическую статью известного американского историка этнического румына по происхождению Тони Джадта, появившуюся в авторитетном американском издании в 2001 г. (подробнее о ней будет сказано ниже)²⁶. Несмотря на то, что оценка публикации Джадта со стороны румынских историков в основном была отрицательной, все же сам факт публикации подобной статьи в румынской научной периодике и дискуссия вокруг нее — явление новое в национальной историографии²⁷.

Анализируя огромный пласт исторической литературы, посвященной исследованию различных аспектов новейшей истории Трансильвании, можно выделить несколько основных направлений, которые находятся в центре внимания румынских историков. Во-первых, блок проблем, связанных с решениями второго Венского арбитража и их последствиями для Румынии. Во-вторых, вопросы, касающиеся политики великих держав и прежде всего СССР в отношении Трансильвании в годы Второй мировой войны. В-третьих, значение трансильванского вопроса как инструмента установления советского кон-

троля и средства давления на развитие политической жизни в Румынии и на формирование ее правительств, угодных Москве. И, наконец, дипломатическая борьба вокруг трансильванского вопроса в период подготовки мирных договоров на сессиях СМВД в 1945–1946 гг. и на Парижской мирной конференции 1946 г.

В исторической румынской литературе, посвященной первому периоду войны, до нападения Германии на СССР, наибольшее внимание уделяется изучению второго Венского арбитража и всего комплекса вопросов, связанных с борьбой Германии и Советского Союза за гегемонию в Юго-Восточной Европе, а также позиции Венгрии и ее устремлениям захватить Трансильванию²⁸.

Заслуживает внимания небольшая по размерам книга В. Попа «Битва за Трансильванию», которая интересна и полезна приведенными в ней документами. Она посвящена в основном румыно-венгерским переговорам о Трансильвании летом 1940 г. в приграничном городе Турну-Северин, участником которых был и автор книги. Работа была переиздана в 90-е гг. XX в. Приведенные в ней материалы — яркое свидетельство бессилия румынской дипломатии найти достойный выход из трагической ситуации, в которой Румыния оказалась летом 1940 г. Находясь в полной дипломатической изоляции, окруженная враждебными соседями, Румыния не могла удержать все территории, приобретенные ею по итогам Первой мировой войны. Послушная воле единственного «друга», Адольфа Гитлера, она была вынуждена «добровольно» передать часть румынской территории сначала Советскому Союзу, а затем Болгарии и Венгрии²⁹.

Фундированностью среди работ румынских историков выделяются исследования профессора из университета Крайовы В.Ф. Добринеску. В монографиях «Румыния и Венгрия от Трианона до Парижа» и «Из истории борьбы за Трансильванию» и ряде статей он, опираясь на румынские источники, прослеживает перипетии схватки Венгрии и Румынии за край, который в течение четверти века трижды переходил из рук в руки. В этих работах Добринеску сопоставил в сравнительно-историческом плане ход и результаты рассмотрения трансильванского вопроса на мирных конференциях, завершивших обе мировые войны XX в. Нельзя сказать, что концептуально автор предложил что-то новое. Обе эти работы, как и множество других румынских трудов, ориентированы на обоснование незыблемости и абсолютной бесспорности прав румынского государства на эту территорию³⁰.

На рубеже XX–XXI вв. в исследовательскую работу по проблеме включился значительный отряд историков трансильванского региона.

Примечательно, например, что в 1990-х гг. в г. Клуже-Напоке был создан Центр по изучению истории Трансильвании с собственным журналом на английском языке. Активнее стали привлекаться новые источники как из национальных, так и зарубежных архивов.

С конца 1990-х гг. в работах ряда румынских историков трансильванский вопрос освещается в более умеренном тоне и в более объективной подаче, чем прежде. Можно назвать в данном случае исследования одного из крупнейших румынских специалистов по истории Трансильвании — клужского ученого В. Пушкаша и его коллеги профессора В. Весы, которые анализируют трансильванский вопрос в контексте международных отношений и политики ведущих европейских держав в 40-е гг. XX в. и обращают внимание на объективные факторы, обусловившие территориальные потери Румынии в начале 1940-х гг.³¹ Необходимо также отметить аналитические, обобщающие статьи профессора И. Кипера, посвященные трансильванскому вопросу. Примечательно, что он широко использует документы российских архивов³².

Один из болезненных вопросов для современной румынской историографии, а также отчасти и общественного, и национального самосознания связан с важным в послевоенной истории Трансильвании эпизодом внезапного упразднения советскими военными властями румынской администрации северной части края осенью 1944 г. К нему все чаще обращаются румынские историки, причем политика советского правительства и действия командования Красной Армии на территории Трансильвании в период с ноября 1944 по март 1945 г., вплоть до назначения кабинета П. Грозы, в целом получают в румынской литературе отрицательную оценку³³. Действия советских властей в ходе ноябрьского кризиса в Трансильвании ряд румынских и зарубежных исследователей трактуют исключительно с точки зрения реализации далеко идущих планов Кремля. Сталин и Молотов, пишет немецкий исследователь Ульрих Бургер, поняли стратегическое значение спорной территории, решив использовать ее для того, чтобы побудить добиться смены правительства в Румынии³⁴.

В таком же ключе интерпретируется историками (не только румынскими) эпизод с изгнанием из Северной Трансильвании румынских чиновников и введение советской военной администрации в ноябре 1944 г. Край служил в руках советского руководства своеобразным «залогом», с помощью которого Москва добивалась послушания румынских и венгерских коммунистов, полагают авторы³⁵. Указанный тезис, которым подчеркивается лишь один, но из ряда важнейших,

аспект советской политики в трансильванском вопросе, все же, по нашему мнению, несколько упрощает действительную картину. Об этом можно судить, в частности, и по документам, недавно опубликованным в Бухаресте³⁶. Данная публикация в определенной мере восполняет имеющийся в историографии пробел, позволяет не видеть в намерениях и действиях советского командования один только злой и коварный умысел, желание руководствоваться исключительно собственными эгоистическими интересами, стремлением использовать чужие беды в целях политического шантажа.

И все же ростки нового, а в данном случае речь идет о движении к более или менее беспристрастному изложению событий трансильванской истории и взаимоотношений Румынии с Венгрией и СССР, пробиваются. Позитивную роль в этом процессе сыграло появление новых документальных источников. Интересна в этом плане монография клужского историка Марчелы Сэлэжан (в девичестве Вултур) «Советская администрация в Северной Трансильвании (ноябрь 1944 — март 1945)»³⁷. Впервые в книге приводятся факты о провокациях, вооруженных инцидентах, нападениях и бандитских вылазках добровольческих отрядов румынских боевиков против лиц венгерской национальности.

Тем не менее и в ее работе упор делается главным образом на «гегемонистские поползновения Москвы и коварные антирумынские козни Кремля»³⁸. М. Сэлэжан, например, пишет о наступившем якобы «административном хаосе» после вывода из Северной Трансильвании румынских жандармов и чиновников, но не находит адекватных выражений для характеристики состояния области при румынской власти.

Румынские авторы игнорируют тот факт, что советская политика в Трансильвании отнюдь не ограничивалась стремлением использовать ситуацию в своих внешнеполитических целях. Каковы бы ни были мотивы, которыми правительство СССР руководствовалось в это критическое для края время, оно сыграло, на наш взгляд, положительную роль в демократизации политической жизни многонациональной территории. А, главное, решительные действия политических и военных властей Советского Союза предотвратили братоубийственную войну между двумя народами. Поэтому мы считаем неприемлемой бытующую в румынской историографии точку зрения о том, что введение советской военной администрации было актом несправедливости, имевшим своей целью якобы лишь замену одного румынского правительства другим, контролируемым коммунистами. Мы располагаем документами российских архивов, которые неопровержимо до-

казывают: смена администрации в Северной Трансильвании произошла не только по инициативе советского правительства, но и по просьбе Временного правительства Венгрии. Это был в какой-то мере ответ на обращение в октябре 1944 г. находившейся в Москве официальной делегации Венгрии к правительству СССР с просьбой положить конец злодеяниям в Северной Трансильвании добровольческих отрядов румын при полном попустительстве органов власти румынского государства. Венгры просили также об освобождении из румынских концентрационных лагерей граждан Румынии венгерской национальности³⁹. Поразмыслив, изучив обстоятельства дела и посоветовавшись с представителями союзников, советское руководство взяло просьбам мадьяр.

Генерал-полковник В.П. Виноградов, заместитель председателя Союзной Контрольной Комиссии по Румынии, 12 ноября 1944 г. от имени СКК издал распоряжение, согласно которому румынской администрации было велено в течение 48 часов, т. е. до 14 ноября, покинуть пределы края⁴⁰.

Необходимо отметить, что советские войска еще до введения советской администрации предпринимали меры к тому, чтобы в пределах своей компетенции пресечь противоправные действия местных румынских властей и «добровольцев». Так, командованием Красной Армии был издан приказ о прекращении грабежей имущества мадьяров и возвращении им захваченных у них земель, урожая и движимого имущества. Эти негативные явления приняли повсеместный характер уже в сентябре 1944 г. после вступления румынской армии в Северную Трансильванию⁴¹. Самым опасным из полномочий румынской администрации, открывающим простор для произвола, было право составления в каждой общине «конскрипционных списков» с тем, чтобы установить, кому из жителей Северной Трансильвании быть гражданином Румынии (статья IX), а кому нет⁴². Произвольное толкование статуса гражданина послужило причиной множества трагедий трансильванцев нетитульной национальности.

Множество свидетельств о безобразиях, творившихся под крылом государственной власти, было собрано Трансильванским венгерским хозяйственным союзом, который в течение месяца, в декабре 1944 г., проводил специальное обследование всей освобожденной территории⁴³. Собранные факты нашли косвенное подтверждение нейтрального очевидца Генри Робертса, который осенью 1944 г. объезжал районы Трансильвании, Бессарабии и Буковины с целью изучения положения национальных меньшинств⁴⁴.

Румынская администрация действовала противоправно и саботировала приказы Красной Армии. Именно поэтому и пришлось ее убрать.

Следует обратить внимание и еще на одну историографическую, незаметную на первый взгляд, неточность. Дело в том, что при характеристике событий осени 1944 г. в Трансильвании во всех без исключения исторических трудах, в том числе и российских, на первый план выдвигается деятельность так называемых «добровольцев» и лишь иногда, как бы мимоходом, упоминаются и жандармы, т. е. представители государственной власти. Венгерские работы, в которых описываются бесчинства жандармов, обычно подаются читателю как пристрастные, а самим антивенгерским проявлениям придается характер стихийности. Мы этого не отрицаем: было множество стихийных грабежей, а также и убийств, были и «добровольцы-гвардейцы» имени Маниу, правда не совсем «стихийные» и не просто «добровольцы». В действительности они представляли вполне организованную силу. Но самое главное, при таком подходе к изложению событий вольно или невольно остается в тени, как бы в стороне сама государственная власть. Нам представляется, что роль румынской администрации во главе с восемью королевскими комиссарами, назначенными в Трансильванию и руководившими также жандармерией, непосредственно участвовавшей в терроре мадьярского населения, изучена недостаточно. Мимо внимания исследователей прошло, например, одно из писем генерала Виноградова, адресованное тогдашнему премьеру К. Санатеску.

Генерал потребовал к 17 ноября 1944 г. распустить румынскую жандармерию в Трансильвании и предать суду военного трибунала командира жандармского полка⁴⁵.

Если бы чиновники из центральной Румынии, хлынувшие в освобожденный край, соблюдали минимум законности и порядка, не было бы нужды советскому руководству создавать себе новые политические проблемы в общении с руководством Румынии и взваливать на свои плечи дополнительные хлопоты по управлению уездами, деревнями и волостями Северной Трансильвании. Ликвидация румынской администрации в Северной Трансильвании, по нашему мнению, не входила в планы советского правительства, имевшего в своем арсенале много других средств и возможностей для влияния на румынское правительство. И кабинет генерала Санатеску в данном случае не мог быть помехой в осуществлении «румынской» политики Советского Союза.

Другое дело, что советское правительство воспользовалось ситуацией, созданной самими же румынами, для того, чтобы оказать на них давление в своих политических интересах⁴⁶. Ведь не собирался же Сталин в нарушение Соглашения о перемирии отдать Северную Трансильванию Венгрии, и не мог он до бесконечности сохранять советскую военную администрацию в Северной Трансильвании. Вполне понятно, что боялись и опасались этого только румыны.

В условиях растущей агрессивности румынской власти венгры и их общественно-политические организации стали ориентироваться на компартию и советскую военную администрацию. Это обстоятельство отмечается многими авторами, в том числе и венгерскими⁴⁷. Нет ничего удивительного в том, что венгры, ставшие главным объектом произвола румынской власти и вооруженных банд, в советских военных видели своих спасителей. Сразу вырос авторитет в крае вышедшей из подполья компартии Румынии и связанных с ней организаций, в первую очередь Союза венгерских трудящихся Румынии (МАДОС), сыгравшего важную роль в демократизации национальной политики в Румынии. Успех им сопутствовал не в последнюю очередь потому, что они сумели наладить рабочий контакт с советской военной администрацией. Действительно, численность РКП в Трансильвании стала быстро расти за счет притока в ее ряды лиц венгерской национальности.

После прихода к власти контролируемого коммунистами правительства Петру Грозы 6 марта 1945 г., государственная политика изменилась и была направлена на устранение межнациональной розни в крае и подрыв влияния национал-царанистской партии Ю. Маниу, имевшей сильные позиции среди румынского населения Трансильвании.

Весомый вклад в изучение позиции РКП по трансильванскому вопросу в рассматриваемый период вносит книга Фл. Константиу, посвященная политической деятельности видного коммунистического лидера Лукрециу Патрашкану. В ней приводятся тексты речей Л. Патрашкану, произнесенных им в г. Клуже 13 июня 1945 г. и 8 июня 1946 г., а также стенограммы заседаний Политбюро КПП 1945–1946 гг. по национальному вопросу. Отстаивая права Румынии на Трансильванию, Патрашкану в предвыборный период в 1945–1946 гг. в борьбе за власть против традиционных партий пользовался той же аргументацией, что и противники компартии. 8 июня 1946 г. в Клуже он громко заявил: «Трансильвания принадлежала и будет принадлежать Румынии»⁴⁸. Но ведь ни Ю. Маниу, ни национал-царанисты, с кото-

рыми он боролся за влияние в румынских массах, никто, ни одна партия в Румынии не была настроена в пользу передачи края Венгрии. Подобные заявления Патрашкану вполне укладывались в политику и идеологию КПР, и трансильванский вопрос не разделял румынских коммунистов. Этой линии придерживались в 1945–1946 гг. и те, кто пытались захватить власть в партии, а затем и в государстве, используя публичные речи Патрашкану во внутривластной борьбе, обвинив его в национализме. Весной 1948 г. Патрашкану после ареста было предъявлено обвинение в буржуазном национализме и в антипартийной деятельности. Позиция Патрашкану по национальному вопросу явилась лишь предлогом для репрессий против него и отстранения от руководства КПР. Казненный в 1954 г. Патрашкану, человек честный, теоретик и интеллектуал, пал жертвой внутривластных интриг.

Книга Фл. Константиу полезна еще и тем, что в обширном предисловии содержится обстоятельный анализ трансильванского вопроса как в целом, так и отдельных этапов его решения, а также политики КПР по национально-территориальному вопросу в межвоенный период. Он, как и многие другие современные румынские авторы, считает политику компартии по целому ряду вопросов внутривластной и международной жизни антинациональной, особенно в 1920–1940-е гг., когда партия придерживалась принципов пролетарского интернационализма и установок Коминтерна. В частности, им резко осуждается позиция КПР в вопросе о «едином румынском национальном государстве» и «Великой Румынии» после Первой мировой войны за то, что коммунисты считали это государство «многонациональным и империалистическим». Не приемлет он и отношение коммунистов Румынии к национальным меньшинствам, к лозунгу национального самоопределения. При этом Константиу делает акцент на «инонациональный», по его выражению, кадровый состав компартии и ее руководства, засоренного «чуждым элементом» — евреями, украинцами, болгарами, мадьярами, поляками и др. Это определяло, по его мнению, позицию руководства КПР по национальному вопросу и его отношение к праву наций на самоопределение, к национальным меньшинствам как к революционному фактору, по сути, подрывающему основы господствующего режима⁴⁹.

Сама же проблема национальных меньшинств стала предметом изучения в Румынии лишь после падения коммунистического режима. Достоинством появившихся за это время работ является тщательный анализ статистики и результатов переписей населения, как и документальных источников вообще⁵⁰.

И, наконец, не обойдена вниманием румынских историков такая важная проблема, как трансильванский вопрос на Парижской мирной конференции 1946 г. Они единодушны в оценке решения мирной конференции о передаче Румынии всей Трансильвании как явления закономерного⁵¹, в то время как историки Венгрии оспаривают законность парижского вердикта и воспринимают его как явную несправедливость. Позиции сторон, таким образом, диаметрально противоположны. В таких случаях, наверное, особое значение приобретает взгляд на проблему «со стороны», соблюдая определенную дистанцию по отношению к обеим сторонам, что в целом характерно для российской историографии⁵².

Большое внимание уделяется в румынской историографии анализу политики СССР и великих держав в трансильванском вопросе. В работах Фл. Константиу, И. Кипера, Г. Бузату, А. Киша и др. отмечается, что трансильванский конфликт был на руку великим державам, заинтересованным в установлении своего контроля над обеими странами⁵³.

Новейшие работы венгерских историков, пришедших в науку в последние два десятилетия, свидетельствуют о серьезных сдвигах, которые происходят в историографии этой страны. Уходит в прошлое огульная очерняющая критика всего, что было связано с историей СССР и его политикой, несмотря на жестокое подавление советскими войсками революции 1956 г. и последовательную поддержку Москвой режимов Ракоши, а затем и Кадара. В настоящее время большинство венгерских историков подходят к изучению отношений с Россией и СССР, а также и с соседними странами с позиций исторических фактов, без устаревших схем и конструкций, избегая политических предпочтений и идеологических предубеждений. Показательно в этом смысле более сбалансированное освещение, чем это было прежде, советской позиции в румыно-венгерском конфликте, несмотря на решающую роль СССР в передаче всей Трансильвании Румынии. Более предметной и осмысленной стала критика внешнеполитического курса хортистской Венгрии. Так, в исследованиях академика Игнаца Ромшича и профессора Будапештского университета Пала Притца, основанных на документальном материале, отчасти также и на наших публикациях, политика в отношении Советского Союза рубежа 1930–1940-х гг. получили более спокойную, иногда даже благожелательную интерпретацию, однозначно осуждается оголтелый антисоветизм хортистских лидеров⁵⁴.

Венгерская историография дает негативную оценку участия Венгрии в агрессивной антисоветской войне Гитлера, квалифицируя объ-

явление войны Венгрией Советскому Союзу как безумный акт и первый шаг к национальной катастрофе, хотя высказываются в оценке бомбардировки венгерского аэродрома в Кошице, послужившей поводом к войне, разные мнения.

Внимательный анализ документальных источников, дополненный результатами новейших исследований, позволил венгерским авторам внести определенные коррективы в оценки, касающиеся весьма непростых отношений Венгрии с Германией и лично регента Хорти с нацистским фюрером во время войны и в период, непосредственно ей предшествовавший. Следует иметь в виду, что амплитуда колебаний во взаимоотношениях двух стран, не сопоставимых по величине и мощи, не была постоянной величиной. Термин «гитлеровский сателлит» привычен и удобен, но он не отражает истинного положения вещей и часто приводит в заблуждение. И не только применительно к Венгрии, но и другим странам — Болгарии, Финляндии, Италии, Румынии. За термином «сателлит» в каждом отдельном случае скрывалось разное содержание. Тесное военно-политическое сотрудничество Венгрии с Германией формулой «сателлит — гегемон» не исчерпывается. Несмотря на сильные прогерманские и пронацистские настроения в различных кругах венгерского общества и засоренность госаппарата, особенно офицерской касты и генералитета, тайными и явными фашистами, эти отношения никогда не были идиллическими и безоблачными. Отчужденность, подозрительность, антипатия — эти чувства были взаимными сверху донизу. Гитлер презирал мадьяр как нацию и недолюбливал адмирала Хорти. В свою очередь, венгерский дворянин Хорти относился к германскому фюреру как к плохо воспитанному выскочке с дурными манерами. Разногласия существовали по поводу дальнейших территориальных притязаний Венгрии к Румынии, по «еврейскому вопросу», относительно масштабов участия Венгрии в войне против СССР. На протяжении всей войны Венгрия упорно уклонялась от выполнения все возраставших и все более настоячивых требований немцев об отправке на Восточный фронт новых крупных соединений венгерской армии. Боеспособные части в достаточном количестве нужны были самому Хорти для успешного завершения национальной задачи номер один — овладения всей Трансильванией. К предстоявшей неизбежной схватке за Трансильванию оба германских «союзника» готовились с упоением и страстью, несравнимой с полным отсутствием таковых у румынских и венгерских солдат, воевавших на советско-германском фронте. Обо всем этом был хорошо осведомлен Гитлер. Риббентропу и фельдмаршалу Кей-

телю, прибывшему в Будапешт со специальным заданием от Гитлера, с большим трудом удалось летом 1942 г. добиться отправки на Сталинградский фронт 2-й венгерской армии, не очень боеспособной, плохо вооруженной, еще хуже обмундированной и совершенно непригодной для боев в заснеженных степях Дона. Вплоть до оккупации страны 19 марта 1944 г. вермахтом правящие круги во главе с Хорти достаточно эффективно сопротивлялись также депортации в лагеря смерти евреев. Сателлитом эту страну можно считать, по нашему мнению, лишь после осуществленного немцами 15 октября 1944 г. государственного переворота, похищения самого адмирала головорезами Отто Скорцени и приведения к власти палача, марионетки и неврастеника Салаши. Ни марионеткой, ни квислингвцем Хорти не был никогда, и Гитлер, надо признать, имел все основания подозревать его в «измене» германскому союзнику⁵⁵.

Начиная с 1942 г. эмиссары правителя Венгрии в нейтральных столицах налаживали контакты с целью организации встреч и переговоров о выходе из войны с представителями Англии и США. Вместе с тем на прямые контакты с представителями СССР они были вынуждены идти под прямым давлением союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Одним из первейших условий, выдвинутых Великобританией и США, было требование немедленного вывода венгерских войск с территории Советского Союза. Сталинград дал сильнейший импульс попыткам Венгрии и Румынии заключить сепаратный мир за спиной Германии. После высадки союзников на Сицилии и начала их наступления на Рим антигерманское крыло венгерского руководства, возглавляемое премьером М. Каллаи, связывало все надежды на прорыв союзных армий через Италию к венгерским границам и, как следствие, на быстрый и сравнительно безболезненный выход Венгрии из войны. Однако наступление союзников захлебнулось, и они надолго застряли в «голениище» Аппенинского «сапога». Судьба Венгрии должна была решиться на Восточном фронте. В сентябре 1943 г. правительство приняло решение о выводе венгерской армии с территории СССР. Одновременно Совет министров отклонил германское предложение отправить венгерские войска на Балканский фронт. В ответ Германия стала шантажировать Будапешт угрозой оккупации Венгрии войсками Румынии, Словакии и Хорватии, что в силу своеобразия исторически сложившихся отношений в регионе общественностью Венгрии воспринималось как большее зло, чем германская оккупация. Исследованные архивные документы, сопоставленные с данными других источников, позволяют с достаточной степенью дос-

товерности реконструировать процесс, связанный с попытками заключения сепаратного мира.

Крупнейшими венгерскими историками, исследовавшими трансильванскую проблему, являются Михай Фюлеп, Иштван Вида, Игнац Ромшич, Шандор Балог, Золтан Сас и др.⁵⁶ Их перу принадлежит ряд работ, посвященных изучению различных аспектов новейшей истории Трансильвании. В центре внимания венгерской историографии находятся прежде всего вопросы, касающиеся политики великих держав в отношении Трансильвании в годы Второй мировой войны. Венгерские историки весьма негативно оценивают результаты обеих мировых войн и мирные переговоры с Румынией и Венгрией, послужившие международно-правовым основанием для присоединения к Румынии всей Трансильвании. Мир, который Венгрия получила после окончания Второй мировой войны, в некоторых отношениях оказался еще менее благоприятным, чем тот, что был подписан в Большом Трианонском дворце под Парижем в 1920 г. На Парижской мирной конференции 1946 г. не было принято ни одного специального решения о национальных меньшинствах в противоположность Версальской, где между странами-союзницами и вновь образованными государствами было пять соглашений по правам национальных меньшинств, что явилось, безусловно, важным шагом в направлении демократизации европейской политики после Первой мировой войны. К сожалению, однако, международные юридические нормы и соглашения не носили в те времена более обязательного характера с точки зрения внутригосударственной системы права, чем нынешние, принятые после Второй мировой войны.

Венгерские историки утверждают, что трансильванский вопрос был на руку великим державам, заинтересованным в установлении своего контроля над обеими странами. По мнению венгерского исследователя И. Ромшича, наиболее характерной чертой политики великих держав было последовательное осуществление принципа «*divide et impera*» (разделяй и властвуй)⁵⁷.

Тем не менее чувство реальности, учет позиции международной общественности не позволяет Венгрии ставить вопрос о пересмотре Парижских мирных договоров ни прямо, ни косвенно. Синдром Трианона в этом смысле преодолен и в политике, и в общественном мнении, и в науке исторической. Возврата к катастрофической политике ревизии и реванша времен хортизма нет.

Но идеализация прошлого, рассмотрение проблемы сквозь розовые очки, как говорится, все еще имеет место быть и в высокопрофессиональной исторической науке Венгрии. В этот «грех» иногда

впадают даже очень солидные, опытные ученые. Так, если верить венгерскому историку Шандору Балогу, в Венгрии с незапамятных времен вплоть до конца существования королевства в сфере международных отношений царили мир да благодать, а правители, начиная со Святого Иштвана, неукоснительно проводили в полиэтничной стране политику равенства национальностей⁵⁸.

Значительное место в работах венгерских историков, так же как и румынских, о чем уже говорилось ранее, уделяется анализу причин введения в Северной Трансильвании прямого административного управления Красной Армии в ноябре 1944 г. и политике румынских властей в условиях разрастания этнического конфликта в период нахождения там румынской администрации. Венгерские историки делают упор на описание массовых убийств венгров, совершенных так называемыми «гвардейцами» Ю. Маниу. Они считают совершенно правильным решение Союзной Контрольной Комиссии об отказе в регистрации Национал-царанистской партии (НЦП) в Трансильвании, поскольку ее лидер не отмежевался от боевиков, носящих его имя, повинных в массовых убийствах мадьяр⁵⁹.

В работе видного венгерского историка Шандора Балога, посвященной дипломатическим переговорам, предшествовавшим заключению мирного договора с Венгрией, рассматривается также положение в Трансильвании в период Второй мировой войны. В книге упоминаются зверства румын в отношении мирного мадьярского населения в Трансильвании, но не говорится о венгерских зверствах над румынами Северной Трансильвании в 1940–1944 гг., когда эта область была под венгерским господством⁶⁰. Между тем в одном весьма пространном донесении-справке, присланном в Москву корреспондентом ТАСС из Бухареста в 1944 г., подробно описывались безобразия, творимые хортистскими властями Северной Трансильвании над беззащитным румынским населением после занятия края в 1940 г.⁶¹. Беспристрастное в данном случае свидетельство корреспондента подтверждает также подлинность венгерских жалоб и опровергает существующую в румынской литературе версию о том, что советская сторона преднамеренно преувеличивала масштаб антимадьярских эксцессов в политических целях, чтобы оказать давление на Румынию.

С другой стороны, венгерские историки считают, что установление советской администрации в Трансильвании способствовало ужесточению советского контроля над Румынией⁶².

Проблемы Трансильвании в той или иной степени затрагиваются в работах западных историков Ульриха Бургера, Норманна Нэймарка,

Поля Квинлана, Иехуды Лахава, Войтека Масны, Елизабет Баркер, Итаки Акино, Макса Стенли, Раймонда Гравера, Габриеля Городецкого, Андриаса Хильгубера, Стефана Фишера-Галац и др.⁶³

В западной историографии сравнительно мало внимания уделяется внутренним аспектам румыно-венгерского конфликта. Центральное место в работах западных историков занимают международные аспекты проблемы, позиция великих держав и эволюция советской позиции в трансильванском вопросе. Так, немецкий ученый Ульрих Бургер, впрочем, как и многие другие исследователи вопроса, полагает, о чем мы уже говорили выше, что вплоть до лета 1944 г. Сталин маневрировал, используя трансильванский вопрос в качестве инструмента давления попеременно то на Румынию, то на Венгрию с целью склонить эти страны к разрыву с державами «оси» и перейти в лагерь Объединенных наций⁶⁴.

В таком же ключе интерпретируется эпизод, связанный с изгнанием из Северной Трансильвании румынских чиновников и введением советской военной администрации в ноябре 1944 г. в работе израильского автора Иехуды Лахава⁶⁵.

К тому же западная историография не дает должной оценки неумному стремлению к власти румынского коммунистического руководства, перед которым неожиданно открылась перспектива стать ведущей политической силой в государстве, о чем они раньше и мечтать не могли, — таким сильным было влияние в массах обеих «исторических» партий Румынии (НЦП и НЛП). Таким образом, в начавшейся борьбе за власть Трансильвания превратилась в козырную карту, прежде всего в руках румынских коммунистов. И этой картой они воспользовались сполна. Конечно, не без помощи могущественного советского союзника. Размах и содержание развернутой КПР кампании против своих политических противников под лозунгом «демократии» говорят о многом. Лейтмотивом пропагандистской кампании был, по выражению румынского историка-эмигранта В. Фрунзе, следующий тезис: «Трансильвания будет отдана Румынии только при условии введения *истинной демократии*»⁶⁶ (выделено нами. — Авт.). При этом демократия понималась весьма своеобразно — в ее сталинской интерпретации, как демократия советского образца.

На исторических параллелях между политикой правящих кругов межвоенной Румынии и периода правления коммунистов в отношении венгерского меньшинства построены исследования американских историков Тони Джадта и Ст. Фишера Галаца, который, кстати сказать, по происхождению также является румыном⁶⁷. Пафос статьи

Тони Джадта — опровержение давно известных зарубежным специалистам пороков румынской историографии: мифологизация румынского прошлого, в особенности истории создания «Великой Румынии» («*România Mare*») по итогам первой мировой войны; преувеличение значения и роли национально-освободительных движений («чаяний румынского народа») без достаточного учета роли международных факторов, сделавших возможным присоединение к Румынии после Первой мировой войны значительных территорий соседних государств⁶⁸. «Румынизация Трансильвании, — пишет, в свою очередь, Шт. Фишер Галац, — и соответственно урезание прав и привилегий совместно проживающих национальностей, в особенности венгров, показывает поразительное сходство с политикой предшествующего режима... Крайне националистический характер эта политика приняла в 1960-х гг., когда Румыния встала на путь независимости внутри советского блока»⁶⁹.

В целом исследования западных историков, опубликованные в последние годы, в большинстве своем отличаются от ранее вышедших расширением источниковой базы за счет введения новых архивных документов и отходом от прежних, заведомо конфронтационных позиций в отношении советской политики в восточноевропейском регионе. Тем не менее уязвимым местом большинства указанных выше работ является отсутствие в них документов российских архивов, в том числе и опубликованных российскими историками, что, безусловно, затрудняет объективный анализ проблем, касающихся прежде всего советской политики и советского присутствия в странах Восточной Европы.

В достаточно длинном перечне работ западных авторов своей солидной источниковой базой и аргументированностью выделяются исследования молодого итальянского историка Стефано Боттони, посвященные малоизученной теме — образованию в 1952 г. в Трансильвании в рамках румынского государства Венгерской автономной области с центром в г. Тыргу-Муреше, однако впоследствии, в 1968 г., решением Н. Чаушеску упраздненной⁷⁰. Сама проблематика отличается новизной, поскольку ни на Западе, ни в Румынии, ни в СССР или России специальных работ по этой теме не было. Итальянский историк привлекает новые документальные источники, в том числе публикации документов, появившиеся в последнее десятилетие в России⁷¹. Он считает, что предоставление национальной автономии венгерскому меньшинству, компактно проживающему в ряде районов Восточной Трансильвании, происходило по идеологическим установ-

кам и под давлением Кремля. Как бы там ни было, венгерское население Румынии получило поддержку из Москвы. Как показывают документы, опубликованные в России, на которые в значительной степени опирается Ст. Боттони, в румынскую конституцию 1952 г. именно по рекомендации ЦК ВКП(б) была включена специальная статья, направленная «против проявления какой-либо национальной исключительности и национального шовинизма» вплоть до преследования по закону «всяких попыток нарушения национального равноправия и угнетения национальных меньшинств», также исчезнувшая из текста последующих конституций РНР. Право национальных меньшинств на автономию, пусть и формально, но на определенный период было признано за венгерским населением Трансильвании.

И все же, несмотря на столь обширный список работ румынских, венгерских и западных историков, использованных авторами монографии, мы не можем считать, что трансильванская проблема к настоящему времени получила достаточно полное, комплексное и объективное исследование в зарубежной историографии.

Архивы. Написанию книги предшествовала продолжительная работа авторов в российских и зарубежных архивах.

В работе использованы материалы архивов, главным образом Москвы, Будапешта и Бухареста, а также Австрии и Франции. Основным источником являлись документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Были изучены материалы фондов Секретариатов Наркома иностранных дел В.М. Молотова, его заместителей А.Я. Вышинского и В.Г. Деканозова, референтур по Венгрии и Румынии, документы Балканского отдела НКВД (с 1946 г. МИД) СССР, Комиссии по подготовке послевоенного мирного урегулирования и проектов мирных договоров (так называемой Комиссии М.М. Литвинова). Эти документы внешнеполитического ведомства СССР позволили авторам проанализировать возможные варианты решения трансильванского вопроса, обсуждавшиеся в аппарате НКВД СССР и процесс выработки там предложений о советской позиции в отношении Венгрии и Румынии в контексте взаимоотношений СССР с Германией в 1940–1941 гг. до нападения государств «оси» на Советский Союз, а позже с Великобританией и США. Огромный интерес представляют донесения полпреда СССР в Будапеште Н.И. Шаронова в 1940–1941 гг., записи его бесед с венгерскими министрами, политиками и журналистами, позволяющие заглянуть за кулисы советской линии поведения в румыно-венгерском конфликте и собрать ценную

информацию об отношении дипломатических ведомств разных стран к целям Москвы на Балканах и Среднем Востоке. Весьма важны и относящиеся к тому же периоду донесения из Бухареста полпреда А.И. Лаврентьева, касавшиеся позиции Румынии в трансильванском конфликте.

Особое место среди документов, выявленных в фондах АВР РФ, занимает переписка между представителями великих держав в 1941–1946 гг., между руководством НКВД СССР и послами США и Великобритании в Москве, записи бесед и донесения советских представителей в Союзных Контрольных Комиссиях (СКК) и информация советских дипломатов в Румынии и Венгрии о контактах и беседах с румынскими и венгерскими политическими деятелями различной политической ориентации, с членами Румынии и Венгрии о ситуации в Трансильвании, перспективах ее будущего политического развития и государственной принадлежности.

Из документов, выявленных авторами в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), наибольший интерес представляют донесения и информация служб НКВД из «Особых папок» И.В. Сталина и В.М. Молотова о положении в Трансильвании в 1944–1945 гг., сложных взаимоотношениях между румынами и венграми, причинах возникновения межэтнических столкновений, о роли внутренних и внешних факторов. Дополнительный материал был получен в ходе работы над материалами фонда Сталина в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), переданными туда на хранение из Архива Президента Российской Федерации (АП РФ).

В работе были широко использованы румынские архивы, как государственные, так и ведомственные, прежде всего Государственный исторический архив г. Бухареста и Архив МИД Румынии. В Архиве МИД Румынии были изучены документы, касающиеся трансильванской проблемы в межвоенный период, в годы Второй мировой войны и в период подготовки мирного договора с Румынией в контексте отношений с соседними государствами, прежде всего с Венгрией, а также и с великими державами. Весьма ценные материалы были обнаружены в Государственном историческом архиве г. Бухареста в фондах Совета министров Румынии, Канцелярии ЦК Румынской компартии, Министерства внутренних дел (в частности, донесения из департамента полиции и жандармерии). Документы вышеназванных фондов позволяют проанализировать политику правящих кругов Румынии в отношении национальных меньшинств, борьбу румынских

политических партий по вопросам, связанным с решением национально-территориальных проблем на завершающем этапе Второй мировой войны, проанализировать настроения отдельных этнических групп населения, проживающих в Трансильвании, их взаимоотношений с властями и др.

В Государственном архиве Венгрии (*Magyar Országos Levéltár*, сокращенно — *MOL*) изучены документы фондов Министерства иностранных дел, Совета министров, личные фонды государственных деятелей Венгрии за 1939–1946 гг. Это позволило авторам использовать обширный по объему и разнообразный по характеру материал донесений венгерских послов в Берлине, Москве, Вашингтоне, Лондоне и Париже, аналитические материалы, подготовленные в самом МИД, а также в Историческом институте Телеки, в Институте государства и права, сотрудники которого обобщали информацию и материалы по внешней политике Венгрии и публиковали их в виде брошюр. Эти брошюры были подготовлены талантливыми историками в 1942–1946 гг. Некоторые из них впоследствии при режиме М. Ракоши прошли чистки, что не помешало им затем сделать блестящую научную карьеру (к примеру, академики Домокош Кошари, Калман Бенда). В настоящее время указанные брошюры сосредоточены в специальном фонде МИД «Подготовка Мирного договора». Значительный материал был выявлен в Военно-историческом архиве Министерства обороны Венгрии, архиве бывшего Института истории партии при ЦК ВСРП, а также в Государственном архиве Будапешта. Также были использованы материалы из архивов Австрии: фонды Федерального канцлера Австрии и австрийского МИД, прежде всего донесения австрийских представителей в Москве и Будапеште относительно Трансильвании. Документы австрийских архивов дают возможность лучше понять военно-стратегическую ситуацию во всей Средней Европе. Дело в том, что Советский Союз не имел международно признанного основания для дислокации частей и соединений своих вооруженных сил в Венгрии и Румынии после заключения с ними мирных договоров в 1947 г., кроме как для необходимости поддержания сообщения, снабжения и связей с советской группой войск в Австрии. На компромисс с западными державами о статусе Австрии советское руководство в 1955 г. в конце концов согласилось пойти, но уходить из Румынии, в особенности же из Венгрии, не собиралось. Именно это обстоятельство и стало одной из главных причин затягивания решения австрийского вопроса, неожиданно оказавшегося тесно связанным с судьбой мирных договоров с Венгрией и Румынией. Так судь-

бы разных стран сплелись в один клубок, что и отложилось в архивных документах Австрии и Венгрии.

В архиве Министерства иностранных дел Франции нам удалось ознакомиться с некоторыми документами, проливающими свет на позицию советского руководства по трансильванскому вопросу, сложившуюся к концу 1943 г.⁷² К сожалению, мы не располагаем оригинальными источниками из российских архивов, в частности записями бесед И.В. Сталина с Э. Бенешем в Москве в декабре 1943 г. Знакомство с документами, находящимися в Архиве Министерства иностранных дел Франции в личном фонде Мориса Дежана (тогдашнего представителя Французского Национального Комитета — ФНК — в Лондоне), позволяет понять позицию И.В. Сталина в отношении Трансильвании.

В архивном досье М. Дежана, который в январе 1944 г. присутствовал при разговоре Шарля де Голля с Э. Бенешем во время посещения последним Алжира, где размещалась штаб-квартира руководителя ФНК, имеются сведения, касающиеся венгеро-румынских отношений и, в частности, вопроса о Трансильвании. По словам Э. Бенеша, как отмечается в записи, сделанной М. Дежаном, «он получил заверения от Сталина, что в случае раздела Трансильвании, Россия будет на стороне Румынии. Румыния, в свою очередь, отдаст ей Бессарабию в качестве компенсации за ту часть территории, которую она потеряла в результате Венского арбитража, последовавшего после Мюнхена»⁷³. На наш взгляд, данный документ свидетельствует о том, что в 1943 г. Сталин допускал раздел Трансильвании между Румынией и Венгрией и вопрос о ее территориальной принадлежности к концу 1943 г. еще не был окончательно решен. Проверить идентичность содержания записи беседы Бенеша, сделанной М. Дежаном, с оригиналом не представляется возможным, так как по непонятным нам причинам документы из российских архивов до сих пор тщательно скрываются архивными чиновниками, в то время как во Франции они находятся в открытом доступе.

Публикации документов. Как уже отмечалось выше, часть документов, выявленных авторами данной монографии, вошла в подготовленную ими публикацию «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов». Особую ценность в указанном сборнике представляют публикуемые впервые чрезвычайно интересные материалы упомянутой выше Комиссии М.М. Литвинова, в то время заместителя наркома ино-

странных дел СССР. Комиссия, в частности, готовила предложения советскому руководству по решению вопроса о государственной принадлежности Трансильвании в рамках общего послевоенного мирного урегулирования отношений с Румынией и Венгрией. В сборник включены два важных документа — «Справка о Трансильвании» (док. № 55) и, в особенности, стенограмма заседания Комиссии Литвинова (док. № 56). Последний документ хорошо иллюстрирует как понимание каждым участником заседания — высокопоставленными сотрудниками МИД и специалистами-экспертами, среди которых был, например, академик Е.В. Тарле, сути самой проблемы, так и их представления о способах соблюдения интересов СССР.

Важное значение имеют включенные в данную публикацию записи бесед руководства НКВД СССР с послом Германии в Москве об итогах второго Венского арбитража (док. № 22) и претензиях советского руководства к Германии по поводу нарушения немецкой стороной советско-германского договора 1939 г. в связи с передачей Венгрии Северной Трансильвании без консультации (и даже без уведомления) с СССР (док. № 25), дневниковые записи советских послов в Венгрии и Румынии по трансильванскому вопросу за период 1940–1941 гг.⁷⁴, о чем уже говорилось выше.

Авторами монографии использовался также блок документов, касающихся Трансильвании, включенный в серию публикаций «Документы внешней политики», изданную Историко-документальным департаментом МИД РФ в 90-е гг. XX в.⁷⁵, а также в совместное издание документов из архивов МИД России и МИД Румынии, относящихся к периоду 1918–1941 гг.⁷⁶ Кроме того, некоторый фактический материал был почерпнут из публикаций немецких архивов, увидевших свет сначала в США (в конце 40-х гг. XX в.), затем в Великобритании (в 1956–1969 гг.) и Германии, а впоследствии (в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века) частично переведенных на русский язык⁷⁷.

Из документов, изданных в Румынии, заслуживает внимания уже упомянутая выше книга В. Попа «Битва за Трансильванию», в приложении к которой публикуется 38 документов, правда без указания, где они хранятся и откуда автор книги их взял. Документы позволяют прояснить обстановку летом 1940 г. в приграничном городе Турну-Северине, соотнести румыно-венгерские переговоры с последующими решениями второго Венского арбитража⁷⁸. Опубликованы также мемуары М. Манойлеску, тогдашнего министра иностранных дел Румынии, участвовавшего во всех переговорах с Германией и Венгрией по поводу передачи Северной Трансильвании Венгрии и возглавляв-

шего румынскую делегацию в Вене⁷⁹. Значительный интерес представляют «политические дневники» историка и крупного политического деятеля И. Худицы, в которых он повествует о событиях 1940–1944 гг., в том числе и связанных с Трансильванией⁸⁰.

И, наконец, нельзя не отметить опубликованные румынским ученым Василе Пушкашем материалы итало-германской комиссии, обследовавшей в 1940–1942 гг. по многочисленным просьбам румынской и венгерской сторон тяжелое положение, сложившееся с национальными меньшинствами (кроме немецкого, которое пользовалось привилегиями в условиях германского диктата со стороны властей этих стран) в Трансильвании⁸¹. В отчетах комиссии приводились данные и многочисленные факты о дискриминационных мерах и злоупотреблениях венгерских властей и венгерской оккупационной армии в Северной Трансильвании, отошедшей по Венскому арбитражу к Венгрии, о многочисленных жертвах среди гражданского румынского населения. Вместе с тем документы свидетельствуют также и о разного рода притеснениях венгерского населения в Южной Трансильвании вплоть до массового изгнания венгров с территории края. Однако, основываясь на данных, собранных комиссией, как считает В. Пушкаш, державы «оси» стремились не только минимизировать последствия решений второго Венского арбитража, но и ужесточить свой надзор за этнической ситуацией как в Северной, так и в Южной Трансильвании, установив тем самым контроль как над Венгрией, так и над Румынией. Объективно это создавало почву для вмешательства Германии во внутренние дела обеих стран⁸².

Открытие архивов в последнее десятилетие XX в., в первую очередь российских, позволило существенно расширить источниковую базу изучаемой нами темы. В России, о чем уже говорилось выше, появились тематические публикации, включающие документы по Трансильвании⁸³. Среди этих публикаций особый интерес для нас представляют материалы о переговорах первого заместителя наркоминдела А.Я. Вышинского в Бухаресте в ноябре 1944 — марте 1945 г.⁸⁴. На этих переговорах решались два важнейших взаимосвязанных вопроса — о правительстве Румынии и о том, каким оно должно быть с точки зрения Москвы, а также о судьбе Трансильвании. Вопрос советским дипломатом был поставлен прямо и недвусмысленно: если хотите восстановить румынскую администрацию в Северной Трансильвании, отправьте в отставку негодное нам (т. е. советскому руководству) правительство, замените его «дружественным» СССР демократическим, т. е. удобным нам. Однако, поскольку пока еще не все

документы доступны историкам, то неясность порождает известные мифы, которые кочуют из одной работы в другую. Это касается, в частности, содержания информации о встречах Вышинского с румынским королем Михаем.

Протоколов встреч А.Я. Вышинского и румынского короля Михая нет. Нет и достоверных свидетельств третьих лиц. Фактически переговоры велись с глазу на глаз. О том, как и что говорилось, в точности судить очень трудно. Между тем нет ни одной работы, посвященной Трансильвании или румыно-венгерским отношениям во время Второй мировой войны, в которой в той или иной форме визиты Вышинского не упоминались бы. Зарубежные авторы при этом охотно живописуют бурную, почти театральную, сцену, якобы имевшую место во время переговоров, когда полномочный представитель Кремля вел себя грубо и развязно, будто бы стучал кулаком по столу, а в завершение покинул королевский кабинет, хлопнув дверью. Источником этих сведений один — мемуары румынского придворного, королевского адъютанта. В интервью, которое король дал венгерскому историку Михаю Фюлёпу много лет спустя, в 1993 г., о якобы имевших место бурных объяснениях нет ни слова. Только один раз король отметил «грубость» Вышинского. И только однажды им было упомянуто слово «давление» — в ответе на прямо поставленный вопрос, оказывал ли советский представитель на него нажим. Свидетельство Михая спустя полвека после описанных событий считаться первоисточником вряд ли может. В ответах бывшего короля Михая сквозит явное желание не говорить всю правду, что психологически понять можно. Воспоминания о беседах с советским эмиссаром и спустя много лет явно не доставляли удовольствия бывшему королю Румынии. То, что они не были приятными для него, — это очевидно. На многие вопросы следует ответ — «нет», «не знаю». Высказывания короля в этом интервью могут представлять определенный интерес, но не более того⁸⁵. Вышинский же интервью не давал и мемуаров не писал. Таким образом, историку приходится довольствоваться свидетельствами лишь румынской стороны. Именно по этой причине мы вынуждены пользоваться словечком «якобы», ибо ни подтвердить, ни опровергнуть кочующие из работы в работу описания встреч, опираясь на документы, не можем. По той же причине редколлегия упомянутой публикации о визитах А.Я. Вышинского в Бухарест воздержалась от анализа нашумевшего диалога Вышинский — король Михай 27–28 февраля 1945 г., но зато впервые привела уникальные документы о том, как заявление бывшего прокурора на короля подкреплялось

действиями частей Красной Армии и войск НКВД, находившихся на территории Румынии⁸⁶.

В работе широко использовались также публикации документов из национальных архивов Венгрии и Румынии⁸⁷. Несомненный интерес представляет серия публикаций документов, вышедших под редакцией М.Р. Мокану, И. Скурту и др., куда вошли материалы, в том числе и по Трансильвании⁸⁸, а также документы, включенные в качестве приложений в работы румынских исследователей Ф. Константину и М. Сэлэжан⁸⁹.

Особое место среди публикаций, посвященных Трансильвании, занимает издание румынскими историками В.Ф. Добринеску и И. Петрою сборника документов из французских архивов 90. В сборник включены донесения из Бухареста французских политических представителей, переписка с МИД Франции за 1944–1947 гг., различного рода справки о положении в Трансильвании, сообщения французского консула, находившегося в административном центре Северной Трансильвании г. Клуже. Характер и содержание документов весьма разнообразны, от информации о социально-политическом положении, межэтнических конфликтах между лицами венгерской и румынской национальности до анализа позиций политических партий и церкви (прежде всего католической) по проблемам территориальной принадлежности Трансильвании. В этом сборнике впервые публикуются материалы о деятельности Комитета трансильванцев во Франции, выступавшего за создание Трансильванской Республики как средства решения венгеро-румынского конфликта⁹¹.

Безусловно, мы не можем подробно остановиться на характеристике всего комплекса источников, использованных в работе, они слишком обширны. Вместе с тем привлечение новых архивных материалов и других документальных источников позволили авторам приступить к написанию первой в российской историографии обобщающей работы по трансильванскому вопросу в контексте политики великих держав в Центральной и Юго-Восточной Европе в 40-е гг. XX в.

Таким образом, как следует из всего вышесказанного, необходимость написания данной работы диктовалась следующими моментами: 1) значимостью трансильванского вопроса в истории Румынии и Венгрии, в истории восточноевропейского региона, в котором они находятся, а также в истории международных отношений в исследуемый период — 40-е гг. XX в.; 2) недостаточной изученностью этой проблемы в отечественной историографии и значительной противо-

речивостью ее освещения в национальных историографиях Румынии и Венгрии и в целом в зарубежной историографии, включая различия между традициями историографических школ разных стран, прежде всего румынской и венгерской; 3) открытием новых источников, ставших доступными в последнее десятилетие, прежде всего документов из российских и национальных архивов Венгрии и Румынии, и новыми возможностями, появившимися в настоящее время для исследования политически острых проблем, закрытых в прошлом для российских историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Sakmyster Thomas L. Hungary, the Great Powers and the Dunabian Crisis*. Athens, 1980. P. 78. Это заявление Тойнби расценивается современным венгерским исследователем Игнацом Ромшичем как «одно из первых проявлений поддержки венгерских ревизионистских устремлений» со стороны Великобритании. См.: *Romsics Ignác. A brit külpolitika és a «Magyar kérdés» 1914–1946 // Külpolitika*. 1995. 307. old.

² Согласно Трианонскому мирному договору (1920 г.), к Румынии отошла значительно большая по населению и площади территория, чем историческая Трансильвания, включая не относившиеся к ней часть Баната, земли на востоке Венгрии — Парциум (по румынской терминологии Кришана) и комитат (область) Марамуреш.

³ См.: Сознательная фальсификация истории под эгидой Венгерской Академии Наук (на рус. яз.) Аджерпресс // *România liberă*. 1987. 12.III; Контиунитет дакорумын. Наука и политика (на рус. яз.). Бухарест, 1984.

⁴ См.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // *Очаги тревоги в Восточной Европе*. М., 1994; *Они же*. Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 — июнь 1941 // *Война и политика. 1939–1941*. М., 1999; *Они же*. Венгеро-румынский конфликт в контексте советско-германских отношений. 1940 — июнь 1941 // *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным*. М., 1999; *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* СССР и Трансильванский вопрос (1945–1946) // *Вопросы истории*. 2004, № 12; *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М.М. Литвинова, июнь 1944 // *Новая и новейшая история*. 2006, № 2; *Islamov T.M., Pokivailova T.A., Vințelero O.* Din culisele luptelor pentru Ardeal. Cluj-Napoca, 2003; *Покивайлова Т.А.* Национально-территориальный вопрос в Румынии в контексте советско-германских отношений (август 1939 г. — июнь 1941 г.) // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германского договора 1939 года до нападения Германии на СССР*. — М., 2006; *Пушкаш А.И.* Венгрия и ее балканские соседи (август 1940 г. — апрель 1941 г.) // *Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской*

агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 г. — июнь 1941 г.). М., 1992; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М., 2000; *Исламов Т.М.* По поводу реакции на книгу «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов» // Новая и новейшая история. 2000. № 6; *Pokivailova T.A.* Transilvania pe masa comisiei Litvinov // Magazin istoric. București. 1998. № 1.

⁵ См., например: *Жигня К.Л.* Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после Второй мировой войны. Дипломатическая история. Кишинев, 1981; *Мунтян М.А.* Подготовка мирного договора с Румынией и позиция советской дипломатии // Прошлое и настоящее. М., 1967; *Он же.* Очерк внешней политики Румынской Народной Республики. Кишинев, 1971; *Самарский С.* Борьба Советского Союза за мирные, демократические договоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. М., 1956; *Сазина М.Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя (1944–1947). М., 1963; *Шевяков А.А.* Отношения между Советским Союзом и Румынией. 1944–1949. М., 1985.

⁶ *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы Второй мировой войны. М., 1966; *Он же.* Венгрия и ее балканские соседи (август 1940 — апрель 1941 г.) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 г. — июнь 1941 г.). М., 1992; *Он же.* Внешняя политика Венгрии (февраль 1937 — сентябрь 1939). М., 2003; *Лебедев Н.И.* Румыния в годы Второй мировой войны. М., 1961; *Он же.* Падение диктатуры Антонеску. М., 1966; *Он же.* Железная гвардия, Кароль II и Гитлер. М., 1968; *Он же.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976 (1-е издание); М., 1982 (2-е издание).

⁷ *Орлик И.И.* Империалистические державы и Восточная Европа. 1945–1965. М., 1968.

⁸ *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969; *Он же.* Дунайские княжества и Трансильвания: национальный вопрос и задачи освобождения и объединения (1848–1849 гг.) // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001; *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. 1906–1917. М., 1972; а также разделы в кн.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.

⁹ История Венгрии. Т. 1–3. М., 1971.

¹⁰ Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987; Краткая история Венгрии. М., 1991.

¹¹ Краткая история Румынии (*Ереценко М.Д.* — главы XX, XXI, XXII). М., 1987; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. (*Волков В.К.* — главы I, V, Заключение; *Гибианский Л.Я.* — глава IX; *Исла-*

мов Т.М., Покивайлова Т.А. — глава VI; Ерещенко М.Д. — глава VII). М., 1999; Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; Наринский М.М., Филитов А.М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М., 1999; Язькова А.А. На крутом повороте. Балканы в политике СССР и стран Запада (1944–1945). Двусторонняя комиссия историков Российской Федерации и Румынии. Заседание IX. 2004. Констанца, 2005. С. 195–223; Восточная Европа после Версаля. СПб, 2007; Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. Становление реального социализма. 1945–1965. М., 2000.

¹² Чуканов М.Ю. К истории венгеро-румынских переговоров о будущем Трансильвании в ноябре 1918 г. // Восточная Европа после Версаля... С. 45–56.

¹³ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов.

¹⁴ Тыкалин А.С. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // Национальная политика в странах формирующегося блока. 1944–1948. М., 2004.

¹⁵ Сальков А.П. Трансильванский вопрос в политике СССР в Юго-Восточной Европе (1939–1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX–XX веков. К 60-летию проф. Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева. М., 2003. С. 279–319.

¹⁶ См. подробнее: Краткая история Румынии... С. 6, 13–14, 17–20; Краткая история Венгрии... С. 11, 16–19, 20; История Румынии / Координаторы Поп Иоан Аурел, Болован Иоан. Национальная история. М., 2005. С. 73–80, 84–91; Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. Национальная история. М., 2002. С. 85.

¹⁷ См. подробнее: Краткая история Румынии... С. 13–14, 17–20, 47.

¹⁸ См.: Краткая история Венгрии... С. 16–17.

¹⁹ Erdély története. Szerk. Kőpeczi Béla. 1–3. köt. Budapest, 1986. См. Подробнее: *Constantiniu Fl. De la Răutu și Roller la Mușat și Ardeleanu. București, 2007. P. 413–414.*

²⁰ Daicoviciu C., Pascu Ștefan, Moraru T., Cheresteșiu V., Imreh L., Neamțu A. Din istoria Transilvaniei. București, 1964. Одновременно в том же году в Румынии вышел в свет перевод на венгерском языке — Erdély története. И спустя год сокращенный перевод на французском: *Brève histoire de la Transylvanie / Sous la rédaction Constantin Daicoviciu C., Miron Constantinescu. Bucarest, 1965.*

²¹ România literară. 16.1.1986. № 3; Сознательная фальсификация истории под эгидой Венгерской Академии Наук // România liberă. 1987. 12.III; *Bodea C. and Căndea V. Transilvania in the History of the romaniyas. N. Y., 1982.*

²² Ciobanu M. Convorbiri cu Mihai al României. București, 1991. P. 212, 325.

²³ См.: *Cristian V. Ascensiunea comunistă și tentativele de control și influențare a Bisericii Ortodoxe Române 23 august 1944 — 6 martie 1945 // Studii și*

materiale de istorie contemporană. Serie contemporană. Seria nouă. Vol. II. București, 2003. P. 85; а также: *Șuța Ion*. Transilvania — himera ungarismului irredentist. București. Editura Academiei de Înalte studii militare. 1995. București, 1995.

²⁴ История Румынии / Координаторы Поп Иоан-Аурел, Болован Иоан. С. 84.

²⁵ Там же.

²⁶ *Judt Tony*. Romania. Bottom of the Heap // The New York Review of Books. 1. November 2001. P. 41–45.

²⁷ *Constantiniu Fl*. Primitivism, lăutărism, impresionism // Dosarele istoriei București, 2002. An. VII. № 7. P. 59–60.

²⁸ *Trașca Ot*. Planul de atacat al armatei maghiare împotriva României din 23 august 1940 // Anuarul Institutului de istorie Cluj-Napoca. Vol. XXXVIII–XXXIX. Cluj-Napoca, 1999–2000. P. 219–230; *Ibidem*. Stenogramele Consiliului de Miniștri al Ungariei din 22, 28, 29, 31 august 1940 // Anuarul Institutului de istorie Cluj-Napoca. Vol. XXXVII. Cluj-Napoca, 1998. P. 177–200; *Gociman A*. România și revizionismul maghiar / Ediția de N. Mocanu. Argumente de Petre Poanca. Cluj-Napoca, 1996.

²⁹ См.: *Pop Valeriu*. Bătălia pentru Ardeal. București, 1992.

³⁰ *Dobrinescu Valeriu Florin*. România și organizarea postbelică a lumii 1945–1947. București, 1980; *Idem*. România și Ungaria de la Trianon la Paris (1920–1947). Bătălia diplomatică pentru Transilvania. București, 1996.

³¹ *Pușcaș V*. Al doilea război mondial. Transilvania și angajamente europene (1940–1944). Cluj-Napoca, 1995; *Ibid*. Conflictele naționale și teritoriale în Europa Centrală. Răsăriteană și impunerea dominației sovietică (1944–1947) // Tribuna. Seria nonă. IV. № 26, 2–8. Iulie 1992. P. 9; *Vesa V*. Tractatul de Pace de la Trianon // Tribuna. № 24–25. P. 1–2; *Vesa V., Sălăgean M*. From Soviet Administration in Transilvania to Nationalist Frictions in the Relations between Romania and Hungarian Communists // British historians on the contemporary history of Romania / Ed. By G. Cipăianu and Virgiliu Țărău. Cluj, 2000.

³² *Chiper I*. Uniunea Sovietică și problema Transilvaniei // Noua Rusie. Mai 2003. P. 13–14.

³³ См. сборник статей: *Sovietizarea Nord-Vestul României 1944–1950*. Satu Mare, 1996; *Țărău V*. Le problème national dans la politique du Parti Communiste Roumain entre 1944–1945. Considerations préliminaires // *Transylvanian Review*. Vol. V. № 4. (Winter 1996); *Tamás L*. L'Union Populaire Hongroise et la question de la Transylvanie (1944–1947) // *Transylvanian Review*. Vol. V. № 4. (Winter 2001); *Müller Fl*. Tentative de rapt territorial anii 1944–1945 și de sovietizarea a regimul Maramureși // *Revista de istorică*. 1993. T. IV; *Faur V*. Pagini din istoriei. Jandarmeriei din Nord-Vestul României (1994). Cetatea Biharu. *Revista de cultură istorie militară*. Oradea, 1944. № 3; *Ibid*. Frontiera de vest în istoria contemporane de la României. Ediția argumentată și îngrijită de Constantin Moșincat. Oradea, 1998; *Mureșan I*. Situația social-politică și economică a județului Năsăud în timpul administrației militare sovietice (13 octombrie — 12 aprilie

1945) // *Revista Bistriței*. Vol. VII. Muzeul Județean Bistrița — Năsăud, Iași — Rădăuți. 1993; *Oprea C., Nuț C., Pobirci I.* Jardarmeria ardeleană. Tradiție și contemporanitate. Cluj-Napoca, 1999; *Pop D.* Judetul Sălaj în timpul administrației sovietice (noiembrie 1944 — martie 1945). Aspecte ale vieții economice // *Sovietizarea Nord-Vestul României. 1944–1950*. Satu-Mare, 1996; *Pop Șt.* O pagină de istorie viața județului Năsăud de la 13 octombrie 1944 — la 13 martie 1945. Bistrița, 1997; *Țărău V.* Probleme Transilvaniei-Nord-Vestului României (1944–1950). Satu Mare, 1996.

³⁴ Как и многие другие исследователи вопроса, Ульрих Бургер полагает, что до самого лета 1944 г. Сталин маневрировал, используя трансильванский вопрос в качестве инструмента давления попеременно то на Румынию, то на Венгрию, с целью склонить эти страны перейти в лагерь антигитлеровской коалиции. См.: *Burger Ulrich.* Politische Zielsetzungen sowjetischer Nationalitätenpolitik in Nordsiebenbürgen vom Sommer 1944 bis zur Einsetzung der Regierung Groza // *Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde* 1999. Bd. 22. Hft. 1. S. 52; *Он же.* Zur politischen Lage in Nordsiebenbürgen im Herbst 1944 // Там же. 1996/10. См. также: *Volk Ekkehard.* Rumänien. Vom 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart. Regensburg, 1995; *Lahav Yehuda.* Die Sowjetunion und die transylvanische Frage // *Ungarn-Jahrbuch* 1979. Bd. 10. S. 266f; *Roman Eric.* Hungary and Victor Powers. 1945–1950; *Quinlan Paul D.* The United States and the Problem of Transylvania during World War Two // *100 years of American-Romanian Relations* / Ed. Radu R. Florescu. Roma, 1984.

³⁵ *Lahav Yehuda.* Die Sowjetunion und die transylvanische Frage // *Ungarn-Jahrbuch* 1979. Bd. 10. S. 270–279.

³⁶ Romania, marele sacrificat al celui de-al doilea război mondial. Documente. V. I / Ed. Marin Radu Mocanu. București, 1994. P. 310–324. Искажение советских мотивов при временном введении оккупационного режима во многом объяснялось недоступностью или отсутствием у зарубежных авторов документов российских архивов, которые бы проливали свет на взаимоотношения властей Красной Армии с компартией Румынии в сфере национальных отношений.

³⁷ *Sălăgean Marcela.* Administrația sovietică în Nordul Transilvania (noiembrie 1944 — martie 1945). Cluj-Napoca, 1992. P. 62–63, 246; *Idem.* Relații etnice și politice în Transilvania de Nord după octombrie 1944 // *Studii de Istorie a Transilvaniei* / Coordinator Sorin Mitu, Florin Gogăltan. Cluj, 1994.

³⁸ Автор упорно подчеркивает «желание русских использовать присоединение Трансильвании к Румынии в качестве средства шантажа для того, чтобы вынудить короля назначить коммунистическое правительство». Опасения советского руководства за обстановку в тылу сражающейся Красной Армии для М. Сэлэжан — лишь «так называемые соображения безопасности», а стремление «прекратить серию этнических инцидентов» — предлог для введения советской военной администрации. См.: *Sălăgean Marcela.* Administrația sovietică în Nordul Transilvania (noiembrie 1944 — martie 1945). Cluj-Napoca, 2002. P. 178–179.

³⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 06. П. 61. Д. 98. Л. 37, 59.

⁴⁰ Любопытно, что СКК отказала в регистрации в Северной Трансильвании самой популярной румынской партии — Национал-царанистской партии (НЦП), сославшись на то, что ее признанный лидер Ю. Маниу не отмежевался от боевиков «гвардейцев д-ра Юлиуса Маниу», повинных в массовых убийствах мадьяр. См.: Magyar Országos Levéltár (MOL). XIX-J-1-a. 62. d. IV-131. 9656. bé-1946; *Cretzianu A.*, ed. *Captive Romania*. London, 1956. P. 25.

⁴¹ *Vincze Gábor*. Az 1945-ös erdélyi földreform — a román kisebbségi politika egyik «harcis eszköze» // *Századok*. 1996. 3. sz. 659. old.

⁴² *Sălăgean Marcela*. Administrația sovietică în Nordul Transilvania (noiembrie 1944 — martie 1945). Cluj-Napoca, 2002. P. 196–197. Военные аспекты подготовки венгерского вторжения в Трансильванию в августе 1940 г. разработаны в работах: *Dombrádi L.* Hadsereg és politika Magyarországon. 1938–1944. Budapest, 1986; *Gosztanyi Péter*. A magyar honvédség a második világháborúban. Budapest, 1995; *Trașca Ot.* Plánul de atac al armatei maghiare împotriva României din 23 august 1940 // *Anuarul Institutului de istorie Cluj-Napoca*. T. XXXVIII–XXXIX. Cluj, 1999–2000. P. 119–230.

⁴³ См. также венгерскую «Белую книгу» о зверствах: *Fehér könyv az 1944-öszi magyarellenes atrocitásokról* / Ed. Gál Mária, Imreh Ferenc, Vincze Gábor. Kolozsvár, 1995.

⁴⁴ *Roberts Henry*. Rumania: Political Reforms of an Agrarian State. New Haven; London, 1951. P. 293.

⁴⁵ Dreptatea. An II. № 127. 28.1. 1945. Цит. по: *Sălăgean Marcela*. Administrația sovietică în Nordul Transilvania (noiembrie 1944 — martie 1945). P. 181.

⁴⁶ *Vincze Gábor*. Az 1945-ös erdélyi földreform, a román kisebbségi politika egyik «harcis eszköze» // *Századok*. 1996. 3. sz. 657. old.

⁴⁷ См. интересную работу трансильванского историка, ныне живущего в Будапеште: *Molnár Gusztáv*. Örendelkezési törekvések az «északerdélyi köztársaság» idején. (1944. október 11, 1945. március 13) // *Bíró Gáspár*. Autónomia és integráció // *Magyar Szemle*. 1993.

⁴⁸ *Constantiniu Fl.* P.C.R., Pătrășcanu și Transilvania (1945–1946). București, 2000. P. 243.

⁴⁹ *Ibid.* P. 34, 39.

⁵⁰ *Jordan C.* Minorități etnice în Sud-estul European după primul război mondial: Dimensiunile unei probleme europene. București, 2002; *Turciuc C.* Interwind destinies. Modern România and its ethnic groups. Iași, 2003; *Achim V.* Despre studiile minoritate în România în perioada interbelică // *Hegemoniile trecutului...*

⁵¹ *Campus E.* Din politica externă a României. 1913–1947. București 1980; *Lache St. Țuțui Gh.* La Roumanie et la Conférence de la paix de Paris (1946). București, 1987.

⁵² См.: *Мунтян М.А.* Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев, 1972; *Он же.* Дунайская проблема в международных отношениях (1945–1948). Кишинев, 1977; *Шевяков А.А.* Отношение

между Советским Союзом и Румынией. 1944–1949. М., 1985; *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* СССР и трансильванский вопрос (1945–1946 гг.) // Вопросы истории. 2004. № 6.

⁵³ *Chişa Al.* Instaurearea comunismului în Ungaria și raporturi cu România // *Omăgiu istoricului Dan Berindei.* Universitatea Craiova. Focşani, 2001. P. 255; *Baciu Nicolae.* Agonia României. 1944–1948. Dosarele secrete. Cluj-Napoca, 1990; *Chiper I.* Conjunctura semnării armistițiului de la Moscova // *Revista istoric, s.n. V,* 1994. № 5. P. 50–59; *Buzatu Gheorge.* România cu și fără Antonescu. Documente, studii, relații și comentarii. Iași, 1998; *Georgescu V.* Istoria românilor de la origini până în zilele noastre. București, 1992; *Chiper I., Constantin Fl., Pop A.* Sovietizarea României. București, 1993.

⁵⁴ *Romsics Ignás.* Az Egyesült Államok külügyminisztériumának titkos iratai 1942–1944. Gödöllő, 1992; *Pastor Péter,* ed. A moszkvai magyar követség jelentései. Budapest, 1992. 256–257. old; Public Record Office. PRO FO. London, Foreign Office.

⁵⁵ Стоит отметить, что еще в декабре 1942 г. Берлин предупредил правительство Венгрии, что он не потерпит никаких попыток просить помощи Запада. И исполнил свою угрозу в марте 1944 г. См.: *Szegedy-Maszák Mihály.* Illusions in Diplomacy: The Memoirs of Aladár Szegedy-Maszák // *20th Century Hungary and the Great Powers.* N. Y., 1995. P. 221.

⁵⁶ *Fülöp Mihály.* A befejezetlen béke. A Külügyminiszterek Tanácsa és a magyar békeszerződés (1947). Budapest, 1994; *Idem.* Hungary and the Great Powers. 1945–1946. The Hungarian peace negotiations. Budapest, 1994.; *Idem.* A Sebestyén-misszió // *Világtörténet.* Budapest, 1987. 3. sz., 1988. 1. sz.; *Idem.* Transylvania and the Great Powers. 1945 // *Danubian Historical Studies.* 1988 Vol. 2; *Idem.* L'occupation soviétique en Europe Central et Orientale // *Relations internationales,* № 79. Paris, 1994; *Idem.* The failure of the Hungarian-Rumanian negotiations on Transylvania in the spring of 1946 // *The Hungarian Quarterly.* Vol. XXXI. 1990. № 118; *Romsics Ignác.* Az Egyesült Államok külügyminisztériumának titkos iratai 1942–1944. Gödöllő, 1992; *Balogh Sándor.* Magyarország külpolitikája 1945–1950. Budapest, 1988; *Vida István.* A Szovjetunió és a magyar békeszerződés előkészítése. Dokumentum összeállítás // *Külpolitika.* 1997. 3. sz. 75–100. old; *Urbán Károly — Vida István.* Dokumentumok a lisszaboni magyar követség titkos levéltárából // *Kritika.* 1985. № 3. 23–24 old.

⁵⁷ *Romsics Ignác.* Az Egyesült Államok külügyminisztériumának titkos iratai 1942–1944. Gödöllő, 1992.

⁵⁸ *Balogh Sándor.* Op. cit.

⁵⁹ Magyar Országos Levéltár (MOL). XIX-J-1-a. 62. d. IV-131. 9656. bé-1946; *Vincze Gábor.* Az 1945-ös erdélyi földreform — a román kisebbségi politika egyik «harci eszköze» // *Századok.* 1996. 3. sz. 659 old. См. также венгерскую «Белую книгу» о зверствах: *Vincze Gábor.* Fehér könyv az 1944-öszi magyarellenes atrocitásokról // Ed. Gál Mária, Imreh Ferenc. Kolozsvár, 1995.

⁶⁰ *Balogh Sándor.* Parlamenti és pártarcok Magyarországon. 1945–1947. Budapest, 1975.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 28/2. 1944. Д. 712. Л. 381–417.

⁶² *Vincze Gábor*. Az 1945-ös erdélyi földreform — a román kisebbségi politika egyik «harci eszköze» // *Századok*. 1996. 3. sz. 657 old.

⁶³ *Hilgruber A.* Antonescu, Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. 1938–1944. Wiesbaden, 1954; *Fischer-Galati Stephen*. Trianon and Romania // *Trianon and East Central Europe. — Antecedens and Repercussions*. N. Y., 1995; *Quinlan Paul D.* The United States and the Problem of Transylvania during World War Two // *100 years of American-Romanian Relations / Ed. Radu R. Florescu*. Roma, 1984; *Idem*. Ciocnirea deasupra României. Politica Anglo-Americană față de România. 1938–1947. Jași, 1995; *Hitchins Keith*. România. 1866–1947. Oxford, 1994; *Stanley Max M.* The United States, Great Britain and the sovietization of Hungary, 1945–1948. Boulder, 1985; *Mastny Vojtech*. Russia's Road to the Cold war. N. Y., 1979; *Völkl Ekkehard*. Rumänien. Vom 19 Jahrhundert bis in die Gegenwart. Regensburg, 1995; *Akino Yataki*. Soviet Policy in Eastern Europe. 1943–1948. A geopolitical analysis // *East European Quarterly*. Vol. XVII. № 3/1983; *Naimark Norman, Gibianski Leonid*. The Establishment of Communist regimes in Eastern Europe. 1944–1949. Colorado, 1997; *Craveri Raimondo*. L'invasione sovietica della Europa e la Resistenza. Napoli, 1986; *Lahav Yehuda*. Soviet Policy and the transylvanian question (1940–1946). Jerusalem, 1977; *Lahav Yehuda*. Die Sowjetunion und die transylvanische Frage // *Ungarn-Jahrbuch*. 1979. Bd. 10. 266 f.; *Lahav Yehuda*. A szovjet Erdély-politika // *Múltunk*, 1989. 3–4. sz. 571–582 old.

⁶⁴ См.: *Burger Ulrich*. Politische Zielsetzungen sowjetischer Nationalitätenpolitik in Nordsiebenbürgen vom Sommer 1944 bis zur Einsetzung der Regierung Groza // *Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde* 1999. Bd. 22. H. I. S. 52–53.

⁶⁵ *Lahav Yehuda*. Die Sowjetunion und die transylvanische Frage // *Ungarn-Jahrbuch* 1979. Bd. 10. S. 270–279.

⁶⁶ *Frunză Victor*. Istoria stalinismului în România. București, 1990. P. 165.

⁶⁷ *Fischer Galați St.* Trianon and Romania // *Trianon and East Central Europe. — Antecedens and Repercussions*. P. 196.

⁶⁸ *Judt Toni*. Romania. Bottom of the Heap // *The New York Review of Books*. 1 November 2001. P. 41–45.

⁶⁹ *Fischer Galați St.* Op. cit.

⁷⁰ *Bottoni St.* A Magyar Autonóm Tartomány. A sztalini «Kis Magyarország» megalakítása (1952) // *Regio*. Budapest, 2003. № 3.

⁷¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. II. 1949–1953. М., 1998. С. 769–771.

⁷² Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Du fond de la Papiers d'agents. Archives privées. Papiers Maurice Dejan. 288. Vol. 36 (Jan. 1944). Correspondance officiell. Entretiens président Benes lors de la visite à Alger. P. 18.

⁷³ Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Du fond de la Papiers d'agents. Archives privées. Papiers Maurice Dejan... P. 18.

⁷⁴ Трансильванский вопрос... С. 233–237, 238–245, 76–78, 83–86, 13–52, 56–64.

⁷⁵ См.: Документы внешней политики. Т. XXII. 1939 год. Кн. 1–2. М., 1990; Т. XXIII. 1940 — 22 июня 1941 г. Кн. 1. М., 1995; Кн. 2. (Ч. 1–2). М., 1998.

⁷⁶ Советско-румынские отношения. Т. I. 1917–1934; Т. II. 1935–1941. Документы и материалы. М., 2000.

⁷⁷ Nazi-Soviet Relations. 1939–1941: Documents from Archives of the German Foreign Office. Washington, 1948 (То же на нем. яз.); Documents of German Foreign Policy, 1918–1945. Series D. V–XII. London, 1956–1962; Akten zur deutsche auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D. Bd. VI–XII. Baden-Baden; Frankfurt am M.; Bonn; Göttingen, 1956–1969; СССР — Германия. Т. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле–сентябре 1939 г.; Т. 2. 1939–1941. Б. м., 1983; СССР — Германия. 1939–1941. Нью-Йорк, 1989; Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991.

⁷⁸ *Pop Valeriu. Bătălia pentru Ardeal.* București, 1992.

⁷⁹ *Manoilescu M. Dictatul de la Viena. Memorii.* Iulie–august 1940. București, 1991.

⁸⁰ *Hudiță I. Jurnal politic.* 1 ianuarie 1940 — 6 septembrie 1940. Iași, 1998; *Ibid.* Jurnal politic. 7 septembrie 1940 — 9 februarie 1941. Iași, 2000; *Ibid.* Jurnal politic. 1 ianuarie 1944 — 24 august 1944. București, 1997; *Ibid.* Jurnal politic. (25–31 august 1944); (1–12 septembrie 1944); (13 septembrie — 14 septembrie 1944) // *Dosarele Istoriei.* 2002. an. VII. № 7. București, 2000. P. 1–55.

⁸¹ Al doilea Război Mondial. Transilvania și aranjamentele europene (1940–1944). Documente, ediția, studii introductive, note Dr. Vasile Pușcaș. Cluj-Napoca, 1995. P. 7–12, 31–83, 84–104, 105–125.

⁸² *Ibid.* P. XXXIV, XXXV.

⁸³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / Отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. 1. 1944–1948; Т. 2. 1949–1953. М.; Новосибирск, 1997–1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы / Отв. ред. Т.В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948; Т. 2. 1949–1953. М., 1999–2002; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II: после 22 июня 1941 г. / Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1998; СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2-х т. М., 1996; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945. Сборник документов. Т. I–IV. М., 1978–1979; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 1–2. М., 1997; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 1–2; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1983.

⁸⁴ Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946 гг. Документы российских архивов / Отв. ред. Т.А. Покивайлова. М., 1998. С. 297, 269.

⁸⁵ România Regală și Transilvania, 1944–1947. Interviu cu fostul rege al României, Mihai I (9 decembrie 1993) realizat de Mihály Fülöp // Revista din Historia Transilvaniei. Mercurea Ciuc, 1999. P. 359–369.

⁸⁶ «Однако если ход переговоров и жесткая позиция на них Вышинского известны по научной литературе, то документы об использовании войск НКВД для разрешения кризиса в пользу левых сил публикуются впервые» — пишет редколлегия. См.: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест... С. 12.

⁸⁷ Magyar Országos Levéltár (MOL); Bakách-Bessenyei György tárgyalásai az Egyesült Államok megbízottaival Bernben. 1943. augusztus 28.-1944. március 19 között. A Kállay-kormány béketapogatózásainak újabb dokumentumai. — Levéltári Közlemények. LXV. 1994. *Bán D. András*. Pax Britannica. Brit külügyi iratok a második világháború utáni Kelet-Közép-Európáról 1942–1943. Budapest, 1996; Bárdossy László a népbíróság előtt. Szerk. Pritz Pál. Budapest, 1991; *Békés Csaba*. Dokumentumok a magyar kormánydelegáció 1946. áprilisi moszkvai tárgyalásairól // Régio. 1992. 3. sz. 161–194 old.

⁸⁸ România, murele sacrificat al celui de al doilea război mondial. Documente V. I / Ed. Marin Radu Mocanu. București, 1994; România în viața politică — în documente. Coordonator Ioan Scurtu. Vol. I — 1945; vol. II — 1946; vol. III — 1947. București, 1994; România în anticamera confirenței de Pace de la Paris. Documente, 1944–1946 / Ed. Marin Radu Mocanu. București, 1996; *Lăcustă I*. 41 de luni, care au schimbat România. 23 august 1944 — 30 decembrie 1947. București, 1999.

⁸⁹ *Constantiniu FI*. P.C.R. și Transilvania. București, 2000; *Sălăgean Marcela*. Administrația sovietică în Nordul Transilvania noiembrie (1944 — martie 1945). Cluj-Napoca, 2002. P. 178–179.

⁹⁰ Documente Franceze despre Transilvania. 1944–1947. Selecția documentelor și introductive de Valeriu Florin Dobrinescu și Ion Petroiu. București, 2001.

⁹¹ Ibidem. P. 86.

ЧТО ТАКОЕ ТРАНСИЛЬВАНИЯ? КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Трансильванский вопрос, являвшийся подчиненным элементом в региональной стратегии великих держав, и до, и после Второй мировой войны имел свою особенную специфику, которая была связана с самобытной историей края, сложностью его этнонациональной структуры, историческими особенностями развития взаимоотношений двух соседних народов, равно как и с политикой Германии и СССР, а также Западных держав в отношении Румынии и Венгрии в предвоенный период и в период Второй мировой войны.

Трансильвания — горно-лесистый край с красивым ландшафтом, окаймленный подковообразной дугой Карпатских гор. Города ее, небольшие по площади и населению, несмотря на близость Балкан, все еще сохраняют прелесть средневропейской старины. В их архитектурном облике угадывается типичный для большинства городов Средней Европы почерк немецких мастеров-строителей. Деревни же в большей мере сохранили как в строении и планировке жилищ и хозяйственных построек, так и во внутреннем убранстве и утвари традиционные черты национальной специфики румын (их предков влахов), мадьяр, саксов и швабов. Этот благословенный край многонационален. И нельзя сказать, что это обстоятельство всегда было бедствием для населявших его людей, говоривших на разных языках и исповадовавших разные религии — православие, католицизм, лютеранство, кальвинизм либо иудаизм.

Чтобы читатель получил более реальное и наглядное представление об этом крае, отметим, что и по площади, и по численности жителей он превосходит такие европейские страны, как Австрия и Швейцария, последнюю по территории в два с половиной раза, по населению на 1,5 млн человек. Поразительное сходство архитектуры возведенных в свое время немцами городов (Брашов, Сибиу, Сигишоара и др.) роднит этот край с небольшими городами немецкой Швейцарии.

Следует также иметь в виду, что современная Трансильвания включает в себя не только историческую Трансильванию, но все тер-

ритории, отошедшие от Венгрии после Первой мировой войны и присоединенные к Румынии согласно условиям Версальского договора (точнее, Трианонского мира, продиктованного Венгрии Антантой в 1920 г.). Трансильвания богата не только сырьевыми ресурсами (здесь имеются залежи золота, серебра, свинца, меди, ртути, олова, железа, угля, богатейшие залежи соли и источники натурального газа и т. д.) и высокоразвитой обрабатывающей промышленностью, но и высокопрофессиональной рабочей силой, что обусловлено особенностью исторического развития. Край отличался общим более высоким уровнем культуры, по сравнению, скажем, с Валахией и Молдовой, пережившими многовековое османское иго. Вышеперечисленные факторы, далеко не полные и исчерпывающие, придавали и придают дополнительную остроту спору Венгрии и Румынии, с давних пор претендовавших на обладание прекрасным краем в Прикарпатье. Спор этот имеет давнюю и чрезвычайно запутанную предысторию. Потому и нам, взявшим на себя труд изложить перипетии одной из фаз затяжного конфликта между двумя странами, не обойтись без исторического экскурса, по необходимости краткого и беглого.

В древности на территории Трансильвании проживали даки, гетто-дакские племена, принадлежавшие к одной из фракийских ветвей индоевропейской языковой группы населения. В первой половине I в. до н. э. на территории Трансильвании сформировалось сильное военно-политическое объединение гетто-дакских племен под предводительством царя Бурбисты. В начале I в. н. э. Трансильвания стала центром образовавшегося гетто-дакского царства во главе с Децебалом. Время его царствования совпало с все более расширяющейся колонизацией римлянами территории европейского ареала. В результате военных походов римского императора Траяна (101–106 гг.) армия Децебала понесла поражение, и с начала II в. до 271 г. Трансильвания стала римской провинцией. В римской провинции Дакии происходил постепенный процесс романизации местного населения, восприятие им латинского языка и латинской письменности, религии, элементов культуры и быта. Столицей провинции стал город Сармезикетуза¹. После 271 г. в условиях глубокого социально-политического кризиса, охватившего Римскую империю, и нашествия варваров римляне покинули ее. Как уже указывалось выше, историки до сих пор не могут прийти к общему выводу, все или только какая-то часть коренного населения оставили Дакию². На протяжении последующих веков Трансильвания превратилась в территорию передвижения и временного поселения различных кочевых народов, в основном германского

и тюркоязычных (вестготов и остготов — III–IV вв.; гуннов — IV в., гепидов и лангобардов — VI в., аваров — VI–VIII вв., печенегов — X в. и т. д.)³. С VI в. на левобережье Дуная начали расселяться славяне, которые, по мнению румынских историков, во второй половине VI в. также проникли на территорию юго-восточной части Трансильвании. Итогом совместного проживания романизованного населения и славян стало появление этнической общности восточных романцев (влахов)⁴.

В IX в. на территории Трансильвании поселились венгры, и Трансильвания вошла в пределы венгерского королевства. В 1526 г. Венгрия была покорена турками, а Трансильвания в результате распада королевства Венгрия стала княжеством под протекторатом Турции, хотя и обладала высокой степенью автономности вплоть до 1690 г. В 1599 г. валахский господарь Михай Храбрый на короткое время (один год) объединил Трансильванию, Молдавию и Валахию.

В XII–XIII вв. на трансильванских землях поселились секеи (этническая группа венгров), которые жили компактными поселениями и несли в основном службу по охране границ, и немцы, выходцы из Саксонии, получившие название саксы, занимавшиеся, наряду с земледелием, ремеслами. Саксы начали отстраивать свои города по западному образцу. Обе эти группы населения, наряду с венграми, пользовались привилегиями и образовали в дальнейшем так называемые «исторические нации», в отличие от православных влахов, которые относились к «терпимой нации» и были лишены основных гражданских прав⁵. В социальном отношении население Трансильвании делилось по национальному признаку: венгры были помещиками, а румыны в основном крестьянами.

Находясь в зависимости от Стамбула, степень которой в разное время была различной, Трансильванское княжество уже тогда почти на два века стало яблоком раздора между габсбургской Австрией и султанской Турцией. В XVII–XVIII вв. Трансильвания была важным фактором международных отношений в восточной части континента, участницей антигабсбургских коалиций. В начальный период Тридцатилетней войны войска трансильванского князя Габора Бетлена, искусного государственного деятеля, в союзе с Чехией вторгались на территорию Австрии. Другой трансильванец, известный в русской истории как Стефан Баторий, а на самом деле венгерский дворянин Иштван Батори, был приглашен польской шляхтой на престол Речи Посполитой, сохранив за собой княжескую корону Трансильвании. В состав империи Габсбургов Трансильвания вошла в конце XVII в., в

1690 г., после ликвидации османского владычества в Венгрии, сохранив статус княжества. Соблюдая средневековый ритуал, главы Австрийского дома прибавили к своим многочисленным титулам титул великих князей Трансильвании, признав тем самым и ее обособленность. В 1703–1711 гг. Трансильвания, вновь обретя свою независимость, во главе с князем Ференцем Ракоци II вела довольно успешно войну с Австрийской империей за восстановление Венгерского королевства. Князю Ракоци, талантливому полководцу и искусному политику, принадлежит честь заключения первого в истории русско-венгерских отношений союзного договора. В 1711 г. Венгрия вновь вошла в состав владений Габсбургов на формально-договорных началах, ибо между воюющими сторонами был подписан Сатмарский мирный договор. Империя взяла на себя определенные обязательства, главным из которых было соблюдение сословной конституции. Трансильванию, однако, Габсбурги не вернули Венгрии, опасаясь чрезмерного усиления потенциально опасного для империи венгерского сепаратизма. По декрету Марии Терезии от 1765 г. австрийский император являлся одновременно великим князем Трансильвании. Габсбурги способствовали усилению католицизма и принятию частью православного духовенства и валашской знати униатства. В 1667 и 1668 гг. состоялось два собора валашского духовенства, признавшего унию двух христианских церквей — западной и восточной. Униаты получили привилегии и конфессиональное равноправие с католиками. Однако большинство румынского населения, особенно среди крестьянства, продолжало исповедовать православие⁶.

В период революции 1848–1849 гг. Трансильвания вновь воссоединилась с Венгрией, но после поражения революции была опять от нее отделена. В 1865 г. Габсбурги вынуждены были восстановить венгерский суверенитет над Трансильванией, и она вошла в состав королевства Венгрия. В 1867 г. Габсбурги согласились на систему австро-венгерского дуализма, существовавшую вплоть до распада монархии в 1918 г. Трансильвания входила в Австро-Венгерскую монархию. Таким образом, идея трансильванской государственности опиралась на прочные исторические традиции.

Другим важным моментом социально-политической истории Трансильвании являлся тот факт, что беспорядки, стычки, мятежи и восстания возникали здесь прежде всего на социальной почве и часто перерастали в освободительные войны против чужеземного владычества — османского и габсбургского⁷. Таким образом, освободительные задачи выдвигались на передний план. Национальные отношения

обострились в тот исторический момент, когда идеология национализма овладела умами национальных элит народов на востоке европейского континента. Отравляющий жизнь полиэтничного края национальный вопрос практически возник в XIX в. вместе с зарождением элементов национализма и национальных амбиций.

Впервые большая кровь на национальной почве пролилась в Трансильвании во время венгерской революции 1848–1849 гг., когда национальным лидерам трансильванских румын удалось поднять крестьян на вооруженное восстание против революционной Венгрии на стороне феодально-абсолютистской реакции⁸. Устойчивый характер, однако, румыно-венгерский межнациональный конфликт приобрел лишь после того, когда возникшее в результате объединения в 1859 г. княжеств Молдавия и Валахия молодое румынское государство окрепло настолько, что предъявило свои претензии на Трансильванию. Это стремление опиралось на встречное движение румын Трансильвании, составлявших более половины ее населения. Ради достижения этой цели в поисках поддержки сильных мира сего бухарестские правители метались между двумя военно-политическими блоками Европы. В царском окружении, прекрасно осведомленном о метаниях короля Румынии и его министров, зародилась мысль использовать трансильванскую карту в борьбе против австро-венгерской соперницы.

Не представляет большого труда использовать национальную идею в собственных целях, когда, действительно, объективно существует национальный гнет. Румыны Венгрии в самом деле были дискриминируемым в своих правах народом, они в первую очередь подвергались экономическому и социальному гнету, что создавало благоприятную питательную почву для роста национального недовольства. Их права ущемлялись и в тех сферах, которые принято называть национально-культурными: в возможности свободно употреблять родной язык во всех областях жизнедеятельности — в общении с властями, в суде и других административных органах, в образовании, особенно в среднем и высшем, и т. д. Если сравнивать условия материальной жизни, уровни развитости культуры, сети школ, системы образования в Венгрии и Румынии в целом, то сравнение окажется не в пользу последней по многим объективным показателям. Самое общее объяснение тому — в несходстве исторического пути, пройденного Трансильванией и Дунайскими княжествами, т. е. Румынией; в существенном различии социально-экономического развития стран Балканского региона, веками входивших в состав Османской империи с присущей ей застойностью, и государств Центральной Европы (империи Габсбур-

гов, Венгрии, Трансильвании), где социально-экономические и культурные условия в большей мере благоприятствовали созданию цивилизованного гражданского общества.

Национальное движение румынского населения Трансильвании усилилось во второй половине XIX в., поскольку и после ее вхождения в состав Венгерского королевства в рамках дуалистической Австро-Венгерской монархии, как и прежде, оно было лишено равноправия (политического, конфессионального, языкового и т. д.). «Румынское движение, — писал один из высокопоставленных венгерских деятелей Ж. Салаши, — ни в коем случае не фикция, а естественное, агрессивное, хорошо организованное течение»⁹. В 1881 г. объединенная Румынская национальная партия Трансильвании, Баната и Венгрии (РНП) потребовала отделения Трансильвании от Венгрии с ее прежним автономным статусом. В 1892 г. лидеры РНП обратились к императору Францу Иосифу I с меморандумом, в котором говорилось о дискриминации румынского населения, несправедливости избирательного закона, обезземеливании крестьян, политическом неравноправии румынского населения, ограничениях в использовании родного языка. Они требовали предоставления права обучения на родном языке, употребления его в судопроизводстве и государственных структурах, пропорционального представительства румын в законодательных и управленческих органах государства. Однако император отказался принять меморандум и отправил его правительству в Будапешт. Обвинив «меморандистов» (так стали называться авторы меморандума) «в агитации против венгерского государства» и подстрекательстве, венгерские власти организовали над ними судебный процесс. Суд приговорил их к различным срокам тюремного заключения и крупным денежным штрафам в качестве «судебных издержек»¹⁰.

В этих условиях румынское правительство устремляло свои взоры по другую сторону Карпат, в сторону Трансильвании. Россия, начиная с конца 70-х гг. XIX в., времени окончания русско-турецкой войны, поддерживала связи с Румынией, несмотря на ее союз с германо-австрийским военным блоком.

По-настоящему же предметом международно-политических комбинаций Трансильвания стала в канун Первой мировой войны, когда враждующие между собой два блока держав лихорадочно искали себе союзников и шла бойкая торговля чужими землями. Именно великие державы превратили Трансильванию в разменную монету в своей большой игре за передел уже поделенного мира. Это касалось и Рос-

сии, использовавшей, как уже отмечалось, трансильванскую карту в борьбе против австро-венгерской соперницы.

Соблазнить Румынию Трансильванией — с такой инициативой выступил в начале 1908 г., во время острейшего Боснийского кризиса, когда Россия едва не оказалась на грани войны с Габсбургской монархией, начальник штаба Одесского округа генерал Ф.Н. Васильев. Он вошел в Генштаб российских вооруженных сил с формальным предложением «об издании в Румынии органа печати с целью вызвать в румынах сочувствие к нам и *направить их национальные стремления в сторону Трансильвании*» (выделено нами. — Авт.)¹¹. В.А. Сухомлинов, начальник Генштаба армии России, немало удивленный полетом политической мысли своего ретивого подчиненного, идею отклонил, сухо напомнив генералу, что подобные вопросы входят в компетенцию министра иностранных дел¹². А министр А.П. Извольский, консерватор и легитимист по убеждению, был достаточно опытным дипломатом, чтобы не поддаваться искушению вступить на зыбкую и опасную почву апелляции к массам.

Его преемник министр иностранных дел С.Д. Сазонов в 1915 г. обещал «отдать» не принадлежавшие никогда России населенные румынами земли венгерского государства Румынии, если та вступит в войну на стороне блока Антанты против Австро-Венгрии и Германии. Центральные державы, т. е. Германия и Австро-Венгрия, со своей стороны, за участие румын в войне против России готовы были «вознаградить» их частью земель Российской империи, а именно Бессарабией.

На начальном этапе первой мировой войны Румыния стала объектом усиленных ухаживаний со стороны обеих коалиций. Стремясь привлечь на свою сторону нейтральный Бухарест, они всю торговали не принадлежавшими ей землями: Антанта — Трансильванией, Германия и Австро-Венгрия — Бессарабией.

Кайзер Вильгельм, будь на то его воля, был готов отдать за вооруженное выступление Румынии против России не только Буковину, но и Трансильванию. Соблазн был велик. Награда прекрасна сама по себе, размышлял вслух здравомыслящий премьер Румынии, но где гарантия обладания ею? Неплохо было бы, полагал он, чтобы и Габсбурги прихватили какой-нибудь кусочек из русского «наследства», и тогда России в случае, если ей вздумается вернуть утраченное, пришлось бы иметь дело не с одной Румынией. Для успокоения румын в Берлине придумали иной вариант страховки: между Россией и «Великой Румынией» встанет новое буферное государство — «вели-

кое княжество Украина», которое и прикроет Бессарабию, и, вообще, России будет не до реванша¹³.

В Бухаресте колебались, тщательно взвешивая возможные последствия того или иного решения, подсчитывали дивиденды, но также и потери, не упуская из виду изменчивость военной фортуны, вероятные репрессии со стороны армий одного из обманутых в своих ожиданиях союзников по блоку. Долгое время осторожному Бухаресту удавалось воздерживаться от вступления в войну в момент, когда еще было не ясно, какому из двух блоков быть в ней победителем. Шансы создания «Великой Румынии» посредством активного выступления обсуждались публично, всенародно. И общественное мнение все более склонялось в пользу Антанты, тем более что вначале военные неудачи преследовали Австро-Венгрию. Пока шла война, Румыния оказалась, таким образом, поставленной перед необходимостью сделать выбор между Бессарабией и Трансильванией. Ее правящие круги в обоих случаях прикрывали свои планы ссылками на историческое право и на этнический принцип. В конце второго года войны румынские правители все же поддались искушению: Румыния переметнулась на сторону Антанты, и ее войска на короткое время даже вторглись в южные пределы Трансильвании.

Почтенный сенатор Т. Ионеску, бухарестский профессор, был, надо полагать, вполне искренен и прямодушен, когда заявлял без обиняков и ссылок на этнический принцип и самоопределение: Трансильванию присоединить следовало в любом случае в силу ее стратегического расположения и экономического потенциала, даже если бы румынское население там не преобладало¹⁴. Весной 1915 г. министр иностранных дел России Сазонов в условиях тяжелого положения на фронте был вынужден согласиться передать Бухаресту не только Трансильванию, но и восточную часть Баната, а также Южную Буковину. Но оказалось, что и этого мало: Бухарест требовал себе всю Буковину с ее многочисленным украинским населением и весь Банат с населявшими его сербами и швабами. Обозначенная на карте линия новых румынских границ, официально представленная в мае 1915 г. представителем Румынии в Петрограде, заставила оторопеть даже искушенных, видавших виды политиков: границы простирались не только до Тисы и Дуная, но и Днестра, что уже непосредственно задевало российские интересы. Столкнувшись с этим экстремизмом, Сазонов решительно произнес: «Не может быть и речи»¹⁵.

Непомерные амбиции бухарестских лидеров насторожили и западных союзников, как бы перепоручивших ведение переговоров с

ними царскому правительству. Главе британского Министерства иностранных дел сэру Эдуарду Грею, например, не понравилось обещание Сазонова отдать румынам венгерские земли и австрийскую Буковину, которое он дипломатично назвал «неудачным обещанием»¹⁶. Настроения, царившие в Форин Офис, видимо, каким-то образом стали известны и в Будапеште, ибо именно в том же 1915 г. один из лидеров венгерской оппозиции граф Альберт Аппони сделал через Ватикан неожиданное предложение послу Великобритании: оставить Трансильванию за Венгрией и взамен получить сепаратный мир с Венгрией, отколовшейся от Австрии. Ответ Грея был трезвым и лаконичным: «Боюсь, что настоящее предложение в отношении Венгрии неосуществимо»¹⁷.

Торг с Румынией, главным предметом которого являлись обширные территории королевства Венгрии, продолжавшийся ровно два года, если считать с начала мировой войны, закончился в августе 1916 г. секретным Бухарестским договором. В соответствии с ним новая румынская граница определялась по линии Сегед-Солнок-Дебрецен, с оставлением их за Венгрией, но на 30–40 км западнее будущих трианонских границ. Через 10 дней войска Румынии вторглись в Трансильванию. Жаждавшие якобы воссоединения единокровные, однако, встретили освободителей более чем прохладно¹⁸. Не выказала восторга и Национальная партия румын Трансильвании. Наоборот, ее руководители поспешили публично подтвердить свою лояльность отечеству, трону и дуалистической империи. Один из них, А. Вайда-Воевод, пошел еще дальше, публично осудив в заявлении, сделанном в печати, вторжение румынской армии в Венгрию. Через пару месяцев, однако, под нажимом войск Австро-Венгрии, Германии и Болгарии румыны вынуждены были не только оставить венгерские территории, но вскоре сдать и Бухарест. От окончательного разгрома Румынию спасла русская армия вместе с помогавшими ей румынскими частями.

7 мая 1918 г. Румыния подписала сепаратный Бухарестский мир, что было прямым нарушением § 5 договора с Антантой (август 1916 г.). Итогом явился вывод страны из войны и из числа стран-союзниц Антанты. Территориальные потери Румынии, однако, были незначительны: Вена и Будапешт, ссылаясь на стратегические соображения — дабы предотвратить или затруднить повторное вторжение в Трансильванию, — настояли на исправлении границ, добившись присоединения к Венгрии узкой приграничной полосы шириной в 2–10 км, включая стратегически важные перевалы через Карпаты¹⁹.

Но не прошло и полугодя, как и этот договор превратился в ничего не значивший клочок бумаги, представлявший интерес только для историков. Наступила осень 1918 г. Рухнула Австро-Венгерская монархия, не перенеся сокрушительного военного разгрома на фронтах мировой войны. В числе победителей, решивших судьбы народов Европы, оказалась и Румыния, потерпевшая поражение в этой самой войне, но сумевшая в самый последний момент — и как вовремя! — объявить войну Центральным державам. История, говорят, не повторяется, но то же произойдет с Румынией и во Второй мировой войне, два десятилетия спустя.

В ноябре 1918 г. войска Румынии, не дожидаясь решений мирной конференции, приступили к оккупации территорий; в конце декабря они заняли трансильванскую столицу Коложвар (Клуж), а в январе 1919 г. город Мармарошсигет (Марамуреш), не имевший к исторической Трансильвании ровным счетом никакого отношения и населенный частично румынами, украинцами, русинами и другими народами. Как этот город, так и весь комитат экономически, хозяйственно, культурно и этнически тяготел к русино-украинским областям Закарпатья не меньше, чем к Молдове. Кстати, Русинский национальный совет провозгласил присоединение края (Подкарпатской Руси) к Чехословакии раньше, чем Национальный совет румын Венгрии, который лишь 17 ноября 1918 г. решился на разрыв с Венгрией, объявив о присоединении к Румынии «населенных румынами земель» королевства. 1 декабря это решение было подтверждено собранием в Альба-Юлия (Дюлафехервар), а на следующий день королевская Румыния, получив предварительно разрешение Антанты, начала операцию по занятию Южной Трансильвании, не встречая сопротивления со стороны венгерских вооруженных сил, насчитывавших всего 4 тыс. штыков²⁰. На собрании в Альба-Юлия, на котором присутствовало около 100 тыс. румын, не были представлены полноправные граждане, коренные жители земель, которых делегаты собрания собирались передать из одной страны в другую, — украинцы, евреи, саксы, швабы, сербы и венгры (их было 2 млн человек).

Два обстоятельства решающим образом способствовали осуществлению планов создания «Великой Румынии» в 1919–1920 гг.: во-первых, тяжелейшее положение, в котором оказались к концу войны Россия и Венгрия, на чьи земли румыны претендовали, во-вторых, благоприятная для Румынии международная обстановка, сложившаяся в это время в Европе, мире, в Восточной Европе, на Балканах в целом, и, более конкретно, — вознаграждение Бухареста со стороны

заседавших с января 1919 г. в Париже представителей держав-победительниц за участие Румынии в подавлении венгерской революции. Румыния, оказавшаяся в лагере победителей, к тому же внесла свою лепту в подавление Венгерской Советской Республики — очага коммунистической мировой революции в самом что ни есть центре Европы.

Провозглашенная народной республикой новая, независимая Венгрия не имела ни армии, ни международно признанных государственных границ. Со всех четырех сторон света она была окружена плотным кольцом враждебных ей государств, если не считать Австрию, граница с которой была сравнительно спокойной. На венгерской территории находились войска Румынии, Сербии, Чехословакии, которым до столицы Будапешта было рукой подать.

Отчаянная ситуация вызвала отчаянное решение. Либеральный режим, возглавляемый демократически настроенным графом Михаем Каройи, добровольно уступил власть коммунистам во главе с Бела Куном, полагая, что последнему удастся выправить положение и спасти нацию при помощи Советской России — единственного возможного союзника. Победа социалистической революции в Венгрии в марте 1919 г., тотчас же объявившей себя союзницей РСФСР, лишь усугубила положение республики, вызвав откровенную враждебность вершителей судеб народов в Париже. С очагом «большевистской заразы», понятно, участники Антанты мириться никак не могли²¹. С Венгерской коммуной необходимо было покончить незамедлительно, как можно скорее. Сделать это вызвалась Румыния с превеликой охотой — интервенция против Советской Венгрии сулила не только территориальные приращения, но и баснословные барыши в результате захвата военных трофеев и примитивного грабежа. Доблестное воинство, продвигаясь через нетронутые войной благоустроенные и более богатые, чем в «старой» Румынии, города и села, где было чем поживиться, хватало все, что можно было унести с собой. *À la guette comme à la guette.*

1 августа пало правительство Бела Куна, а через три дня, 4 августа, в Будапешт вошли войска Румынии. Не известно, сколько бы они там оставались, если бы не грозный окрик Ллойд Джорджа, раздраженного затянувшимся на четверть года ничем не оправданным пребыванием румынских частей в венгерской столице, и согласие союзников на передачу Румынии Бессарабии. 15 ноября румынские войска ушли из Будапешта.

В результате акции Румынии на мирной конференции подскочили резко вверх, венгерские шансы (хотя бы на снисхождение и справед-

ливое обращение за столом переговоров) соответственно снизились еще больше. К тому же румынская делегация имела в Версале могущественных покровителей в лице делегатов Франции, которой в делах Балкан и Восточной Европы принадлежала в тот момент ключевая роль. Генерал Анри Бертело, лично руководивший реорганизацией румынской армии и ее операциями в Трансильвании в качестве командующего французскими войсками на Дунае, получил за свои заслуги перед Румынией в дар от ее короля имение, конфискованное у венгерского дворянина. Его однофамилец Филип Бертело, генеральный секретарь МИД, а заодно и мирной конференции, проявил не меньше рвения, чтобы услужить бухарестским друзьям и не стеснялся ни в средствах, ни в выражениях, не считаясь при этом с общепринятым дипломатическим этикетом. Так, когда Ллойд Джордж, взывая к чувству справедливости и ссылаясь на фальсифицированные статистические данные об этническом составе рекомендованных комитетами по границам к отторжению от Венгрии областей, заикнулся было о необходимости пересмотра проекта мирного договора с Венгрией, Ф. Бертело разразился оскорбительной тирадой в адрес венгерской нации. Он заявил, что не существует венгерской нации, а есть лишь венгерская корона и 15 000 «сделанных» из австрийцев венгерских дворян. Следовательно, рассуждал Бертело, как только будут ликвидированы их поместья, мадьярство исчезнет как таковое²². Не менее красочной была ответная реплика благовоспитанного британского джентльмена: негоже, мол, отдавать Румынии и Чехословакии целые мадьярские общины подобно стаду баранов. Верх в этой не слишком изящной пикировке одержал все же британский премьер. Обратив внимание оппонента на то, что вообще-то в Европе нет «чистых» наций, за исключением Англии и Уэльса, он напомнил: национальное чувство у французов развито, вероятно, сильнее, чем у кого-либо, но и французы по происхождению весьма и весьма смешанны, значение же имеет лишь национальное самосознание; а народ, о котором идет речь, обладает венгерским сознанием. В этой неожиданно развернувшейся теоретической дискуссии по проблеме нации Ллойд Джорджа поддержал итальянец Франческо Нити. Он пустился в рассуждения о «тысячелетнем национальном единстве» мадьяр и безуспешно пытался побудить французов применить этнический принцип. Однако англичане, славящиеся своим упорством, не стали настаивать на изменении условий мира с Венгрией. 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версаля состоялась торжественная церемония подписания мирного договора, самого тяжелого в

тысячелетней истории мадьяр. Ни одна из принимавших участие в Первой мировой войне стран, включая главных ее виновников, не потеряла в таких больших размерах территории и население, как Венгрия. Вместе с тем за пределами страны остались этнически родственные области с 3,3 млн мадьяр. Лишь 40% новых границ соответствовали этническому принципу. Отторгнуты были не только удаленные от основного этнического ядра территории, земли секеев на крайнем юго-востоке королевства, но и те, которые прилегали непосредственно к новым границам. «Миротворцы» из Версаля, громко декларируя приверженность идеям справедливости и принципу национальностей, с легкостью необыкновенной от них отказывались в пользу какого-нибудь надуманного аргумента в угоду своим или своих союзников эгоистическим интересам и сиюминутным соображениям, например транспортным и т. д., как и стратегическим. Когда, скажем, американцы при поддержке итальянцев попытались, сославшись на «этносити», отстоять для Венгрии города Надъварад (Орадя Маре) и Сатмарнемети (Сату-Маре) и прилегающую к ним зону, населенную преимущественно мадьярами, французские дипломаты нашли более весомыми похожие на шантаж «транспортные доводы» румын. Последним, видите ли, удобней было перебрасывать свои войска под Львов для помощи полякам по железной дороге Надъварад — Сатмарнемети — Дебрецен, а не прямым и кратчайшим путем из Румынии. Приоритетными оказались текущие, временные военно-стратегические интересы подготовки войны против Советов, а не забота о будущем народов, чьи судьбы на века вперед взялись определить западные демократии. Вот так и были установлены государственные границы в Европе XX в.

Больше всего при дележе австро-венгерского имущества досталось румынам, хотя и не удалось им установить новые границы «Великой страны» на Тисе, забрать весь Банат (а не половину его), поделить с Чехословакией Закарпатье. По сравнению с довоенной, площадь Румынии более чем удвоилась (со 140 350 км² до 297 000 км²)²³.

Необходимо отметить, что правящие круги Румынии испытывали определенное давление и со стороны демократической общественности Трансильвании, оказавшей известное влияние на формулировку провозглашенной 1 декабря 1918 г. унии с Румынией (так называемые «Альба-Юльские решения»). В этой декларации было зафиксировано «право народов на полную национальную свободу». Каждый народ получал право на образование, администрацию, судопроизводство на родном языке. Более того, всей этой деятельностью должны

были управлять представители самих этих народов, которые к тому же должны были быть представлены пропорционально своей численности во властных законодательных и исполнительных органах. Подобные радикальные установления в национальном вопросе невозможно было осуществить. И это осталось лишь декларируемым принципом, далеким от реального положения венгерского населения в Трансильвании.

Посмотрим, как эти благородные цели претворялись на практике под лозунгом «Великой Румынии» («Ромыния Маре»). Тем более что в рамках Версальской системы мирных договоров в декабре 1919 г. был подписан специальный трактат о защите национальных меньшинств. Бухарест сделал это неохотно, под нажимом великих держав, но все же документ был подписан и даже ратифицирован в следующем году. Вне всяких сомнений, это было шагом вперед.

Упомянутый договор предписывал соблюдение равенства граждан всех национальностей, свободное употребление родного языка в быту, хозяйственной сфере, религиозной и деловой жизни, в системе образования и т. д.

В апреле 1920 г. румынское правительство взяло край под свой полный контроль, фактически перечеркнув предусмотренные парижским трактатом права и свободы нацменьшинств. Конституция 1923 г. объявила Румынию «единым и неделимым национальным государством», хотя даже по официальной, вызывающей законное недоверие статистике, на долю румын по румынской переписи 1930 г. В целом по стране приходилось 71,9% от численности населения и соответственно на все остальные меньшинства — 28,1%, в том числе на венгров — 7,9%²⁴. Перепись 1930 г. зафиксировала в Трансильвании наличие несколько больше 5,5 млн жителей. За два десятилетия численность румын возросла в крае на 400 тыс., а мадьяр уменьшилась на 200 тыс. человек. В 1919–1927 гг. в Венгрию переселилось 197 тыс. мадьяр. Почти 200 тыс. лиц иудейского исповедания при проведении румынской переписи, опасаясь дискриминации, уклонились от признания себя венграми (по языку). Своёобразно поступили с многочисленными в крае цыганами: в тех районах, где большинство составляли румыны, к ним причисляли и цыган, тогда как в венгерских они выделялись в особую категорию²⁵.

По итогам переписи, проведенной в Венгрии в условиях мирного времени в 1910 г., на присоединенных впоследствии по Трианонскому договору (1920 г.) к Румынии землях румыны составляли 53,8% населения, мадьяры — 31,7%, немцы — свыше 10%, остальные —

около 4%²⁶. Таким образом, численное преобладание румынского этноса не оспаривалось никем, но оно не было таким подавляющим, как это выглядит по последующим переписям, в частности 1930 г.

Нужно учитывать, что данные национальных статистик весьма относительны и чаще всего завышены в пользу господствующих (или по нынешней российской терминологии — «титulyных») наций. Особенностью национального расселения в Трансильвании являлось то, что установить более или менее «справедливые» по этническому признаку границы практически было невозможно, так как и румыны, и венгры были расселены по всей ее территории. Мадыары составляли большинство лишь в 4-х областях: на востоке Трансильвании и на северо-западе края вдоль «трианонской» границы с Венгрией.

Переход Трансильвании от Венгрии к Румынии, закрепленный Трианоном, вызвал решающей важности перемену в статусе обеих ведущих наций края. Ранее считавшаяся господствующей нация оказалась в положении подчиненной, и наоборот, веками угнетаемые румыны почувствовали себя в роли нации господствующей, обретя одновременно возможность и способность отплатить поверженному противнику за все прежние обиды. Произошла опасная деформация самого национального самосознания и у побежденных, и у победителей: у первых — глубокая незаживающая травма, у вторых — чувство превосходства, определяемое положением большинства населения края и подогреваемое политикой правящей элиты.

Восстановление исторической справедливости для одних обернулось вопиющей несправедливостью для других. Бездумная реализация бесспорно прогрессивного права одной нации на самоопределение путем ущемления прав других наций, как показали дальнейшие события, не только не решает национального вопроса, но и ведет неминуемо к его обострению. Пропасть между обеими нациями после 1920 г. углубилась еще больше, чему немало способствовала дискриминационная политика и практика властей румынского государства в присоединенных областях в социально-экономической и культурно-национально-языковой сферах.

Достаточно сказать, что земельная реформа 1921 г. подорвала не только экономическую основу власти венгерского дворянско-помещичьего класса, но и материальные условия существования широко разветвленной сети образовательных учреждений венгерской нации в Трансильвании. Достигнуто было решающее преобладание румынского землевладения благодаря конфискации не только «излишков» у крупных и средних собственников-мадыар, но главным образом за счет

лишения венгерских церквей — а их было четыре: римско-католическая, реформатская, униатская и лютеранская — 84,5% их недвижимости 27. К 1930 г. из 2543 ранее существовавших учебных заведений разных ступеней осталось всего 1226. Одновременно был ограничен круг предметов, обучение которым велось на венгерском языке. Румынским стал венгерский университет в Клуже. В дальнейшем тенденция эта все более усиливалась, достигнув своего апогея в «золотую эпоху» Н. Чаушеску. Строительство, ремонт, эксплуатация, директорская квартира — все это возлагалось законом на общины (коммуны, села, деревни), т. е. жители венгерских сел и деревень практически оплачивали содержание и румынских школ, ибо в государственных преподавание велось на румынском языке. Обучение румынскому языку, а также румынской истории и географии (на румынском же языке) было обязательным во всех школах без исключения, включая и церковные. В еврейских школах было запрещено обучение на венгерском и немецком языках. Там было предложено выбирать между ивритом и румынским языком. Конституция 1923 г. ввела дискриминационную иерархию официальных церквей. Православная была объявлена господствующей, греко-католическая, т. е. униатская, — имеющей преимущество перед остальными конфессиями.

Венгерское население Трансильвании, естественно, не могло мириться со своим ущемленным положением в рамках «Великой Румынии». Не примирилась с новым статус-кво, созданным Трианомом, и хортистская Венгрия, официальной идеологией которой с первого дня ее существования стал ирредентизм и «ревизионизм» — стремление к пересмотру границ и условий мирного договора.

Так мирная конференция превратилась в судилище, где одних награждали, других наказывали. Мадьяр победители наказали не только за их участие в мировой войне, но и за большевизм, за то, что в порыве отчаяния в марте 1919 г. они установили коммунистическую диктатуру пролетариата советского образца, чтобы отстоять свою столицу от наседавших со всех сторон врагов, чтобы спастись как нация. Именно за «грех» большевизма они были наказаны на мирной конференции жесточайшим образом, более сурово, чем любая из стран, воевавших против держав Антанты, более жестоко, чем сама Германия — главная виновница мировой империалистической войны 1914–1918 гг.

Какое же отношение к России имела уже в начале XX в. малознакомая даже образованной части нашего общества страна, называемая Трансильванией, которую впоследствии наш прославленный историк

академик Е.В. Тарле, великолепный знаток истории международных отношений, тонкий стилист и прекрасный рассказчик, назвал «яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье»?

По окончании Первой мировой войны Румыния, действительно, получила значительный выигрыш. Не только Трансильванию в ее исторических границах, но и большие куски не относящихся к ней венгерских территорий. Да еще неожиданно для себя и Бессарабию, отторгнутую у бывшей союзницы Румынии — России, оплатившей победу Антанты в войне жизнью и кровью миллионов своих сынов. Вместе с новыми непомерно большими территориальными приобретениями Румыния обрела и новые проблемы. Так Версальская система послевоенного мирного урегулирования создала еще один очаг будущих конфликтов.

Румыния получила Трансильванию, но помимо и без участия России. Выбитая из «концерта» великих держав двумя революциями, обескровленная и обессиленная опустошительной Гражданской войной, страна уже в обличии «Советской России» не могла и не в состоянии была оказать ни малейшего влияния на определение новых границ восточноевропейских стран, на решение судьбы спорной между Румынией и Венгрией Трансильвании. Более того, Бессарабия, присоединенная к России в 1812 г., спустя немногим более ста лет в результате версальского диктата вместе с Трансильванией также отошла к румынам, став составной частью «Великой Румынии». Таким образом, в период Первой мировой войны Россия царская, а затем и советская (позднее Советский Союз) оказалась прямо или косвенно заинтересованной в судьбах Трансильвании.

В результате присоединения Трансильвании к Румынии образовался новый узел международных противоречий, участником которых, помимо обеих непосредственно заинтересованных сторон, оказалась и Советская Россия. Внимание большевистского руководства тогда было сосредоточено в первую очередь на Венгрии с ее мощным революционным потенциалом как базе продвижения мирового революционного процесса в Австрию, Германию, на Запад вообще. В 1919 г. Советская Венгрия стала первым в мире официальным союзником нашей страны. Румыния же, решившая свою историческую задачу собирания всех «румынских земель» за счет территорий обоих соседей, а также, отчасти, Болгарии, боялась ревизии границ, что породило острые противоречия между этими странами.

После Первой мировой войны к Венгрии СССР не имел никаких территориальных претензий, а к Румынии весьма серьезные. Согла-

сованным действиям с целью удовлетворения своих территориальных притязаний к румынскому соседу обеим странам мешали существовавшие между хортистским и советским режимами глубокие идеологические противоречия. Основной причиной было неприятие венгерским правящим классом советского общественного строя.

Таким образом, возник геополитический треугольник СССР — Румыния — Венгрия. Вплоть до середины 1920-х гг. Советский Союз занимал четко выраженную антиверсальскую позицию, считая всю версальскую систему безоговорочно, целиком и полностью империалистической, грабительской. Советское руководство активно стремилось использовать в своих интересах существовавшие в побежденных странах настроения, направленные на ликвидацию или частичную ревизию версальских договоров. В национальных движениях ущемленных мирными договорами и обиженных Антантой народов оно видело своих потенциальных союзников, способных продвигать дело мировой революции на запад континента. Во имя достижения указанных целей трудились Коминтерн и его национальные секции, зачастую злоупотреблявшие догматически интерпретируемым лозунгом «самоопределения наций вплоть до отделения». Такая ориентация компартий многонациональных государств лишала их перспективы и поиска иных альтернатив. Культурно-национальная автономия австрийской социал-демократии безосновательно предавалось анафеме как оппортунистическая, порождающая мелкобуржуазный национализм. Столь же бесплодной оказалась ставка на мировую революцию. С середины 20-х гг. ВКП(б) стала осуществлять кардинальный поворот на позиции строительства социализма в отдельно взятой стране. Отказавшись от идеи осчастливить трудящихся всего мира, сталинское руководство СССР и Коминтерна преобразовало идею мировой революции в принцип поддержки мировым коммунистическим движением первого в мире социалистического государства.

Еще до начала Второй мировой войны в советской политике наметилась тенденция отхода от идеологических пристрастий ради реализации конкретных внешнеполитических целей. В 1930 г. М.М. Литвинов, убежденный сторонник создания системы коллективной безопасности, сменил Г.В. Чичерина на посту министра иностранных дел.

Приход к власти в Германии нацистов и возникновение угрозы войны послужили дополнительным аргументом в пользу нового курса. В июне 1934 г. Москва пошла на установление дипломатических отношений с Румынией, которая по-прежнему оккупировала Бессарабию. Сближение в советско-румынских отношениях связано в значи-

тельной степени с деятельностью и личными взаимоотношениями руководителей внешнеполитических ведомств СССР и Румынии М.М. Литвинова и Н. Титулеску²⁸. В том же 1934 г. были установлены дипломатические отношения и с Венгрией, с которой СССР не имел никаких территориальных споров, но имели место с обеих сторон очень сильные идеологические и политические разногласия, связанные в основном с поддержкой Советской Россией Венгерской Советской Республики в 1919 г. и враждебностью хортистского режима к большевизму.

Попытки улучшить отношения с хортистской Венгрией первый раз были сделаны Чичериным во время Генуэзской конференции в 1922 г. Завязавшийся было диалог не нашел, однако, продолжения по вине венгерской стороны. Страх перед возможностью повторения большевистской диктатуры оказался сильнее очевидных преимуществ сотрудничества с Кремлем. Консервативный режим Хорти не сумел избавиться от своей врожденной патологической враждебности к коммунизму и СССР. В начале 1939 г., всего через 5 лет после установления дипломатических отношений, добровольно, без всякого принуждения со стороны держав «оси» Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту якобы с единственной целью заслужить благосклонность Гитлера и Муссолини. В феврале 1939 г. в ответ на этот явный антисоветский шаг правительство СССР объявило о своем решении приостановить дипломатические отношения с Венгрией²⁹. 19 января 1939 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов сообщил в Берлин полпреду СССР В.Н. Меркулову в связи с присоединением Венгрии к антикоминтерновскому пакту, что как только об этом будет объявлено официально, «мы ликвидируем наше полпредство в Будапеште, предлагаем закрыть венгерскую миссию в Москве и дальнейшие отношения поддерживать при помощи представителей обоих государств в третьей стране»³⁰. И на этот раз советская дипломатия оказалась на высоте своих задач. Она смотрела и видела дальше, чем политики Будапешта. Именно поэтому была избрана довольно необычная в практике международных отношений форма выражения недовольства советского правительства венгерской политикой. Москва не пожелала окончательно порвать с Венгрией, хотя имела на то достаточные основания, ибо считала целесообразным оставить двери на будущее открытыми или полуоткрытыми. Именно поэтому М.М. Литвинов счел нужным подчеркнуть вынужденность ответной меры Москвы: «...нам приходится исходить в определении наших будущих отношений с Венгрией как лишенным самостоятельности государством»³¹. Последние слова

намеренно больно задевали самолюбие спесивой венгерской аристократии с ее великодержавными замашками.

По сути, свои экспансионистские планы Венгрия начала осуществлять под прикрытием Мюнхенского сговора. Начало войны в Европе позволило СССР перейти к активной и ускоренной реализации сталинских замыслов. Свои территориальные проблемы, связанные с двумя соседями — Польшей и Румынией, — Советский Союз решил, пользуясь благосклонностью нацистского диктатора в 1939–1940 гг., причем быстро, безболезненно, бескровно. Оставалась Турция, точнее, проблема Черноморских поливов — вечная головная боль всех российских правителей со времен Петра Великого. На пути к этой цели стояла Румыния, обрубленная и ослабленная территориальными потерями, оставленная англо-французским альянсом в одиночестве лицом к лицу с двумя могущественными державами — Германской империей и Советским Союзом. Свою роль в трагедии Румынии сыграла имевшая к ней свои счета Венгрия. Обе страны на этом отрезке исторического времени общность интересов, казалось бы, связала больше, чем с идеологически чуждым им Советским Союзом. Так сложился геополитический треугольник СССР — Венгрия — Румыния, важнейшим связующим звеном которого волей судьбы стала Трансильвания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 8–14; История Румынии. Национальная история / Координаторы Иоанн-Аурел Поп, Иоанн Болован. Пер. с рум. М., 2005. С. 11–99.

² См. подробнее: Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 11, 17–19; Краткая история Румынии... С. 17–20; *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. Национальная история / Пер. с англ. М., 2002; История Румынии. Национальная история. С. 84.

³ Краткая история Румынии... С. 14–20, 11–13; История Румынии. Национальная история... С. 99–106

⁴ Краткая история Румынии... С. 18. История Румынии. Национальная история... С. 108–110.

⁵ См.: *Виноградов В.Н.* Дунайские княжества и Трансильвания: Национальный вопрос и задачи освобождения и объединения (1848–1849 гг.) // Европейские революции 1848 года. Принцип национальности в политике и идеологии. М., 2001. С. 395–396.

- ⁶ Краткая история Румынии... С. 136–137.
- ⁷ Там же. С. 43–51, 76–77, 124–125, 140–141, 53–56, 85–86.
- ⁸ См. подробнее: *Виноградов В.Н.* Дунайские княжества и Трансильвания...
- ⁹ Цит по: *Виноградов В.Н.* 1918 г. у румын глазами Запада // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 19.
- ¹⁰ Краткая история Румынии... С. 263–267; История Румынии. Национальная история... С. 543–546; *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... С. 378.
- ¹¹ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 11. Д. 670. Л. 9 об., 18 об. Справка полковника М.К. Марченко «О положении в Боснии и Герцеговине. Вена 26 августа 1908 г.».
- ¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 658. Л. 4. В.А. Сухомлинов — Н.Ф. Васильеву 31 января 1909 г. Цит. по: *Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914. М., 1999. С. 214–216.
- ¹³ Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch. Charlottenburg, 1919. Bd. III. Dok. 506. 582.
- ¹⁴ *Brătianu V.I.* Pentru conștiința națională. București, 1915. P. 98. Цит. по: *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 36.
- ¹⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств (Далее — МОЭИ). В 22 т. М.; Л., 1931–1938; Серия III. В 10 т. М.; Л., 1935. Т. VII (5 авг. 1914 — 13 янв. 1915). Ч. I. № 206.
- ¹⁶ *Hajdu T.* Az angol-szász hatalmak és a trianoni határok // *História.* 1990. № 3. 12. old.
- ¹⁷ *Ibidem.*
- ¹⁸ *Jorga N.* Supt trei regi. București, 1927. Vol. 2. P. 222.
- ¹⁹ *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 289.
- ²⁰ *Balogh S., Gergely J., Izsák L., Jakab S., Pritz P., Romsics I.* Magyarország a XX. században. Budapest, 1985. 78. old.
- ²¹ *Lederer J.* Yugoslavia at the Paris Peace Conference. A study in Frontier-making. Yale, 1963. P. 234–236.
- ²² *Ormos M.* Padovától Trianoning. 1918–1920. Budapest, 1983. 380–381. old.
- ²³ *Glatz F.* Die Regelung von Nationalitäten und Minderheitenkonflikten in Mittel- und Osteuropa. Budapest, 1992. S. 51; *Kurze Geschichte Siebenbürgens.* 1990. S. 658.
- ²⁴ *Jordan C.* Minorități etnice în Sudesten European după primul război mondial. București, 2002. P. 55.
- ²⁵ *Hétven Éva A.* Romániai magyarság története 1919–1989. Budapest, 1990. 1752–1753. old.
- ²⁶ *Kurze Geschichte Siebenbürgens.* Budapest, 1990. 658. old.

²⁷ *Hétven Éva A.* Op. cit. 24–35. old.

²⁸ См. подробнее: *Ерещенко М.Д.* Румыния между Германией и Советским Союзом // *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* М., 1999. С. 334–337.

²⁹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 19. П. 108. Д. 3. Л. 7.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ Там же.

**ТРАНСИЛЬВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОПЕРНИЧЕСТВА
СССР И ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Как уже говорилось в предыдущей главе, одним из важных факторов, оказавших существенное воздействие на международно-политическую ситуацию в балкано-дунайском регионе в межвоенный период, явился узел венгеро-румынских противоречий в связи с так называемой трансильванской проблемой.

Активизация этого, как, впрочем, и всех остальных, латентных до того времени очагов напряженности произошла в условиях резкого обострения общеевропейской ситуации, когда малые средневропейские страны, все более жестко ограничивавшиеся в свободе действий и маневра, одна за другой становились жертвой, легкой добычей, а в лучшем случае орудием в развернувшейся большой игре «больших» соседей. Для Венгрии и Румынии таковыми были нацистская Германия, фашистская Италия, а в 1940-х гг. и социалистический Советский Союз, с которыми им необходимо было отныне согласовывать каждый свой шаг в сфере внешней политики, каждую более или менее значительную свою внешнеполитическую акцию. В первую очередь, разумеется, с Вильгельм-штрассе в Берлине.

Осуществленная в конце Первой мировой войны радикальнейшая и самая масштабная со времен Венского конгресса перекройка европейских границ удовлетворительного и устойчивого разрешения национального вопроса не дала ни в одной части континента. Наоборот, не справившись со старыми распрями на почве межэтнических отношений, версальская система обострила их, модифицировала старые противоречия и создала новые.

В межвоенный период венгерское правительство неоднократно ставило вопрос об урегулировании статуса венгерского населения в Трансильвании, но румынская сторона отвергала эти претензии, заявляя, что они не соответствуют действительности. Конституция 1938 г., введенная после установления режима королевской диктатуры в Румынии, формально узаконила дискриминацию по этническому признаку: вводилось новое правовое понятие — «преимущество румынского про-

исхождения» в осуществлении гражданами своих политических прав, причем в зависимости от их важности только для «истинных» румын. Министром, например, мог быть назначен лишь тот, кто был румыном в третьем поколении. Доступ к престижным должностям тем самым закрывался немцам, евреям, мадьярам, сербам, украинцам, даже имевшим сравнительно более высокий образовательный уровень. После вступления в силу новой конституции произошло массовое увольнение еще остававшихся на своих постах чиновников из мадьяр. Поводом явилось их нежелание присягнуть румынскому государству.

Не примирилась с новым статус-кво, созданным Трианоном, и хорватская Венгрия, официальной идеологией которой с первых дней ее существования стал ирредентизм и ревизионизм — стремление к пересмотру границ и условий мирного договора. Приход к власти в Германии национал-социалистов и приближение новой войны перевели ревизионистские цели из области идеологии и пропаганды в сферу политической практики. Германия была недовольна версальской системой в целом, Венгрия — составной частью этой системы — Трианоном. На этой почве объективного совпадения интересов Венгрия сблизилась с Третьим рейхом и фашистской Италией. После Мюнхенского сговора с помощью этих двух держав хортизму удалось пробить первые бреши в версальско-трианонской системе, захватив по первому Венскому арбитражу 1938 г. сначала южную часть Словакии, а затем и Закарпатье. В 1940 г. настал черед Трансильвании. Тучи над этим краем начали сгущаться с начала Второй мировой войны. Как только державы «оси» взорвали версальскую систему, под вопросом оказался Трианонский мирный договор.

В международно-правовом плане руки Венгрии были развязаны. К тому же учредительный документ Лиги наций также не исключал возможности изменения границ. Международно-правовой базой действий венгерских ревизионистов являлась статья 19 Устава Лиги наций. В исключительных случаях, говорилось в ней, дабы избежать угрозы всеобщему миру, возможно изменение договора¹. Поскольку из-за непримиримых противоречий между Румынией и Венгрией любовная сделка на основе обоюдного согласия исключалась, то ключ к решению трансильванского вопроса оказался в руках третьих стран. Таковыми в условиях начавшейся войны были гитлеровская Германия и Советский Союз. Но Румыния и Венгрия все еще оглядывались на Запад, прежде всего на Англию.

Пакт Молотова — Риббентропа (август 1939 г.) превратил Англию из потенциального союзника СССР во врага. СССР прежде всего

волновала судьба Проливов. И в этом вопросе советское руководство видело опасность со стороны Англии. Турция оказалась в центре соперничества великих держав за Проливы, причем каждая пыталась перетянуть Анкару на свою сторону².

Тем более удивительно, что летом 1940 г. правительство Великобритании сделало более чем неожиданное предложение советскому руководству.

Загнанная в угол в результате поражения Франции островная держава, в одиночку отражавшая германский натиск, вынуждена была использовать любую возможность, чтобы отвлечь силы вермахта от форсирования Ла-Манша. Ради этой цели английская дипломатия могла и поступиться британскими интересами на Балканах в пользу СССР. Так, менее чем через год после заключения пакта Молотова — Риббентропа, разорвавшего отношения СССР с западными державами, обозначилась тенденция признания Великобританией приоритета интересов Советского Союза в Юго-Восточной Европе.

Подтверждение этому дают недавно переданные в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) документы из архива Сталина, хранившиеся до этого в Архиве Президента (Архиве Кремля). Летом 1940 г. после разгрома Франции сэр Стаффорд Криппс, посол Великобритании в Москве, явившись к наркому иностранных дел В.М. Молотову, предложил ни много, ни мало как «создать блок балканских государств» под руководством СССР³.

В.М. Молотов повел себя в свойственной ему манере — осторожно, не дав определенного ответа, хотя и отметил, что «СССР имеет определенный интерес на Балканах, и СССР этого не скрывает». Он не отклонил предложение, сделанное Криппсом, которое можно было и без большой натяжки считать коварной английской ловушкой, имевшей целью вызвать столкновение Советского Союза с германским Рейхом. Однако он не только не протестовал, но даже сказал нечто, что открывало возможность позитивной реакции в будущем: «Позиция СССР в значительной степени будет зависеть от той обстановки, которая сложится».

Конкретизируя советскую позицию в балканских делах, он сослался на состоявшееся незадолго до этого назначение полпреда СССР в Бухарест, подчеркнув, что этот шаг «показывает интерес СССР к отношениям с Румынией, и этот интерес не должен быть ослаблен»⁴.

В первых числах июля (уже после ультиматума СССР Румынии по поводу Бессарабии) И.В. Сталину была представлена запись бесе-

ды, снабженная собственноручной пометой наркома: «т. Сталину по поводу английского предложения о Балканах. В. Молотов. 4.VII».

Сталин отреагировал неожиданно быстро. Он сразу же принял в Кремле британского посла. Надо сказать, что диалог с послом Сталин вел тоньше, искуснее и более гибко, чем Молотов. И это понятно. Сталин, весьма опасавшийся выглядеть в глазах Гитлера нелояльным партнером, судя по протокольной записи, сформулировал вопрос несколько иначе — «о желательности установления порядка на Балканах под эгидой СССР» (на 1-й странице документа рукой Сталина сделана помета «Еще не просмотрено — И. Ст.»). Формулировка явно смягчена, обретя большую «дипломатичность», — исчезла категоричность процитированной выше беседы В.М. Молотова с британским послом о предложении английского правительства правительству СССР в 1940 г. «взять на себя руководство балканскими странами». Сталин в противоположность Молотову в самом начале определил свою позицию в выражениях, не допускавших никаких кривотолков: «СССР не имеет такого намерения», т. е. намерения «взять на себя руководство балканскими странами». И добавил для ясности: «Господствовать на Балканах [СССР] не стремится, и такое стремление считает *опротечивым и опасным*» (курсив наш. — *Авт.*). Моментально сообразив, что допустил непростительный для опытного дипломата промах, англичанин быстро поправился: извиняясь, Криппс заявил, что «неправильно изложил этот вопрос», что он имел в виду «не установление господства СССР на Балканах, а трудность установления (здесь) равновесия без какой-либо большой соседней державы, дающей руководство в определенном направлении, к стабильности на Балканах, соединяя балканские страны ближе друг с другом»⁵. В ходе беседы советский руководитель высказал мысль, истинность которой была доказана всей предыдущей и последующей историей международных отношений на Балканах. «Какая бы большая сила не вышла на Балканы в качестве руководителя, она будет иметь все шансы на то, чтобы там запутаться»⁶, — читаем в записи беседы.

Вещие слова, в равной мере относящиеся ко всем великим державам, вообразившим себя способными установить свой порядок в этом беспокойнейшем уголке Европы — от монархии Габсбургов, кайзеровской Германии, России Романовых до англо-французской Антанты и Советского Союза.

Однако в тот момент, летом 1940 г., Сталин хотел воплотить в жизнь план «раздела сфер влияния», который был принят Берлином и

Москвой в августе 1939 г., и начал его активно воплощать. Бессарабия являлась одним из объектов этого плана.

Несмотря на разграничение сфер влияния по секретному дополнительному протоколу к пакту о ненападении, Москва была вынуждена в делах, касавшихся отведенной ей Берлином сферы в Восточной Европе, осуществлять свои устремления с постоянной оглядкой на Германию.

Новая расстановка сил, разумеется, не была тайной и для непосредственно конфликтующих сторон. В особенности старалось воспользоваться возросшей ролью Москвы в своих собственных интересах правительство Венгрии, которое рассчитывало на объективное совпадение целей обоих государств в отношении Румынии. Венгерский посланник в Москве Михай Юнгерт Арноти писал в своих дневниках, что кабинет Бетлена мотивировал необходимость признания Венгрии СССР надеждой на советскую поддержку в вопросе о возвращении Трансильвании. Среди причин, побудивших венгерское правительство пойти на такой шаг, как объяснял министр иностранных дел Венгрии И. Чаки на заседании Комиссии по иностранным делам верхней палаты парламента, была «возможность сотрудничества с Россией против Румынии из-за Бессарабии»⁷. И вновь, как и в Первую мировую войну, судьбы Трансильвании и Бессарабии оказались тесно связанными.

Первоначально Венгрия не слишком охотно шла на сближение с Советским Союзом, а делала ставку исключительно на германо-итальянскую „ось“ и западные державы. Поэтому, приступая к трансильванской акции, Венгрия попыталась застраховаться прежде всего со стороны Запада. 23 февраля 1940 г. посланники Венгрии в Лондоне и Париже вручили правительствам Англии и Франции меморандум, в котором подчеркивалось, что свои территориальные притязания в отношении Румынии Венгрия не собирается осуществлять силой оружия. Но, говорилось далее в меморандуме, если Россия «успешно атакует Румынию и возникнет угроза ее вторжения на Балканы», венгерская армия должна будет незамедлительно выступить в поход, чтобы достичь линии Карпат и остановить там продвижение русских⁸. Но в этой невероятной фантазмагории была конкретная и вполне реальная цель: убедить англичан в том, что для осуществления благородной миссии по защите христианской цивилизации от большевистского варварства войскам Венгрии — нехотя, против желания — придется «пересечь всю Трансильванию».

Ну а если большевики не «атакуют Румынию» и не пойдут на Балканы? И на этот случай был припасен аргумент в пользу воору-

женного вмешательства. Мотивом для такого выступления, полагал глава венгерского правительства граф П. Телеки, явится «добровольная» уступка Южной Добруджи Румынией Болгарии, ибо «чувство справедливости» мадьяр было бы глубоко уязвлено, если бы трансильванский вопрос остался тогда нерешенным. Чтобы поднять венгерские акции у западных держав, правительство обязало своих посланников в Лондоне и Париже заявить при вручении меморандума, что Венгрия ни при каких обстоятельствах не пойдет ни на какую совместную акцию с Советским Союзом.

Обращение к Англии и Франции не было случайностью. Они имели гарантийный договор с Румынией от 13 апреля 1939 г., обязывающий их защищать неприкосновенность последней. Этот договор еще сохранял силу, и Венгрия не могла полагаться только на Германию, тем более что война на Западе велась тогда вяло, и неизвестно было, как она повернется дальше. Но вот пала Франция, да к тому же и сам Бухарест, желая заручиться симпатиями Берлина, добровольно денонсировал гарантийный пакт еще в феврале 1940 г. Хортистов отныне ничто не заставляло оглядываться на Запад, и через четыре месяца после упомянутого дипломатического демарша будапештские правители радикально изменили линию своего поведения в трансильванском вопросе, забыв о своих заверениях в миролюбии.

Главным союзником для Будапешта, однако, был все же Берлин, а не Москва, тоже объективно заинтересованная в развале версальско-трианонской системы с ее отростками — антисоветским санитарным кордоном и Малой Антантой. На этой почве и сошлись противоречивые в сущности и взаимоисключавшиеся во многих важных сферах интересы германо-итальянского блока, Венгрии, Болгарии и... СССР.

Успех Гитлера в Мюнхене позволил и регенту Венгрии адмиралу М. Хорти приступить к решению своих локальных задач по демонтажу трианонско-версальского сооружения.

На руку венгерскому ревизионизму оказался и пресловутый советско-германский пакт 1939 г., положивший начало сталинской политике расширения западных границ СССР от Карельского перешейка до дельты Дуная. В результате получилось нечто вроде «Drang nach Westen», столкновение которого с мощным натиском «Drang nach Osten» нацистско-германского образца должно было рано или поздно стать неминуемым.

Сотрудничество Берлина с Москвой в восточноевропейских делах, не устранившее тем не менее их соперничества за утверждение своего влияния именно в этом регионе, до чрезвычайности осложни-

ло жизнь малых стран, заставляя последних проявить максимум изворотливости, чтобы: а) не быть раздавленными между жерновами двух гигантов; б) извлечь максимум пользы для себя из этой головоломной игры. Но поскольку доминирующей силой в регионе была Германия, то им приходилось сообразовывать свои действия в первую очередь с Берлином.

В этой чрезвычайно сложной и запутанной ситуации, сложившейся в Европе во временном промежутке между советско-германским пактом и советско-германской войной, венгерская дипломатия оказалась более удачливой, чем румынская. Сохранив дружбу с державами «оси», она сумела одновременно навести мосты и в сторону нелюбимой Москвы ради достижения заветной цели — завоевания Трансильвании⁹.

После раздела Польши между Советским Союзом и Германией Румыния оказалась вторым объектом, а точнее, жертвой двух тоталитарных держав. С той существенной разницей, что здесь дело обошлось без военных действий. Да к тому же румыны сумели сохранить свою государственность, хотя и в сильно урезанном виде.

Заметим, что сами правители малых восточноевропейских стран как бы добровольно шли навстречу желаниям сильных соседей и, соревнуясь друг с другом, старались как можно скорее добиться их благосклонности, не считаясь ни с ущемлением собственного суверенитета, ни, позднее, с полным его уничтожением во имя так называемых «национальных» интересов. Мотивы, которыми при этом руководствовались соперничавшие из-за Трансильвании Бухарест и Будапешт, были существенно различны. Если Венгрия, как и Германия, могла добиться осуществления своей национальной программы на путях ревизии, реванша и войны, то, по логике вещей, Румыния, наоборот, должна была бы, казалось, избегать всего этого и держаться подальше от тех сил, которые были заинтересованы в нарушении версальской системы, сделавшей возможной возникновение «Великой Румынии».

Роковой для Румынии исторический момент наступил в конце июня 1940 г., когда разгром Франции и изоляция Англии за Ла-Маншем придали необычайную смелость и прыть трем румынским соседям, выжидавшим удобного случая, чтобы предъявить свои претензии на облюбованные ими куски румынского пирога.

С начала 1940 г. отчетливо прослеживаются две тенденции — сближение между Москвой и Будапештом при одновременном прогрессирующем ухудшении их отношений с Румынией¹⁰. Высокопо-

ставленный венгерский чиновник по поручению своего правительства 17 января сделал полпреду СССР в Венгрии Н.И. Шаронову важное заявление о том, что венгерским газетам отныне «отдано распоряжение: 1. статей антисоветского содержания не печатать; 2. цензура из факультативной (необязательной) преобразуется в обязательную, т. к. одна газета дала снимок красноармейца в виде бродяги; 3. будут публиковать больше материалов ТАСС». Была также прекращена публикация материалов итальянского агентства «Стефани» о «русской опасности у Карпат»¹¹.

Таким образом, совершенно неожиданно СССР из страны враждебной превращался в дружественного Венгрии соседа. Появившаяся спустя две недели, 31 января, статья в официозе «Уй мадьяршаг» подтвердила новую линию венгерских правящих кругов. В статье, обратившей на себя внимание советских дипломатов в Будапеште, говорилось: «...мы поддерживаем отношения дружбы с Германией, *сердечные отношения с СССР*, нашим северным соседом. Мы не чувствуем угрозы с его стороны. Опасность грозит нам только *со стороны Румынии*» (выделено нами. — *Авт.*). Спустя еще две недели те же мысли буквально в тех же выражениях повторил Шаронову сам министр иностранных дел И. Чаки. «Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем, и вообще угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем»¹², — заявил он 13 февраля 1940 г. советскому полпреду.

Совсем в иной плоскости велись дела с румынами. Начать с того, что Москва в это же время всячески затягивала назначение своего полпреда в Бухарест, и, несмотря на неоднократные просьбы и обращения румынского посланника к заместителю наркома иностранных дел В.П. Потемкину и к самому наркому В.М. Молотову, решение этого вопроса постоянно откладывалось, что явно было недобрым предзнаменованием для Румынии. Точно так же советское правительство уклонялось от румынских предложений об интенсификации торгового обмена между двумя странами. Многочисленные запросы румынской миссии по всем этим и другим вопросам советскими должностными лицами оставались без внимания¹³. В то же время ранней весной 1940 г. советская сторона с видимым нетерпением ожидала приезда торговой делегации Венгрии, буквально зазывала ее в Москву.

С другой стороны, Германия и Италия всячески уклонялись от активной поддержки Венгрии против Румынии по той простой причине, что последняя «весила» на порядок больше своей соперницы. Весной

1940 г. еще не созрели международные условия и предпосылки для реализации венгерских планов в отношении Румынии и прежде всего ввиду однозначного нежелания ближайших венгерских союзников спешить с поддержкой этих планов. Апрельский вояж венгерского премьера Телеки в Рим к первому и самому надежному, казалось бы, союзнику Венгрии, предпринятый с целью зондажа позиции Италии в румынском деле, утешительных результатов не принес. По словам самого Телеки, сказанным по возвращении в Будапешт словацкому посланнику и тотчас же переданным последним советскому полпреду Шаронову, в Риме венгерскому премьеру посоветовали воздержаться от реализации ревизионистских планов в отношении Румынии. Венгрии рекомендовано было «ждать!», ждать благоприятного момента. Рим к тому же выдвинул малопривлекательное для мадьяр условие — чтобы в районах, на которые те претендовали, было не больше 30% этнического меньшинства¹⁴. Поскольку комитаты с венгерским большинством были расположены вдали от трианонских границ, а приграничная полоса заселена в большей мере румынами, чем венграми, то принятие данного условия лишило бы Венгрию всякой надежды даже на возвращение части Трансильвании. В довершение ко всему Муссолини наотрез отказался дать в письменной форме обязательства оказать Венгрии военную помощь.

Неуверенность в твердой поддержке союзников по Антикоминтерновскому пакту послужила дополнительным стимулом дрейфа Венгрии в сторону Москвы и стремления добиваться ее благосклонности. И потому даже самые незначительные факты, свидетельствовавшие об изменениях в настроении кремлевского руководства, вроде неупоминания Венгрии в выступлении Молотова на шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г.¹⁵, становились поводом для беспокойства в Будапеште. Именно о причинах такой «забывчивости» руководителя советского внешнеполитического ведомства допытывался у Шаронова статс-секретарь венгерского МИД Уллейн-Ревички 17 апреля 1940 г. И это заставило их обратиться к западным державам.

Обращение к западным державам было вызвано и тем, что они, согласно договору от 13 апреля 1939 г., были гарантами территориальной целостности Румынии. Но это обстоятельство отпало скоро как бы само по себе. По иронии судьбы, как ни странно, правительство этой страны само, добровольно, без всякого принуждения отказалось от англо-французских гарантий неприкосновенности своей территории! Заодно Румыния покинула и Лигу наций, сочтя ниже своего

достоинства пребывания в этой организации. В официальной декларации правительство объявило о том, что «будет проводить политику искреннего включения в систему, созданную „осью“ Берлин–Рим», и это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства, точно передающих чувства нации¹⁶.

Это заявление румынского правительства, поставившее в тупик дипломатические канцелярии Европы, имело два конкретных политических последствия, отнюдь не благоприятные для интересов румынской нации. Оскорбленная в своих лучших чувствах Англия, естественно, немедленно отошла от своей многолетней позиции безусловной поддержки территориальной целостности Румынии. Это во-первых. А во-вторых, шаг, предпринятый Бухарестом, поразил и насторожил советское руководство, несмотря на то, что аннулирование гарантий несомненно облегчало реализацию советских планов в отношении Румынии.

Полпред СССР в Румынии А.И. Лаврентьев писал Молотову 30 июля 1940 г.: «Такой крутой поворот во внешней политике румынского правительства в итало-германском направлении продиктован:

1) разгромом Франции; 2) успехами военных действий Германии; 3) боязнью, как бы *Венгрия и Болгария не потребовали бы от Румынии больших территориальных уступок*; 4) боязнью перед тем, как бы *Советский Союз не предъявил бы других требований* и 5) увеличивающимся нажимом на Румынское правительство со стороны Германии»¹⁷ (выделено нами. — *Авт.*).

В этом анализе все верно за одним только исключением: «крутого поворота в итало-германском направлении», в общем-то, в данный момент не было, так как он произошел в румынской внешнеполитической ориентации намного раньше. «Крутым» был лишь грубый разрыв Бухареста с Англией, но к этому времени англо-румынские отношения уже были далеки от бывшего антантовского «сердечного согласия». Гораздо более важным было упоминание, в сослагательном наклонении конечно же, страха румынских правящих кругов перед лицом перспективы дальнейших угрожающих действий со стороны СССР.

Несомненно, что уже к лету 1940 г., когда германская военно-стратегическая активность на западном театре военных действий практически была исчерпана, центр тяжести экспансионизма европейских держав «оси» переместился в Юго-Восточную Европу, и ключевое значение в советско-германских отношениях приобрела Румыния. Но несмотря на очевидную противоположность интересов в регионе, обе

стороны до поры до времени делали упор не на конфронтацию, а на совместные действия и сотрудничество¹⁸.

За три дня до предъявленного Москвой 26 июня 1940 г. ультиматума СССР в отношении Бессарабии, как вытекает из беседы Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 23 июня, обе стороны вновь констатировали, что «балканский вопрос может быть совместно мирным путем разрешен Советским Союзом, Германией и Италией...»¹⁹. Из слов Шуленбурга, вскользь оброненных им, однозначно следует, что между СССР и Германией уже с осени 1939 г. имелось специальное «соглашение о Бессарабии». Это косвенно подтвердил и нарком, настойчиво, вновь и вновь, добиваясь авторитетного подтверждения со стороны нацистского министра иностранных дел И. Риббентропа договоренностей по этому поводу. Молотов поставил перед Шуленбургом следующий вопрос:

«Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?»²⁰. Нарком получил от немецкой стороны требуемое подтверждение, но лишь в принципе. Не отрицая права СССР на Бессарабию, свое согласие содействовать осуществлению этих прав она обусловила рядом экономических и политических условий. В их числе было: строгое соблюдение хозяйственных интересов Германии, прежде всего гарантия бесперебойных поставок продовольствия и остродефицитных нефтепродуктов для германской военной машины. Германия, заявил посол Шуленбург, «не имеет политических интересов в Бессарабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной»²¹.

Чрезвычайно важным, отчасти тесно связанным с первым, было другое категорическое германское требование — не допустить ни при каких обстоятельствах открытия военных действий против Румынии, которое, как не без оснований опасались в Берлине, немедленно повлекло бы за собой вовлечение в военный конфликт Венгрии, а возможно, и Болгарии. Третье условие, более чем оригинальное, хотя, по всей видимости, не столь жизненно важное с точки зрения германских стратегических интересов, в передаче посла звучало так: «СССР заявит о своих претензиях на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе»²². Советское правительство попросту проигнорировало это странное предложение, и Молотов не счел нужным даже отреагировать на него.

Помимо всего этого немцы опасались возникновения в Румынии, в тылу сражавшихся на Западе германских армий, хаоса в случае советского выступления, к тому же в момент, когда, по словам посла, «Германии сейчас до зарезу нужны нефть и другие продукты, получаемые из Румынии»²³. С последним доводом глава советского правительства с готовностью согласился, пообещав «сделать все возможное, для того, чтобы „не затронуть“ экономические интересы Рейха». Все остальные требования немцев были жестко отклонены Молотовым, который в ходе беседы проинформировал о состоявшемся решении советского правительства в ближайшее время поставить перед Бухарестом вопрос о Бессарабии. Далее последовал неожиданный поворот, касавшийся Буковины. «Буковина, — продолжал Молотов, — как область, населенная украинцами (наличие там многочисленного румынского, еврейского, немецкого, польского, цыганского населения нисколько не интересовало советского наркома. — *Авт.*) также включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой»²⁴.

Именно на такое решение и рассчитывали венгры. Как говорил венгерский военный атташе в Москве Г. Фараго во время организованного МИД СССР 18 июня 1940 г. просмотра фильма «Петр Первый», «венгры ждут занятия нами (т. е. СССР. — *Авт.*) Бессарабии, чтобы пойти в Трансильванию»²⁵. «У нас был разработан план войны с Румынией в расчете на то, что Румыния отклонит требование СССР, и мы сможем вступить в войну после начала войны Румынии с Вами», — говорил в беседе с советским полпредом Н.И. Шароновым, не в меру разоткровенничавшись, член Комиссии по иностранным делам венгерского парламента Ференц Райниш²⁶.

25 июня 1940 г., за день до вручения Румынии ультиматума, глава советского правительства в беседе с послом Италии А. Россо сделал заявление аналогичного содержания относительно позиции СССР по поводу венгерских и болгарских притязаний: «СССР не имеет никаких претензий в отношении Венгрии. С Венгрией у нас нормальные отношения. СССР считает претензии *Венгрии к Румынии имеющими под собой основания*.

С Болгарией у СССР хорошие, добрососедские отношения. *Они имеют основания стать более близкими*. Претензии Болгарии к Румынии, как и к Греции, имеют под собой основания»²⁷ (курсив наш. — *Авт.*). Эти тщательно продуманные формулировки были, од-

нако, идентичны только по вопросу о территориальных притязаниях к Румынии двух ее соседей. В остальном же отчетливо проявилось существенное различие в советском подходе к Венгрии и Болгарии, а в сущности — к двум субрегионам Центральной и Юго-Восточной Европы. Акцентирование «нормальных отношений» с Венгрией и подчеркнутая незаинтересованность Советского Союза в делах Средней Европы означали желание довольствоваться лишь этим, не идти дальше «нормализации», т. е. не добиваться утверждения своего влияния в средневропейском регионе. Заявление же о поддержке болгарских притязаний не только к Румынии, но и к Греции, а в особенности намерение наладить с Болгарией «близкие отношения» было равно предъявлению претензий на преимущественное влияние в восточной части Балканского полуострова.

Беседа с итальянцем не оставила никаких сомнений относительно решимости Москвы полностью взять на себя инициативу в румынском вопросе, действовать в одиночку, не дожидаясь выступления Венгрии и Болгарии; а в случае необходимости вопреки желаниям Берлина и Рима не останавливаться перед «применением силы». Намек был понят и принят. Из Берлина необычайно быстро пришел в целом положительный ответ на поставленные перед нацистским руководством вопросы. 25 июня Шуленбург представил этот ответ Молотову. Суть его сводилась к четырем основным положениям:

«1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией.

2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию.

3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии.

4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Вольни»²⁸.

Пункт, содержащий просьбу к СССР отнестись благожелательно к буковинским немцам, был равнозначен признанию *de facto* советских притязаний на Буковину. Вынужденная уступка со стороны Германии способствовала углублению ее разногласий с Советским Сою-

зом. Немцы уступили, не имея возможности или не желая противопоставить силу силе за год до 22 июня 1941 г. Тем не менее германская сторона сочла необходимым зафиксировать свои возражения в телеграмме Риббентропа от 25 июня 1940 г. Молотову, о чем можно косвенно судить по высказываниям последнего в беседе с Шуленбургом (косвенно потому, что вопреки общепринятому правилу составители XXIII тома «Документов внешней политики» почему-то не привели текста телеграммы даже в приложении).

В ответ на содержащиеся в телеграмме упреки Молотов следующим образом аргументировал советскую позицию: «...постановку вопроса о Буковине, где преобладающее население — украинцы, советское правительство считает правильной и своевременной, так как к настоящему моменту вся Украина, за небольшими исключениями, уже объединена, но Советский Союз не ставил перед Венгрией вопроса о Прикарпатской Руси, не считая его актуальным»²⁹. Руководствуясь этой логикой, следовало бы забрать в первую очередь именно Подкарпатскую Русь, где численное преобладание украинцев (русин) было, в отличие от Буковины, бесспорным, и завершить тем самым благородное дело освобождения единокровных братьев из-под иноземного ига. В 1940 г. советское правительство не сделало этого по чисто прагматическим соображениям, ибо тогда предпочтительнее было иметь соседом благожелательно настроенную Венгрию, чем получить всю Закарпатскую Украину со всеми ее единокровными и единоверными обитателями. Состоявшийся в ходе беседы обмен мнениями показал, что в сложившейся из-за бессарабско-буковинского кризиса ситуации июня 1940 г. позиция Советского Союза в отношении к Венгрии и Болгарии была более благоприятна для этих стран, чем германская. Ставя перед собеседником вопрос о территориальных притязаниях Венгрии и Болгарии к Румынии, Шуленбург выразил сомнение «в своевременности их (притязаний. — *Авт.*) предъявления». Нарком, однако, не поддержал эту позицию, хотя не считал возможным и оспаривать ее³⁰.

В ответ Шуленбургу Молотов сформулировал позицию вполне корректно: «Советскому правительству кажется, что основания у Венгрии и Болгарии для претензий к Румынии есть, но советское правительство не может за них решить вопрос, являются ли их претензии срочными, или они могут быть отложены»³¹.

Час действия настал в последние дни июня 1940 г., вскоре после капитуляции Франции, сразу подстегнувшей трех соседей Румынии — СССР, Болгарию и, конечно же, Венгрию, ожидавших удобного слу-

чая, чтобы оторвать свою долю добычи. Сигнал к частичному разделу «Великой Румынии» подала Москва. Поздно ночью 26 июня 1940 г. посланник Г. Давидеску был приглашен к В.М. Молотову, которому советский нарком иностранных дел вручил ноту с требованием возвращения СССР Бессарабии и «передачи» ему северной части Буковины, согласно приложенной карте. На ответ отводилось ровно 24 часа. В присущей ему жесткой манере Молотов дал ясно понять, что в случае положительного ответа в течение 24-х часов названные территории будут немедленно заняты. Насмерть перепуганный посланник бросился к телефону, чтобы срочно продиктовать в Бухарест содержание ультиматума. Но, увы, связи не было. То ли потому, что перетрудившиеся телефонистки заснули в эту ночь или по какой-то другой причине, но телефон заработал ровно в 6 часов утра следующего дня.

Утром 27 июня Риббентроп направил германскому посланнику в Бухаресте телефонограмму следующего содержания: «Вы немедленно нанесете визит министру иностранных дел в Бухаресте и сообщите ему следующее: „Советское правительство информировало нас, что оно потребовало передачи Бессарабии и Северной Буковины. Имея в виду избежать войны между Румынией и Советским Союзом, мы не можем посоветовать румынскому правительству ничего другого, как подчиниться требованию советского правительства“»³².

Итак, румыны имели целых 18 часов для того, чтобы произнести одно слово: «Да». И оно было произнесено после решения Коронного совета, срочно, в пожарном порядке созванного королем Каролом 27 июня³³. Главным аргументом против оказания сопротивления Советскому Союзу, как полагает исследователь из Лондонского университета Д. Делетант, было опасение одновременной синхронизированной атаки со стороны Венгрии и Болгарии³⁴. Скорее всего, этот вывод является преувеличением, ибо решающим аргументом, по видимому, была все же боевая мощь советских дивизий, отоброшенных и готовых немедленно форсировать Днестр. Единственная и последняя надежда румын рухнула, как только пришло сообщение о реакции Берлина на просьбу о содействии: никакой помощи, наоборот, настойчивый, с нажимом совет — уступить Советам не задумываясь. Примерно таким был смысл германских рекомендаций Бухаресту.

После присоединения Бессарабии и Северной Буковины к Советскому Союзу произошло резкое обострение румыно-венгерских отношений в связи с требованием Венгрии пересмотреть вопрос о тер-

риториальной принадлежности Трансильвании. Одним из первых, кто посетил НКВД СССР после принятия румынским правительством требований Советского Союза, был венгерский посланник Й. Криштоффи. Он поздравил заместителя наркома иностранных дел В.Г. Деканозова с успешным разрешением вопроса о Бессарабии и Северной Буковине и намекнул, что аналогичные претензии имеются к Румынии и у Венгрии. Однако, что конкретно имелось в виду, венгерский посланник не пояснил. Ни о сроках, ни о планах решения территориальных споров Криштоффи ничего не сказал³⁵.

Ультиматум Молотова, капитуляция Румынии перед советским диктатом и присоединение к СССР вместе с Бессарабией также и Северной Буковины, прозвучавшие сигналом для резкой активизации двух других соседей Румынии, вызвали неодобрительную реакцию у англичан. Британский премьер-министр У. Черчилль в беседе с советским полпредом И.М. Майским с едва прикрытой издевкой вопрошал: «Что это означает: возврат к империализму царских времен?» И, внимательно выслушав доводы, добавил: «Может быть, Вы и правы. Но если Ваши действия даже продиктованы не старым царем, а новым советским империализмом, — что с того, у меня нет возражений». Затем прозорливый британский премьер, как рассказывает Майский, с усмешкой добавил: «Должно быть, в Берлине не очень довольны Вашей экскурсией в Румынию?»³⁶. И попал, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Пикантность складывавшейся после советского ультиматума ситуации заключалась в том, что все три соседние с Румынией государства действовали синхронно, не заключив предварительно никаких, ни явных, ни тайных, направленных против Румынии соглашений, скорее всего, даже не сговариваясь на этот счет, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам советских архивов. Главное, однако, было не в том. Важен был прецедент. Ибо, как писал советский полпред в Бухаресте, «в первую очередь, факт возвращения нам Бессарабии разрушил тезис о целостности Румынии и открывал Венгрии (добавил от себя: и Болгарии. — *Авт.*) возможность для предъявления своих требований».

Действительно, решение о переходе к активным действиям в трансильванском вопросе Будапештом было принято уже в роковой для Румынии день 27 июня 1940 г., когда она была вынуждена расстаться с Бессарабией и Северной Буковиной. Быстрая капитуляция Бухареста вызвала явное разочарование венгерского руководства, втайне желавшего вооруженного конфликта между СССР и Румыни-

ей. «Мирное разрешение конфликта с Румынией, — читаем в информации советского полпредства из Будапешта в конце 1940 г., — встретило полное одобрение всех кругов Венгрии и вызвало правительственное заявление о полной справедливости требований СССР (к Румынии. — *Авт.*), так как, в первую очередь, факт возвращения нам Бессарабии разрушал тезис о целостности Румынии и открывал Венгрии возможность для предъявления своих требований. Известное недовольство мирным исходом конфликта имелось у военного руководства, составившего план войны против Румынии в расчете на советско-румынский конфликт»³⁷.

Здесь полпред явно ошибся. Дело заключалось не только в пристрастиях генералов к военным играм и бряцанию оружием. Вся политическая верхушка хортистской Венгрии жаждала возвратить в лоно отечества «вторую родину», Трансильванию, именно с оружием в руках, а не каким-либо иным путем. И по двум причинам: во-первых, в силу исторической традиции. Венгерское дворянство гордилось тем, что его предки, свободные всадники, завоевали (а не «обрели») родину с мечом в руках. А право завоевания представлялось наиболее достойным и эффективным. Во-вторых, военный конфликт позволял решить вопрос радикально, без вмешательства посредников, предъявив поверженному противнику полный счет, без каких-либо компромиссов и половинчатых решений, и главное, без неизбежных в таком случае уступок.

Капитуляция Бухареста перед Москвой 27 июня практически исключала военное решение венгеро-румынского конфликта, ибо самые горячие головы в Будапеште отдавали себе отчет, что одной Венгрии Румынию не одолеть. Тем не менее 1 июля был отдан приказ о мобилизации, а через два дня 1-я венгерская армия вплотную приблизилась к границам соседней страны. Скорее всего, это была военная демонстрация, а не серьезное намерение открыть военные действия. 2 июля король Кароль в личном послании Гитлеру попросил его о сотрудничестве и о германских гарантиях неприкосновенности Румынии. Румыны пытались задобрить Гитлера обещанием неограниченных поставок нефти, мадьяры — зерновых. Германии же нужно было иметь и то, и другое, и нефть, и хлеб, а не одно из двух. Поэтому германская дипломатия, не заинтересованная в возникновении очага войны на юго-востоке, пыталась склонить румын к уступчивости, мадьяр — к миролюбию.

В эти дни для Будапешта возросло значение позиции Москвы. В ответ на прямое обращение венгерского правительства о возможном

поведении Советского Союза в случае конфликта между Румынией и Венгрией Молотов 4 июля сделал два важных для венгров заявления: 1) СССР находит венгерские территориальные требования обоснованными; 2) в случае мадьяро-румынского конфликта Советский Союз в него не вмешивается³⁸.

Однако Кремль не был удовлетворен достигнутым. Ему было мало Бессарабии с Северной Буковиной в придачу, полученных от Румынии в конце июня 1940 г. в результате советского ультиматума³⁹, и он добивается чего-то большего. Чего именно? Сегодня это еще не до конца ясно. Присоединения к СССР Южной Буковины? Влияния в Румынии? Гегемонии? Превращения Румынии в сферу своего монопольного влияния? Вероятно, да. Нет оснований утверждать, что он добивался упразднения этого государства, подобно тому как было упразднено государство польское.

Таких планов скорее всего не было. Но не было также и гарантии неучастия Советского Союза в совместном с Венгрией и Болгарией выступлении против румын. А о неудовлетворенности русских румынам было известно из первых рук. Не кто иной, как сам Молотов, говорил об этом румынскому посланнику Г. Гафенку в беседе 10 сентября 1940 г. в достаточно откровенных и не совсем дипломатичных выражениях. Коснувшись июньского бессарабского ультиматума Москвы, нарком, не щадя чувств собеседника и не выбирая вежливых фраз, заявил, что Советское правительство, «выставляя свои требования, не считало себя полностью удовлетворенным, однако не хотело начинать нового спора с Румынией. Советское правительство рассматривало предложения, сделанные тов. Молотовым, как *минимальные*» (курсив наш. — Авт.).

О дальнейших видах и пожеланиях СССР нарком не обмолвился ни единым словом. Каков был максимум советских требований к Румынии, где их предел, — о том неведомо было никому. За исключением, возможно, самого Сталина. Вероятно, Сталин знал, чего он хотел от румын. Но, как трезвый политик, он должен был считаться с сопротивлением своим планам на Балканах со стороны своего главного союзника-соперника — Гитлера. Последний же всем своим поведением показывал, что не намерен потворствовать дальнейшему советскому продвижению в глубь Балкан и проникновению дальше линии Прут — устье Дуная. Из всей совокупности доступных сегодня исследователю документов видно, что советско-германское соглашение о Румынии предусматривало передачу СССР только Бессарабии и не более того. Сталину уже однажды удалось перехитрить рейхсканц-

лера и забрать в придачу к Бессарабии еще и Северную Буковину. Фюрер рвал и метал по поводу «вероломства» русских, но вынужден был проглотить пилюлю. Первый раунд в поединке вокруг Румынии тем самым остался за Сталиным. Однако после июня 1940 г. этот номер уже не проходил. И потому советский лидер вынужден был проявить максимум осмотрительности в своих поступках и действиях.

Руководящие политики Венгрии, откровенно демонстрируя чувства удовлетворения и радости по поводу энергичной антирумынской акции Москвы, не особенно старались в то же время скрыть свое разочарование мирным исходом советско-румынского спора из-за Бессарабии. В особенности же тем, что, уступив ее Советам без боя и не оказав им вооруженного сопротивления, румыны тем самым упредили венгерское вторжение в Трансильванию и болгарское — в Добруджу.

А ведь план новой трансильванской кампании, разработанный в венгерском генштабе, был составлен именно с расчетом на советско-румынскую войну. В разговорах венгерских политиков, дипломатов и военных с представителями СССР оба мотива — и нескрываемая радость по поводу энергичного выступления Советского Союза против Румынии, и едва скрываемое разочарование по поводу несостоявшейся драки — присутствовали одновременно⁴⁰.

Урегулирование бессарабского кризиса не сняло напряженности советско-румынских отношений, что и обусловило дальнейшее сближение СССР и Венгрии, причем инициативной стороной в этом процессе, естественно, выступал не утоливший еще жажду приобретений Будапешт. Изъявления чувств дружбы и симпатии к СССР из уст официальных представителей Венгрии после 27 июня 1940 г., когда стало известно о бессарабском ультиматуме Молотова, следовали одно за другим. В середине июля министр иностранных дел Венгрии И. Чаки «скромно» заметил, что отношения Венгрии с СССР лучше, чем с Румынией и (даже!) с Югославией. Выступая на заседании парламентской комиссии по иностранным делам, И. Чаки умудрился в ходе одного заседания трижды упомянуть о Советском Союзе и все три раза в чрезвычайно дружественном тоне. В ответ на запрос закарпатского депутата Броди «о пропаганде в Закарпатской Украине в пользу СССР» министр невозмутимо заявил, что он «может только выразить свое удовлетворение венгеро-советскими отношениями»⁴¹. Слова эти имели конкретного адресата. Они были предназначены Бухаресту и вполне укладывались в русло дипломатической подготовки захвата Трансильвании. «Венгры очень легко могут заключить союз с

СССР», — говорил венгерский министр иностранных дел посланнику Румынии в Будапеште, явно шантажируя собеседника и нисколько не смущаясь ложью, ибо прекрасно знал, что ни одна из сторон к заключению такого союза не готова⁴².

Впрочем, особой нужды в договорном оформлении союза между СССР и Венгрией не было. Помимо отсутствия такого желания у обеих сторон, подобный шаг был бы чреват непредвиденными осложнениями во взаимоотношениях каждой из них с Германией и Италией. В особенности для Венгрии. Однако соблазн в демонстрации готовности к войне, по крайней мере с целью оказать давление как на Румынию, так и на собственных союзников, у мадьяр летом 1940 г. был как никогда велик. Причина была одна — явное нежелание Гитлера и Муссолини, как мы видели, форсировать претворение в жизнь трансильванских чаяний венгров. В этой ситуации Советский Союз, как представлялось венграм, становился единственной державой, на которую Венгрия могла опираться в данном деле. Ободренная успехом первого удара по территориальной целостности румынского соседа венгерская сторона в начале июля решила приступить к реализации собственных целей. Все началось с венгерского зондажа в Москве.

3 июля 1940 г. правительство Венгрии через своего посланника в Москве Криштоффи обратилось к Советскому Союзу за поддержкой в трансильванской проблеме, думается, не запросив при этом предварительной санкции у Берлина. Криштоффи поставил перед Молотовым вопрос прямо и с явным желанием втянуть СССР в венгеро-румынский конфликт вокруг Трансильвании. Не может ли советское правительство, спросил посланник, «повлиять на Югославию с тем, чтобы она сохранила спокойствие в случае, если Венгрия будет вынуждена вступить в конфликт с Румынией». Иными словами, речь шла о том, чтобы удержать Белград от попыток выступить в поддержку его союзницы Румынии в случае венгерского нападения на нее. Вопрос был поставлен ребром, без обычных в таких случаях дипломатических уловок. Он явно не застал врасплох собеседника. Нарком не стал выражать ни удивления, ни возмущения. И в принципе не отклонил не совсем обычную венгерскую просьбу. Он лишь сказал, сославшись на то, что отношения с Югославией практически еще не установились и не состоялся обмен посланниками⁴³, что «такое вмешательство с нашей стороны было бы преждевременно»⁴⁴.

4 июля состоялась новая встреча. На этот раз инициативу взяла на себя советская сторона. Молотов решил проинформировать прави-

тельство Венгрии об отношении к ней Советского Союза. Сделал это в своеобразной, косвенной форме. Сначала он спросил Криштоффи, получил ли Будапешт информацию от правительства Италии⁴⁵. Узнав о том, что посланнику об этом ничего не известно, он изложил советскую позицию. Советское правительство, заявил нарком, «считает свои отношения с Венгрией нормальными; СССР не имеет никаких претензий по отношению к Венгрии; Сов(етское) правительство считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания». Далее последовало уже нечто новое: «...такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой эвентуально будет стоять вопрос о притязаниях Венгрии к Румынии», — добавил Молотов⁴⁶.

Значение последнего заявления состояло в том, что, во-первых, по форме оно напоминало уже определенное обязательство. Во-вторых, оно говорило о готовности СССР участвовать в решении трансильванского вопроса на международной конференции. В-третьих, обязательство было подкреплено однозначным обещанием придерживаться указанной позиции (т. е. признания обоснованности венгерских притязаний) и на предполагаемой конференции. Кроме того, Молотов предложил заключить с Венгрией выгодный для нее торговый договор о торговле и мореплавании, который был согласован и подписан в рекордно короткие сроки — 3 сентября 1940 г.⁴⁷

Идея созыва международной конференции по трансильванскому вопросу, будучи поддержана другими заинтересованными странами, дала бы положительный результат с точки зрения интересов Венгрии. Но еще больше выгод она сулила Советскому Союзу, ибо участие в подобной конференции сразу выводило бы его в число держав, решавших судьбу Юго-Восточной Европы. На это ни Гитлер, ни Муссолини, конечно, пойти не могли. В конце концов трансильванский вопрос решился именно так, как предлагал Молотов, — т. е. на международной конференции. Но без Советского Союза! Произошло это двумя месяцами позднее в Вене и под диктовку фюрера. Но пока, в июле 1940 г., в советско-венгерских отношениях наступил медовый месяц: обе стороны расточали друг другу любезности. Москва с необыкновенной оперативностью выполняла разного рода просьбы и ходатайства венгров.

Словом, все шло хорошо, и оба правительства готовились в спешном порядке обменяться военными атташе. В Будапеште царило отличное настроение и потому, что в течение первой недели июля отпали опасения насчет возможного выступления Югославии в случае

конфликта Венгрии с Румынией. Добрые вести приходили и из Софии — о форсированных военных приготовлениях Болгарии (мобилизации одного корпуса и трех армий), а главное, о том, что у болгар прошла боязнь Турции. Так, по крайней мере, считал венгерский министр иностранных дел И. Чаки, несколько приукрашивая картину, ибо на самом деле болгар продолжала по-прежнему беспокоить концентрация турецких войск у болгарской границы. Но несмотря на это, 5 июля в беседе с посланником Болгарии в Будапеште Точевым, «который много говорил о Добрудже», граф не задумываясь посоветовал болгарину рекомендовать своему правительству «начинать»!..⁴⁸

Сама Венгрия была, по-видимому, действительно готова ринуться в бой за Трансильванию. В ответ на «заинтересованный» вопрос советского полпреда относительно состояния военных приготовлений Чаки, ничуть не удивившись вопросу и нисколько не таясь, охотно раскрыл перед представителем дружественного соседа государственную военную тайну. Как писал в своем донесении Шаронов, венгерский министр иностранных дел «охотно сообщил», что «мобилизация закончена, что численность армии доведена до 1 миллиона штыков, что сегодня вечером кончаются последние перевозки в связи с перемещением войск и что Венгрия *готова начать войну*»⁴⁹ (выделено нами. — *Авт.*). Далее он сказал, что его страна немедленно начнет войну, «если будет убит хоть один венгр в Трансильвании, ...несмотря на советы наших союзников по „оси“». Венгерский дипломат «под строжайшим секретом» сообщил о своей вместе с премьером Телеки предстоящей встрече с Гитлером, Риббентропом и Чиано⁵⁰. Прозрачный намек на «советы союзников» указывал на незаинтересованность последних в возникновении военного конфликта между Венгрией и Румынией. Из сего следует, что в 1940 г. германо-итальянский блок являлся той единственной силой, которая удерживала мадьяр от нападения на румын. Миротворцы из Берлина и Рима делали это во имя войны, той, которая велась на Западе, а еще больше той, что готовилась на Востоке против СССР. В этой грядущей антисоветской войне обеим странам — и Венгрии, и Румынии — была уготована одинаковая судьба германских сателлитов.

Югославы, так же как и турки, опасавшиеся исчезновения с карты Балкан Румынии, пытались оказать на Москву умиротворяющее воздействие. Перспектива иметь под боком у себя вместо Румынии Советский Союз страшила не менее чем эвентуальная возможность полного подчинения Румынии Германии. Посланник Югославии в Бухаресте А. Авакумович 9 июля в беседе с советским полпредом

А.И. Лаврентьевым, коснувшись настойчивых и безуспешных попыток Бухареста улучшить отношения с Советским Союзом, высказал мнение, что «в этом вопросе все зависит от СССР и любой какой-либо жест со стороны СССР, сделанный с целью показа некоторого внимания СССР к Румынии, мог бы иметь исключительно большие последствия для улучшения отношений между СССР и Румынией». И это спасет ее «от полного подчинения» Германии⁵¹. Однако обнадеживающих жестов от Москвы, насколько нам известно, Бухарест так и не дождался. Таким образом, тучи над Румынией продолжали сгущаться и после того, как она удовлетворила все предъявленные ей Кремлем требования.

Теперь, в новых условиях, возникших в восточной части Балкан после потери Румынией Бессарабии и Северной Буковины, речь, в сущности, могла идти не столько о дальнейших частичных территориальных уступках соседям с ее стороны, сколько о самом существовании Румынии как государства. Именно поэтому 1940 год оказался очень тяжелым в истории Румынии. В эти летние месяцы 1940 г. в дипломатических кругах Будапешта, Софии, Бухареста и других европейских столиц все чаще стали поговаривать о предстоящем маршброске Красной Армии на юг, к черноморским проливам, что должно было подразумевать проход советских войск через Румынию и Болгарию. Разумеется, это были лишь слухи, скорее всего провокационные, и исходили они главным образом от немцев; по-своему в распространении подобных слухов заинтересованы были и мадьяры; не обошлось, вероятно, и без происков англичан, сынов осажденного немцами туманного Альбиона, для которых лучшего подарка придумать было нельзя, чем столкновение СССР с Германией. Судить о беспочвенности либо, наоборот, о достоверности этих слухов сегодня так же нелегко, как и тогда, в жаркие для румын недели июля сорокового. В полной растерянности от всего этого представители различных стран не раз обращались к советским дипломатам за разъяснениями.

Так поступил и руководитель болгарской миссии в Бухаресте, который поинтересовался 9 июля у дипломатического представителя СССР, «верны ли разговоры, что советские войска не останутся на Пруте»⁵². Как бы то ни было, обложенные с трех сторон далеко не дружественными соседями, румыны должны были считаться и с подобными слухами. Между тем убедительных доказательств отсутствия у СССР агрессивных намерений Румыния не получала по-прежнему, что неизбежно должно было привести, с одной стороны, к уси-

лению страха, а с другой — к дальнейшему ее сближению с державами «оси».

16 июля на встрече в Бухаресте с полпредом СССР в Румынии А.И. Лаврентьевым посланник Югославии А. Авакумович вновь вернулся к своей излюбленной теме о дружественном «жесте». Такой жест, говорил югославский посол, необходим для того, чтобы показать румынам, что им «нечего бояться Советского Союза», и чтобы «парализовать усиливающееся влияние Германии на Румынию». Ответ на эти вполне разумные советы был достоин дисциплинированного советского чиновника от дипломатии. В таких случаях, заметил высокомерно полпред, «в сближении более заинтересована малая страна. Пусть у руководителей такой страны болит голова за сохранение независимости своей страны. Нет надобности доказывать мирную политику Советского Союза какими-то мелкими жестами». С аналогичной просьбой к советскому представителю неоднократно обращался и турецкий дипломат⁵³.

Посланник Турции в Бухаресте Танриöver, человек весьма сведущий и не лишенный аналитических способностей, в беседе с Лаврентьевым говорил о симпатиях в румынском обществе к Западу и антипатиях к Германии, подчеркивал вынужденность проводившейся румынским правительством внешней политики. «Сама Румыния идет на сближение с Германией только потому, что *опасается СССР. Если бы Советский Союз дал какой-либо знак, уверение, что такой опасности не существует*, антигерманские настроения и тенденции выразились бы гораздо ярче» (выделено нами. — Авт.)⁵⁴.

В подобного рода предупреждениях югославского и турецкого дипломатов полпред все же узрел «долю истины», которая, по его мнению, заключалась в том, что «имеется определенная часть румынской буржуазии, которая недовольна усилением Германии в Румынии, вытесняющим решительно англо-французское влияние»⁵⁵. И тем не менее румынам практически не оставалось иного выхода, как все глубже втягиваться в орбиту германской политики. 2 июля румынский король Кароль II в личном послании Гитлеру попросил его о сотрудничестве и о германских гарантиях неприкосновенности Румынии. В свою очередь, это стимулировало венгерские поиски поддержки на востоке.

С другой стороны, было также очевидно, что Германия вряд ли была готова отдать свою верную и стратегически более важную, нежели Венгрия, румынскую союзницу на съедение мадьярам, тем более в союзе с русскими. Поэтому она всячески оттягивала урегулиро-

вание трансильванского спора. Ей было необходимо сохранить Румынию в качестве поставщика стратегического сырья и как будущего союзника против СССР и в то же время не слишком раздражать нетерпеливую Венгрию. Этими трудно согласуемыми друг с другом целями руководствовалась германская дипломатия в течение всего венгеро-румынского конфликта, вплоть до самого Венского арбитража, т. е. до конца августа 1940 г. Пытаясь умягчить мадьяр и сбить их боевой задор, в июле–августе сорокового она предприняла ряд маневров с целью предотвратить открытый конфликт между двумя своими союзниками и не дать возможности Москве стать арбитром в их территориальном споре. Сначала немцы попытались добиться своей цели обещанием некоторых территориальных уступок Венгрии за счет Румынии, но... после окончания войны. Ни то, ни другое — ни неопределенность размера обещанной территории, ни сроки реализации данного обещания — мадьяр категорически не устраивало⁵⁶. Итоги важной трехсторонней германо-итальяно-венгерской встречи в верхах в Мюнхене 10 июля были для них явно неутешительны. На ней, по словам руководителя бюро Риббентропа Клейста, «аппетиты Венгрии пришлось урезать и отложить удовлетворение их на более позднее время»⁵⁷. Радикальное решение трансильванской проблемы откладывалось на неопределенный срок.

Такая позиция «оси» толкала венгров на сближение с Москвой, а румын в объятия немцев. В глазах нацистских руководителей мадьяры с их непомерными амбициями становятся чем-то вроде обузы, словом, неудобным союзником, территориальные их притязания к Румынии — чрезмерными и, по словам руководителя бюро Риббентропа, «несправедливыми», «далеко идущими»⁵⁸. В этих условиях инициативу по урегулированию венгеро-румынского спора взял на себя сам рейхсканцлер А. Гитлер, пригласив к себе в Мюнхен — опять Мюнхен! — в июле 1940 г. сначала венгерских и болгарских, а затем и румынских руководителей. Не исключено, что среди мотивов, побудивших фюрера к вмешательству, было нежелание допустить слишком тесного сближения Венгрии, так же как и Болгарии, с СССР.

Свидетельством усиливавшегося недовольства Гитлера своим венгерским союзником стало совещание высших руководителей Германии, Болгарии, Румынии и Словакии в австрийском городе Зальцбурге 28 июля 1940 г., на которое не была приглашена Венгрия — единственная из стран, непосредственно причастных к стоявшим в повестке дня встречи вопросам! Румынам был дан совет уступить

«обоснованным требованиям» болгар (в вопросе о Южной Добрудже), словакам — отложить свои территориальные притязания к Венгрии до окончания войны, Болгарии, Румынии и Венгрии (косвенно) — решить свои споры мирно, путем двусторонних переговоров.

31 июля у Молотова состоялся обстоятельный разговор на эту тему с Шуленбургом. Прослушав достаточно подробную и в меру откровенную информацию последнего, советский руководитель в 4-х пунктах резюмировал итоги состоявшихся в Германии переговоров по балканскому узлу противоречий, при этом расставив акценты по своему:

1. Первое и самое главное — «Германия не участвует как арбитр в будущих переговорах между Румынией, Венгрией и Болгарией».

2. «Германия дала Венгрии совет сделать разумное предложение, то есть Германия считает требования Венгрии преувеличенными и рекомендует их сократить и договориться с Румынией по ним».

3. «Германия дала совет Румынии уступить и договориться как в отношении Венгрии, так и Болгарии».

4. «В отношении Южной Добруджи Германия дала совет Румынии уступить ее Болгарии»⁵⁹.

Из всего, что было сказано в ходе беседы, совершенно ясно вытекает, что больше всего советскую сторону интересовал вопрос об арбитраже, т. е. опасное для СССР усиление позиций фашистской Германии в неоккупированной части Европы, в регионе, где все еще сохранялось советское влияние. Вот почему категорическое заявление посла Шуленбурга о том, что германское правительство «не претендует на роль арбитра», не устранило полностью подозрений главы советского правительства как насчет арбитража, так и дальнейших намерений германского руководства.

Очевидное ужесточение позиции Третьего рейха в отношении Венгрии и открытое германское неодобрение масштабов венгерских требований к Румынии стало ясным, когда посол в категорической форме констатировал, что о передаче всей Трансильвании Венгрии не может идти и речи. В Берлине к этому времени сложилось свое представление об основных принципах урегулирования трансильванского вопроса, главным из которых был обмен населением, а не присоединение всей или большей части края к Венгрии. Немецкий план исходил из того, что венгерское население, проживавшее в отдаленных от венгерской границы районах Румынии, должно быть переселено поближе к границе с Венгрией с некоторыми несущественными исправлениями границы в ее пользу.

На основании информации, поступающей по разным каналам к представителям СССР о результатах июльских совещаний у фюрера, в Москве постепенно складывалось впечатление, что намечавшееся державами «оси» решение спора по Трансильвании «будет не в пользу Венгрии». На Гитлера «произвело определенное впечатление, когда румыны показали старую этнографическую карту». Рассказавший об этом эпизоде Фабрициус, германский посол в Бухаресте, высказывая как бы свое личное мнение, заявил Лаврентьеву, что «поддерживает позицию Румынии урегулировать румыно-венгерские отношения уступкой (Венгрии. — *Авт.*) небольшой пограничной полосы и переселением туда 450 тысяч венгров»⁶⁰.

И реакция фюрера была в данном случае вполне естественной. Никакая этнографическая карта, как бы она тенденциозна ни была (причем в любую сторону!), не могла скрыть того факта, что между трианонской границей Венгрии и «землей секеев», расположенной далеко от нее на юго-востоке и примыкавшей вплотную к Валахии и Молдове, лежала широкая полоса населенных румынским большинством трансильванских земель. Не учитывалось при этом наличие, помимо безусловно важного этнического фактора, фактора исторического, осложнявшего арифметическую простоту численного соотношения двух народов края, и их куда более сложным географическим расположением, создавшимся по воле истории. И эту «ошибку истории» собирались исправить люди, которые задумали установить в Европе «новый порядок». «Урегулировать» подобным образом румыно-венгерские отношения по румынскому рецепту и с благоволения имперской канцелярии Гитлера было весьма проблематично, поскольку этот рецепт оставлял под господством Румынии большинство венгерского населения Трансильвании. Он был абсолютно неприемлем для Венгрии, с позицией которой в 1940 г. приходилось считаться и самому фюреру.

К тому же налицо было по меньшей мере совпадение интересов Москвы и Будапешта в румынском вопросе, а в известной мере также и в их отношении к Германии. Немцев не могло не беспокоить то обстоятельство, что обе страны подчеркнуто демонстрировали согласие почти что на уровне, близком к «сердечному». А слухи были того крепче. В начале августа, например, в Будапеште было много разговоров о том, что Советский Союз, «наладив сейчас хорошие отношения с Венгрией, толкает Венгрию против Румынии, с тем, чтобы при войне Венгрии с Румынией получить себе еще какие-нибудь территории от Румынии»⁶¹.

Документальных доказательств тому, что рассказывал югославский посланник в Венгрии С. Рашич советскому полпреду Н. Шаронову, аккуратно излагая эти слухи, нет и сегодня. Но напряженность во взаимоотношениях СССР с Румынией с одной стороны, и близость его с Венгрией — с другой, ни для кого уже не являлась секретом. Таким образом, Берлин имел дополнительное основание торопиться с решением трансильванского вопроса. Справедливости ради отметим, что и германская сторона оказалась перед отнюдь не легким выбором — решить головоломнейший ребус без чересчур чувствительного ущемления вовлеченных в конфликт сторон и не оттолкнуть при этом от себя ни одну из них. Сравнительно легко и довольно быстро разрешилась болгаро-румынская тяжба, и при этом «важнейшую роль сыграло именно то, — писал полпред Лаврентьев из Бухареста, — что Германия решительно предложила Румынии уступить Болгарии Южную Добруджу»⁶².

Гитлер, однако, никак не мог, да и не хотел, столь же «решительно предложить» той же Румынии, лишившейся не без его помощи Бессарабии и части Буковины, отдать вдобавок еще и жемчужину румынской короны — Трансильванию. Это было бы слишком даже для фюрера, имевшего к тому же особые виды на Румынию в связи с грядущей агрессией на востоке. По мере развертывания румынского кризиса все отчетливей стали вырисовываться контуры нацистского плана дипломатической подготовки войны против России. Как писал в Москву советский полпред в Бухаресте Лаврентьев, преподнеся в «дар» Болгарии Южную Добруджу, Германия «хотела „онемечить“ болгарское общественное мнение и ослабить симпатии болгарского народа к Сов[етскому] Союзу»⁶³. Еще более категорично были сформулированы им оценки румынской политики Берлина. Перечисляя цели, которые ставила перед собой Германия, «вставая на сторону Румынии в вопросе венгерских притязаний», Лаврентьев отмечал намерение «сохранить румынское государство как более мощное государство, рассматривая его как *возможный плацдарм против Сов[етского] Союза* и как плацдарм для дальнейшего проникновения на Балканы»⁶⁴. В донесении отмечалась также бурная германская активность в самых различных сферах жизни Румынии, от экономики до идеологии и культуры, прогерманская позиция румынских газет и т. п. «Румынская политика по отношению к СССР, — констатировал посланник, — будет исходить: а) из общей политики стран „оси“ по отношению к Сов[етскому] Союзу; б) из некоторой боязни, как бы Советский Союз не захотел использовать те осложнения, которые

могут появиться между Румынией и Венгрией при разрешении территориального спора...»⁶⁵.

Под нараставшим германским нажимом в первой половине августа 1940 г. между румынами и венграми состоялись первые контакты. Сразу же выявилась принципиальная несовместимость исходных позиций сторон. Румынскому предложению принять за основу будущих переговоров обмен населением Венгрия противопоставила территориальный принцип как кардинальный метод решения спорных вопросов. Венгры не скрывали, что они будут добиваться всей Трансильвании, а если не удастся, обширных территориальных уступок, «после которых можно будет говорить об обмене населением». Румыны, напротив, соглашаясь на незначительные исправления границы на северо-западе, в районе города Арад, упор делали на обмен населением. Давая оценку ситуации в письме Молотову, советский полпред в Бухаресте с полным основанием предсказывал «большие трудности» в предстоящих переговорах. «Как видно, — доносил он Молотову, — расхождения на сегодняшний день настолько велики, что можно сомневаться в благоприятном исходе этих переговоров»⁶⁶.

Так оно и случилось. Немцам хотя и удалось посадить двух своих непримиримых союзников за стол переговоров, проходивших в румынском городе Турну-Северин с 16 по 24 августа 1940 г., но большего добиться им не удалось. Примирие не состоялось. Уже сам состав венгерской делегации, в которую помимо руководителя делегации дипломата А. Хори входило в основном высшее армейское руководство Венгрии (начальник оперативной группы венгерского Генштаба генерал Надай, начальник II Отдела Генштаба полковник Уйсаси и др.), по мнению советского полпреда в Венгрии Шаронова, не давал возможности «говорить о серьезной уверенности у венгров договориться мирным путем». В письме к замнаркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову 17 августа 1940 г. полпред подтверждал свое сомнение в благоприятном исходе переговоров. Причины очевидны. Мадыяры хотели слишком многого — возвращения всей Трансильвании. Румынская делегация, которую возглавлял трансильванец В. Поп, на это пойти не могла. Румыния, избавленная благодаря уступке Южной Добруджи Болгарии от угрозы борьбы сразу на два фронта и имея за спиной мощную, как ей казалось, поддержку Германии, на двусторонних переговорах в Турну-Северине чувствовала себя достаточно уверенно. Румынская позиция также не давала надежд на компромиссное решение территориального спора. Венгры занервничали. «Чрезвычайно большую подозрительность и возмущение вызывает у

венгров тактика Румынии, — писал полпред Шаронов в Москву 17 августа, — направленная, как понимается здесь, к тому, чтобы, удовлетворив Болгарию Южной Добруджей, оставить только одного противника — Венгрию, имея в этом случае в перспективе или только один фронт, или новую затяжку в разрешении конфликта до окончания войны на Западе»⁶⁷.

Переговоры зашли в тупик. Венгры заявили, что их дискриминируют. Как отмечал впоследствии тогдашний министр иностранных дел Румынии М. Манойлеску, венгры требовали, чтобы «мы отдали им всю Трансильванию, так же, как мы отдали СССР всю Бессарабию»⁶⁸. Площадь же уступаемых Румынией Венгрии территорий не превышала одной десятой венгерских территориальных претензий и представляла собой узкую пограничную полосу. Переговоры по инициативе венгерской стороны временно были прерваны. Делегации разъехались для консультаций со своими правительствами. Следующая встреча должна была состояться после ознакомления каждого из правительств с позицией партнера по переговорам⁶⁹.

Во время вынужденной паузы каждая из сторон пыталась заручиться поддержкой Германии. В свою очередь, Германия, так же как и Италия, все же стала склоняться к поддержке требования Венгрии, чтобы не доводить дело до военного конфликта. 18 августа 1940 г. министр иностранных дел Венгрии И. Чаки получил от венгерского посланника в Берлине шифротелеграмму о том, что Румынии под нажимом Германии не останется ничего другого, как пойти на уступки Венгрии. Поэтому Чаки рекомендовал главе венгерской делегации А. Хори вести в Турну-Северине переговоры об обмене населения лишь после того, как будет достигнуто соглашение о новой линии границы⁷⁰. Однако дальнейшие переговоры, начавшиеся 19 августа, также ни к каким результатам не привели. 25 августа было опубликовано коммюнике, представленное венгерской и румынской делегациями средствам массовой информации, о ходе переговоров в Турну-Северине. В нем говорилось: «Ввиду того, что было невозможно найти общую базу для соглашения, переговоры по просьбе венгерской стороны считаются закрытыми»⁷¹.

Буквально на следующий день после того как делегации разъехались, правительство Венгрии вновь обратилось за помощью к Москве. Помимо просьбы о продаже советских военных самолетов, Будапешт добивался от советского правительства обязательства не выводить войск из приграничной с Румынией зоны с тем, чтобы Румыния не могла перебросить свои войска на северо-запад против Венгрии.

Вразумительного и обязывающего ответа от Молотова посольству Венгрии получить не удалось. Несмотря на это разочарование, приготовления к походу в Трансильванию не были прекращены: под ружье были поставлены еще три армейских корпуса, получившие боевой приказ быть готовыми к выступлению 29 августа. Однако допустить войну между своими союзниками старшие партнеры, Германия и Италия, не могли ни при каких обстоятельствах. Фюрер очень торопился: готовилась расправа с Югославией, а времени на уговаривание заупрямившихся румын и венгров не оставалось. Трансильванский узел надо было разрубить как можно скорее. Время дипломатии кончилось, наступило время диктата. Прикрытием ему должен был служить третейский суд — арбитраж, форма удобная и однажды уже успешно испробованная. Местом его проведения была избрана все та же Вена. В роли арбитров выступали министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и его итальянский коллега Г. Чиано.

То, что происходило в Вене в эти два дня (29–30 августа), мало чем напоминало арбитраж в обычном понимании, ибо там не было никаких переговоров, а был ничем не прикрытый диктат. Самозванные арбитры Риббентроп и Чиано нагло и бесцеремонно вели себя со своим румынским коллегой М. Манойлеску, который толком и не представлял, зачем он, собственно, вызван. Известно было ему лишь то, что разговор пойдет о трансильванских делах. И больше ничего. Во дворце Бельведер М. Манойлеску был проинформирован, что ему предстоит подать ходатайство об арбитраже для решения спора вокруг Трансильвании. Едва он успел выполнить предписания хозяев, как на столе появилась карта, разделившая Трансильванию на два куска линией, вонзившейся в самое сердце Карпат.

Необходимо отметить, что в период подготовки и проведения Венского арбитража Германия отлично разыграла «русскую карту».

Летом 1940 г., когда вопрос о принадлежности Трансильвании стал под нажимом держав «оси» предметом международного торга, произошло новое резкое ухудшение советско-румынских отношений. Как никогда ранее — т. е. даже накануне советского ультиматума относительно Бессарабии — участились пограничные инциденты между СССР и Румынией: обстрелы военных постов и населенных пунктов, облет военными самолетами приграничных районов и т. д. Эти явно провокационные действия, как писала газета «Правда» от 9 сентября, были «использованы для распространения ложных слухов о том якобы, что СССР готовит нападение на Румынию, что Румынии угрожает военный разгром, а посему единственный-де способ спасе-

ния для Румынии — отдать часть Трансильвании и получить гарантии от держав „оси“»⁷². В свою очередь, Венгрия готовила план войны против Румынии в расчете на советско-румынский конфликт⁷³, ибо для всех, кто имел хоть малейшее представление о соотношении сил двух конфликтовавших стран, было очевидно, что одна Венгрия не в состоянии учинить Румынии «военный разгром», а в дипломатических кругах как непосредственно заинтересованных стран, так и заинтересованных косвенно, например Турции, этот разгром упорно связывали с одновременным совместным ударом по Румынии трех соседей — СССР, Венгрии и Болгарии. На этом фоне немцы продолжали настойчиво шантажировать румын угрозой нового советского нападения. «Довод, будто бы русские готовы вступить в Молдавию, — писал позже бывший румынский посол в Москве Гафенку, — сыграл через несколько дней в Вене важную роль...»⁷⁴.

В дипломатическом корпусе в Москве поговаривали даже, что «Советы, не колеблясь, согласились содействовать успеху арбитража, угрожая румынам опасностью русского вторжения, чтобы ослабить их сопротивление»⁷⁵. Эта версия ничем не подкрепляется, тем более что, как видно из документов, советская сторона не была осведомлена о предстоящем арбитраже в Вене⁷⁶. Но объективно советское поведение оказалось далеко не последним аргументом, склонившим Бухарест к уступкам. 29 августа, в день прибытия Манойлеску в Вену, в Москве румынский посол Г. Гафенку в три часа пополудни попросил аудиенции у замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозова, но получил категорический отказ. Однако вечером того же дня уже сам Деканозов пригласил посла в НКВД, причем буквально заставил его явиться уже в полночь, а по прибытии вручил вербальную ноту угрожающего содержания по поводу пограничных нарушений, спровоцированных, по мнению НКВД, румынской стороной⁷⁷. Инцидентов было множество и в предшествующие недели и месяцы, но они не становились поводом для столь энергичного демарша. Трудно сказать, что было причиной советского решения действовать именно таким образом, но в результате в ночь с 29 на 30 августа, когда Коронный совет в Бухаресте решал трансильванский вопрос («за» проголосовало 19 членов Коронного совета, «против» — 10, и 1 воздержался), премьер Джигурту сообщил присутствующим со ссылкой на информацию из Берлина, что в случае отклонения арбитражного германо-итальянского ультиматума Румыния подвергнется нападению со стороны Венгрии и СССР⁷⁸. Получив положительный ответ румынского правительства, Риббентроп и Чиано заявили, что Германия

и Италия начиная с 30 августа 1940 г. гарантируют неприкосновенность границ румынского государства, о чем было объявлено в совместно обнародованной 31 августа 1940 г. декларации Гитлера и Муссолини.

Именно эти германские гарантии территориальной целостности Румынии, как видно из заявления Молотова послу Шуленбургу 31 августа 1940 г. о нарушении договора о ненападении от 23 августа 1939 г., предусматривавшего консультации в вопросах, интересующих обе стороны, а также из его ноябрьской перепалки в Берлине с Гитлером, всего большее задела Москву, а отнюдь не вынужденная уступка Румынией части Трансильвании или ущемление ее государственного суверенитета.

Венский арбитраж Гитлер и Муссолини провели, проигнорировав Советский Союз. И это больно задело самолюбие Сталина. Но он также ударил и по престижу СССР среди малых стран Европы.

Как отмечал, описывая позже эту историю, Гафенку, гарантии означали, «что от линии Прута и Нижнего Дуная, где остановилась Россия, начиналась зона германского влияния, в которой никакое постороннее влияние не может быть терпимо. Именно таким образом гарантия была истолкована в Москве»⁷⁹.

Венское решение, принятое фактически за спиной СССР, явилось неожиданностью для Кремля. Активную роль Гитлера в разрешении румыно-венгерского конфликта и сам характер арбитражного решения в Вене в Москве расценили как шаг к осуществлению германских «планов продвижения к Черному морю и к проливам», «к полному подчинению стран Дунайского бассейна германскому влиянию»⁸⁰.

Еще больше встревожила советских руководителей конфиденциальная информация о перевооружении румынской армии, а также о приглашении правительством И. Антонеску в страну военных инструкторов для переобучения армии и фактически вступления на территорию Румынии германских войск. После некоторых раздумий советские дипломаты в Бухаресте пришли к заключению, что причиной непонятных тогда шагов румын является не иначе как «обещание со стороны Италии и Германии, что после перевооружения румынской армии с помощью держав „оси“, Германия и Италия приложат все силы к тому, чтобы вернуть Румынии утраченные области»⁸¹, т. е. Бессарабию и Северную Буковину.

Венский арбитраж также показал, что произошли очевидные изменения в советско-германских отношениях. К осени 1940 г. можно было констатировать, что Германия откровенно стала игнорировать

договоренности, подписанные с СССР в августе 1939 г. (пакт Молотова — Риббентропа) и обязательства, зафиксированные по секретному приложению к пакту. Хотя договор включал статью о взаимных консультациях между Германией и СССР по вопросам, затрагивающим интересы обеих стран, Венский арбитраж был проведен без ведома советских руководителей, за их спиной. Об этом в достаточно жесткой форме заявил 31 августа 1940 г. Молотов в беседе с Шуленбургом: «Германское правительство нарушило эту статью, не проконсультировавшись с советским правительством в вопросе, который не может не затрагивать интересы СССР, т. к. дело идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах. Между тем вопреки договору Германское правительство не консультировалось по этому вопросу с Советским правительством, а только поставило его в известность о свершившихся фактах, т. е. ограничилось последующей информацией»⁸². Оправдываясь, Шуленбург ответил, что, «по его мнению, отсутствие консультации с СССР в данном вопросе может быть объяснено только большой поспешностью в его решении»⁸³. Посол лукавил. Безусловно, причина крылась не в спешке, в которой был проведен Венский арбитраж. Просто к этому времени Германия перестала считаться с советским руководством. Произошло существенное изменение баланса сил в Юго-Восточной Европе в ее пользу. Германия уверенно расширяла свой контроль над восточноевропейскими странами, в то время как попытки Советского Союза усилить свое влияние в регионе не приносили существенных результатов.

Но вернемся ненадолго к поведению кремлевских вождей. Они были глубоко расстроены, обижены, даже оскорблены. Не тем, что терзали, кромсали, разрывали на куски соседнюю страну (ведь и Болгария получила «свою» Южную Добруджу), а тем, что Адольф Гитлер творил все это безобразие за спиной Иосифа Виссарионовича, вопреки существовавшей практике и соответствующим договорным обязательствам о предварительных взаимных консультациях, вопреки тому, что Восточная Европа была признана сферой преимущественных советских интересов. Наркоминдел решил даже изобразить нечто вроде протеста против нелояльного поступка Берлина. Задето было не только самолюбие СССР, которое до сих пор Германия старалась как-то щадить. Но это еще полбеды. Случилось нечто большее. Ущемленными оказались его «законные» геополитические интересы. Не утрата Румынией ее северных территорий взволновала Москву, а открытое, явное установление германского господства в соседней стране.

Опять-таки Молотов был встревожен не фактом грубого расчленения Румынии, а гарантиями ее территориальной целостности. К чему бы это, если Москва, действительно, удовлетворилась присоединением Бессарабии и Южной Буковины и никаких видов на другие земли румын не имела?

«Зачем вы дали эту гарантию? — наивно вопрошал нарком иностранных дел, обращаясь к послу Германии. — Вы были, однако, предупреждены, что мы не собираемся напасть на Румынию»⁸⁴. Граф превосходно парировал. Его ответ был на грани издевательства над старшим по чину собеседником: «Именно поэтому мы и дали эту гарантию! Вы нам много раз говорили, что у вас больше нет никаких претензий к этой стране, наша гарантия, следовательно, не могла вас ни в чем стеснять». Однако руководитель советской дипломатии вновь и вновь возвращался к своему вопросу. В ноябре 1940 г. в Берлине он задал его Гитлеру, в декабре того же года и итальянскому послу⁸⁵.

Бывший посол Румынии в СССР Г. Гафенку в своей книге «Предыстория войны на Востоке», опубликованной в 1944 г., в главе V — «Визит Молотова в Берлин», пересказывает версию Адольфа Гитлера о его переговорах с Молотовым в Берлине в ноябре 1940 г., изложенную им в день начала войны с СССР 22 июня 1941 г.:

«Первый вопрос Молотова: Направлены ли гарантии, данные Германией Румынии, против СССР в случае нападения СССР на Румынию?

Ответ: Гарантии, данные нами, имеют общий характер и обязывают нас без каких-либо условий. Однако Россия никогда не заявляла нам о каких-либо претензиях к Румынии, помимо Бессарабии. Оккупация Северной Буковины уже явилась нарушением этих гарантий. Но я не думал, что Россия питает еще и другие намерения по отношению к Румынии».

Сам автор книги, носящей мемуарный характер, неоднократно высказывает убеждение в том, что главной целью пресловутых гарантий была решимость Германии не пустить Россию за Дунай, закрыть ей дорогу на Балканы, к Проливам.

Проницательный Гафенку проявляет обоснованный скептицизм в отношении достоверности вышеизложенного, считая «маловероятным», чтобы Молотов, «человек осторожный и молчаливый, пошел на такую откровенность со столь опасным партнером», хотя и не сомневается в том, что вопрос был поставлен наркомом, но в менее резкой форме⁸⁶.

Согласно арбитражному решению, к Венгрии отошли северная и северо-восточная части Трансильвании общей площадью в 43 тыс. км с населением 2 млн 577 тыс. человек, из которых более 1 млн — румыны⁸⁷. Почти полмиллиона венгров остались в южной Трансильвании, т. е. в Румынии, что подчеркивало практическую невозможность совмещения этнических границ с государственными в условиях столь сильной чересполосицы расселения.

В справке «Румыно-венгерские противоречия», подготовленной экспертами советского НКВД в 1942 г., справедливо подчеркнуто: «Достоверных данных о национальном составе этой части Трансильвании (т. е. Северной. — *Авт.*) не имеется». Следуя их примеру, приведем данные двух переписей: румынской 1930 г. и венгерской 1910 г. На землях, отошедших к Венгрии, согласно румынской переписи, лишь 42% населения составляли мадьяры, по венгерской же — свыше 51%⁸⁸. Весьма трудно пытаться установить в подобных спорах истину. Важно то, что под иноземным игом оказались сотни тысяч румын и мадьяр, а проводившаяся обоими государствами дискриминация по национальному признаку приняла ввиду ожесточения отношений чудовищный размах и безобразные формы. Настолько, что началось повальное бегство румын из Венгрии, мадьяр из Румынии. Не могло быть и речи в этих условиях о каком бы то ни было восстановлении поправленных прав или исторической справедливости. По оценке экспертов НКВД СССР, новая граница с легкой руки арбитров «преднамеренно и с явным умыслом» была проведена таким образом, делала неизбежными будущие трения и конфликты: отделение городов от пригородов, разрыв железнодорожных линий и шоссежных дорог, раздел частных владений, очутившихся по обеим сторонам границы и невозможность их обработки в силу установленного жесткого пограничного режима и т. д.⁸⁹. Поразительно, что ущемленной и обиженной считала себя не только Румыния, лишившаяся солидного куска территории с жизненно важными для ее народного хозяйства источниками минерального сырья, но и Венгрия, получившая эти территории. К ней отошли главным образом аграрные районы, а высокоразвитые индустриальные зоны Южной Трансильвании и Баната Гитлер оставил в Румынии, дабы сохранить венгерскую зависимость от германской промышленности.

В чистом выигрыше от всего этого оказалась одна нацистская Германия, сумевшая довольно ловко и прочно привязать к себе обе страны. Непосредственным следствием явилось поправление румынской политики, смена режима, приход к власти прогерманского пра-

вительства генерала И. Антонеску, вскоре ставшего маршалом, отречение короля Кароля и возведение на престол его юного сына Михая, а затем и втягивание Румынии в антисоветскую войну.

После арбитража венгерская дипломатия удвоила свои усилия по вовлечению Советского Союза в конфликт с Румынией, чтобы с его помощью заполучить остальную часть Трансильвании. В печати и среди иностранных дипломатов, аккредитованных в Будапеште, систематически и целенаправленно распространялись слухи о готовящемся якобы захвате румынской Молдовы и Южной Буковины Советским Союзом⁹⁰.

Справедливости ради отметим, что не советские интриги были тому причиной, а неудовлетворенность Венгрии достигнутыми результатами. 28 апреля 1941 г. Советский полпред в Будапеште со слов посланника Турции Юнайдына, информировавшего Шаронова о встрече Риббентропа и Чиано, сообщил буквально следующее: «...предполагается полный раздел Румынии с тем, что нам (т.е. СССР. — *Авт.*) будет предложена половина Молдавии, вторая половина которой будет передана Венгрии»⁹¹. Ясно, что в данном конкретном случае речь шла о замыслах немцев, а не СССР, ибо в Берлине и Риме как раз в эти дни в апреле–мае рассматривался вопрос о созыве новой конференции в Вене. Этот третий Венский арбитраж должен был удовлетворить в первую очередь венгерские притязания на части территорий Югославии и Румынии — Бачку и Банат, а также Южную Трансильванию. Возможно, что при таком варианте Берлин должен был чем-то компенсировать и Москву. Отсюда — один из возможных источников слухов о разделе Румынии, которые усиленно муссировались германской дипломатией. Так, согласно информации, поступившей из берлинского МИД в начале мая, шла речь о «разделении Румынии и прекращении существования ее как государства» с передачей «половины Молдавии и части Румынии Советскому Союзу, второй половины Молдавии — венграм...»⁹².

Сегодня из-за недоступности решающей важности материалов исследователи не имеют, к сожалению, возможности высказать определенное суждение о планах и намерениях высшего советского руководства в отношении Румынии весной и в начале лета 1941 г. Однако известно, что полпред СССР в Венгрии не пресекал этих разговоров, более того, создается впечатление, что он весьма внимательно и охотно их выслушивал, проявлял явную заинтересованность и тотчас же, конечно, направлял полученную информацию в Москву. Шаронов задавал своим собеседникам, политическим деятелям Венгрии,

разные «наводящие» и уточняющие вопросы. Среди этих собеседников был и эрцгерцог Альбрехт (Габсбург), в 20-х гг. претендент на Святую венгерскую корону, в 40-х — член верхней палаты парламента, вхожий к регенту адмиралу Хорти. Установившиеся между эрцгерцогом и советским дипломатом отношения характеризует и такая «мелочь»: в мае 1941 г. из Москвы Альбрехту была доставлена папехская шкатулка и... семена хлопка. Ничего не попишешь — семейная традиция — разведением хлопчатника в Венгрии (в Банате, где Альбрехт владел поместьями) занималась еще Мария Терезия в XVIII в. Нас, говорил посланнику благодарный за подарки Габсбург, «очень интересует достижение соглашения между Советским Союзом и Венгрией относительно Румынии»⁹³. Мадырам хотелось повторения весной 1941 г. того, что произошло летом 1940 г. после советского ультиматума Бухаресту⁹⁴. В беседе с двумя влиятельными политиками на «уточняющий» вопрос советского дипломата, «действительно ли они думают о повторении того положения, когда Венгрия смогла поставить вопрос о Трансильвании только после возвращения Бессарабии Советскому Союзу, оба они заявили, что это как раз то, что они ожидают от нас». Один из них пошел еще дальше. Венгры ожидают, добавил он, «в самом ближайшем будущем продвижения Советского Союза в Румынию и Иран»⁹⁵.

Весь трагизм ситуации для СССР заключался в данном случае в том, что в действительности он продолжал блефовать, не собираясь реализовывать угрозу, но блефовал, как вскоре выяснилось, против своих интересов, в пользу соперника.

Только приблизительно за три недели до начала Великой Отечественной войны в Москве решили положить конец рискованному «беседам» своего представителя в Венгрии. Как, каким образом, по чьей инициативе и, главное, по какой причине это произошло, мы пока не беремся судить, не имея на руках необходимых документов. Знаем мы только, что Шаронову было «указано» на «его грубую ошибку» за то, что «вместо самого энергичного опровержения подобных измышлений, (он. — *Авт.*) ограничивается в таких случаях молчанием или такими заявлениями, которые могут быть расценены как одобрение планов раздела Румынии»⁹⁶. Формальное предложение Отдела Балканских стран МИД «указать тов. Шаронову» было сделано в 10-х числах июня. Но в документах, открытых ныне для исследователей, есть донесение посланника, непосредственно адресованное Молотову. Датировано оно 28 мая 1941 г. и касается «слухов о переговорах Венгрии с СССР» о разделе Румынии. Излагается два варианта: «По-

первому мы должны были бы получить Молдавию и часть Румынии к югу от острия венгерского клина, т. е. включая Бухарест. По второму, более позднему варианту, мы должны получить Молдавию, а Венгрия в этом случае получит югославский Банат»⁹⁷. Отпадает тем самым наивное предположение, что исполнительный и законопослушный чиновник внешнеполитического ведомства действовал на свой собственный страх и риск. Объяснение надо, видимо, искать, выходя за рамки двусторонних отношений СССР с Венгрией или Румынией. Все, что происходило в 40-х гг. XX в. в восточной части Европы, было производным от взаимоотношений двух держав — Германии и Советского Союза. Последний, во всяком случае, ничего не мог предпринимать в отношении своих соседей без соглашения с Берлином, уже успевшего полностью включить Румынию в свою орбиту и даже разместить там свои вооруженные силы. Менее чем за две недели до начала советско-германской войны руководство СССР вполне отчетливо сознавало, что время взаимодействия и сотрудничества по разделу третьих стран прошло безвозвратно.

Мадьяры, также наслышанные о подготовке гитлеровского нападения на СССР, с поразительной наивностью продолжали лелеять мечты о возвращении всей Трансильвании с помощью Советского Союза. 22 июня 1941 г. разбило их надежды вдребезги. Оставалось надеяться только на помощь Германии.

Трансильвания и после Венского арбитража продолжала оставаться «яблоком раздора» в румынско-венгерских отношениях. Каждая из сторон надеялась в недалеком будущем решить территориальный спор с выгодой для себя. Гитлер, в свою очередь, делал многообещающие намеки как правительству Румынии, так и Венгрии на возможность приращения территорий каждой из стран, в том числе за счет дальнейшей перекройки Трансильвании, требуя взамен верности Третьему рейху.

Венский арбитраж также показал, что произошли очевидные изменения в советско-германских отношениях. К осени 1940 г. можно было констатировать, что Берлин откровенно стал игнорировать договоренности с СССР, зафиксированные в августе 1939 г. в пакте Молотова — Риббентропа. Германия уверенно расширяла свой контроль над балканскими странами, а попытки Советского Союза усилить свое влияние в регионе не приносили существенных результатов.

Введение в октябре 1940 г. германских войск в Румынию, гарантии, предоставленные ей Гитлером, создали не только барьер на пути

продвижения СССР на Балканы, но и существенно изменили баланс сил в Юго-Восточной Европе в пользу Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hoijer O. Le Pacte de la Société des Nations. Paris, 1926. P. 330.

² См.: Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С. 27–31.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558 (фонд И.В. Сталина). 1940. Оп. 11. Д. 247. Док. 1. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же.

⁷ Politikai Tudomány Intézet. F. 685. 1939. VIII.12; *Jungerth Arnothy M.* Moszkvai Naplója. 1989. 101. old.

⁸ Gyula J. The Second Vienna Reward // «Külpolitika» Hungary and the World. Budapest, 1987. 120–130. old.

⁹ Hoijer O. Op. cit. P. 330.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 19. Из дневника В.Г. Деканозова. 21 марта 1940 г.

¹² Там же. Л. 26.

¹³ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 3. Л. 8–10.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 105. Д. 13. Л. 43.

¹⁵ Известия. 30 марта 1940 г.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 273. Л. 19. Полпред СССР в Бухаресте А.И. Лаврентьев — В.М. Молотову. 30 июня 1940 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 324.

¹⁹ Документы внешней политики (Далее — ДВП). М., 1995. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. С. 364.

²⁰ Там же. С. 365.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 365–366.

²³ Там же. С. 366.

²⁴ Там же. С. 365.

²⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 69, 72.

²⁶ Там же. Л. 78.

- 27 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 224. С. 373.
- 28 Там же. Док. 225. С. 374.
- 29 Там же. С. 374–375.
- 30 Там же. С. 376.
- 31 Там же.
- 32 *Dobrinescu V.F. Bătălia pentru Basarabia. Iași, 1991. P. 257.*
- 33 См.: Бесарабия на перекрестке европейской дипломатии... С. 359–361.
- 34 *Deletant D. The Molotov-Ribbentrop Pact and its Consequences for Basarabia: some Considerations on the Human Rights implications // Revue Roumaine d'histoire. București, 1991. Т. XXX. № 3–4. P. 223.*
- 35 *Покувайлова Т.А. К истории Второго Венского арбитража // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941). М., 1992. С. 64.*
- 36 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 244. С. 409.
- 37 Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М., 2000. Док. 35. С. 117.
- 38 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Д. 251. С. 415.
- 39 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 279. Л. 54; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 370. С. 590.
- 40 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 69.
- 41 Там же. Л. 77.
- 42 Там же. Л. 79. Запись в дневнике Шаронова сделана 25 июня 1940 г. со слов посланника Словакии.
- 43 Только ближе к середине июля состоялось вручение верительных грамот посланником Югославии в Москве М. Гавриловичем. См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 257. С. 426.
- 44 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 251. С. 415.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 415–416.
- 47 Текст договора см.: Там же. Док. 354. С. 554–560.
- 48 Там же. Док. 252. С. 417. Об этом сообщил Шаронову Чаки в беседах с советским полпредом 6–8 июля 1940 г.
- 49 Там же.
- 50 Там же. С. 417–418. Совещание руководителей Германии, Италии и Венгрии состоялось 10 июля 1940 г. в Мюнхене.
- 51 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 256. С. 423–424.
- 52 Там же. С. 424.
- 53 Там же. Док. 269. С. 438.
- 54 Там же. Док. 273. С. 443–444.
- 55 Там же. Док. 269. С. 438.

⁵⁶ Между тем болгары с завистью взирали, как за мадьярами ухаживали Рим — Берлин и Москва, по-своему, разумеется. Посланник Болгарии в Бухаресте Чокмаков жаловался полпреду СССР, что вопрос о «возвращении Добруджи» пока не сдвинулся с места, в то время как мадьяры получили некоторые заверения со стороны Германии о возвращении Венгрии части Трансильвании после окончания англо-германской войны. См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 256. С. 424.

⁵⁷ Там же. Док. 263. С. 433. Телеграмма полпреда СССР в Германии Л.Л. Шкварцева 12 июля 1940 г.

⁵⁸ Там же. Док. 265. С. 435. Телеграмма Шкварцева 13 июля 1940 г.

⁵⁹ Там же. Док. 291. С. 467.

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 26.

⁶¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 304. С. 478. Беседа Шаронова с посланником Югославии в Венгрии С. Рашичем 6 августа 1940 г.

⁶² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 26.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 27.

⁶⁵ Там же. Л. 29.

⁶⁶ Там же. С. 518.

⁶⁷ Там же. С. 519.

⁶⁸ *Manoilescu M.* Dictatul de la Viena. Memorii (iulie — august 1940). București, 1991. P. 159.

⁶⁹ См. *Пушкаш А.И.* Венгрия и ее балканские соседи (август 1940 — апрель 1941 г.) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941). С. 73.

⁷⁰ Там же. С. 74.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 22. П. 20. Д. 35. Л. 155.

⁷² Правда. 9 сентября 1940 г.

⁷³ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 74.

⁷⁴ *Gafenco G.* Préliminaires de la guerre à l'Est. De l'accord de Moscou (23 août 1939) aux hostilités en Russie (22 juin 1941). Paris, 1944. P. 77.

⁷⁵ Ibid. P. 78–79.

⁷⁶ См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 546–547; Док. 394. С. 615–616, 618, 620; Кн. 2. (Ч. 1). Док. 511. С. 65, 69, 70; Док. 512. С. 76, 77; Док. 625. С. 264, 265; Док. 655. С. 364.

⁷⁷ *Gafenco G.* Op. cit. P. 78.

⁷⁸ *Minoilescu M.* Op. cit. P. 228–229; АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 22. П. 20. Д. 35. Л. 75, 129; Ф. 6. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 31.

⁷⁹ *Gafenco G.* Op. cit. P. 78.

⁸⁰ Так писал по свежим следам событий заведующий Ближневосточным

отделом МИД СССР Н.В. Новиков 2 сентября 1940 г. в донесении на имя заместителя наркома В.Г. Деканозова. Донесение было затем направлено Молотову. См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 275. Л. 5.

⁸¹ Там же.

⁸² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 546.

⁸³ Там же. С. 547.

⁸⁴ *Gafenco G.* Op. cit. P. 78.

⁸⁵ *Ibidem.*

⁸⁶ *Ibid.* P. 138–139.

⁸⁷ Краткая история Румынии. М., 1989. С. 365; Краткая история Венгрии. М., 1992. С. 402.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 21. 1941. Д. 5. Л. 33. Дневник посланника СССР в Венгрии Н.И. Шаронова. 28 апреля 1941 г.

⁸⁹ Там же. Л. 82.

⁹⁰ Там же. Ф. 125. Оп. 25. П. 23. Д. 35.

⁹¹ Там же. Ф. 077. Оп. 21. 1941. Д. 5. Л. 33. Дневник полпреда СССР в Венгрии Н.И. Шаронова. 28 апреля 1941 г.

⁹² Там же. Л. 45–46. См. также: Трансильванский вопрос... Док. 43. С. 154.

⁹³ Там же. Ф. 077. Оп. 21. 1941. Д. 5. Дневник Н.И. Шаронова. 20 мая 1941 г.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Л. 49. Дневник Н.И. Шаронова. 8 мая 1951 г. См. также: Трансильванский вопрос... Док. 43. С. 156.

⁹⁶ Там же. Д. 1. Л. 4.

⁹⁷ Там же. Л. 95.

**ВЕНГЕРО-РУМЫНСКИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР
И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ
(22 ИЮНЯ 1941 Г. — МАРТ 1945 Г.)**

В годы Второй мировой войны Венгрия и Румыния выступили на стороне гитлеровской Германии в качестве ее союзников, надеясь с помощью Третьего рейха решить спор из-за Трансильвании в свою пользу. Используя национально-территориальные противоречия между ними, Германия стремилась крепче привязать к себе обе страны, поочередно обещая каждой из них вознаградить их услуги кусками трансильванской земли. Не прошло и года после передачи Северной Трансильвании Венгрии, как в начале осени 1941 г. правительство в Бухаресте стало стучаться в двери высоких кабинетов в Берлине и Риме с просьбой пересмотреть вопрос о территориальной принадлежности Северной Трансильвании, настойчиво стремясь добиться признания прав Румынии на эту область. 15 сентября 1941 г. министр иностранных дел М. Антонеску дал указание посланникам в Берлине и Риме передать правительствам Германии и Италии отказ Румынии признать правомерность решений Венского арбитража. Спустя четыре месяца эта позиция была вновь повторена в заявлении И. Антонеску от 11 февраля 1942 г. От имени своего правительства он заявил: «Мы не признаем арбитраж окончательным»¹. Ради обладания всей Трансильванией Бухарест готов был пойти еще дальше и согласиться на предоставление Северной Трансильвании автономии в качестве первого шага к «реинтеграции» ее в состав Румынии.

В ноябре 1941 г. во время визита Иона Антонеску и его заместителя Михая Антонеску в Берлин они обратились лично к Гитлеру по этому вопросу. Эта тема постоянно присутствовала и в беседах румынского руководства с германским послом в Бухаресте Мартином фон Киллингером и советником Г. фон Штельцером².

Если в 1941 г. в решении трансильванского вопроса Бухарест все еще уповал на благосклонность Берлина, то Будапешту в реализации своих трансильванских планов неоткуда было ждать поддержки. Арбитр в споре, все тот же Гитлер, реальный вершитель судеб пол-Европы, не имел ни малейшего желания преподнести в подарок адмира-

лу Хорти еще и южную часть Трансильвании. Этой патовой для Венгрии ситуацией попыталась воспользоваться в своих целях Москва. Цель тогда, в канун нацистского нападения на СССР, была одна — удержать Венгрию от вступления в войну на стороне гитлеровской Германии. На другой день после начала советско-германской войны, 23 июня, Молотов пригласил к себе посла Венгрии и сделал ему важное заявление: «Советский Союз не имеет никаких проблем в отношениях с Венгрией и не имеет каких-либо к ней претензий». После этой принципиальной констатации Молотов многозначительно сказал: «Советский Союз не имеет ничего против расширения Венгрии за счет Румынии!»³. Этот неожиданный пассаж нельзя было истолковать иначе, как поощрение агрессии, продиктованное стремлением внести раскол в ряды германских союзников. Хортистская верхушка, загипнотизированная мощью германского оружия и его начальными успехами, сделала свой выбор, роковой для страны и народа. 23 июня Венгрия разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом, а 26-го объявила войну, воспользовавшись смехотворным предлогом — мнимой бомбардировкой советскими самолетами аэродрома венгерского города Кашша (Кошице). Этот ничтожный инцидент — ибо при желании он легко мог быть улажен дипломатическими средствами, даже если бы был установлен факт бомбардировки советской военной авиацией, — был использован фашистскими кругами Венгрии в качестве предлога для объявления войны Советскому Союзу⁴. В качестве «вещественного доказательства» власти могли предъявить лишь осколок авиационной бомбы с маркировкой — обратите внимание! — Путиловского завода, который давно уже носил название Кировского. Дело было явно сфабриковано, и потому не было проведено нормального расследования. Да и не до расследования было людям, подготовившим, выражаясь по-современному, «спецоперацию». Они очень спешили, им, как можно скорее, хотелось втянуть страну в войну. Ведь румыны вступили в войну против Советского Союза еще 22 июня 1941 г., опередив Будапешт на несколько дней! А злополучные бомбы были сброшены лишь утром 26 июня.

Начальник венгерского генштаба генерал Х. Верт буквально бомбардировал правительство и адмирала Хорти своими меморандумами еще до нападения Гитлера на СССР, в мае-июне, требуя, чтобы Венгрия немедленно присоединилась к готовившейся антисоветской агрессии. В противном случае, пугал генерал, она рискует лишиться всех своих территориальных приобретений, — а их было порядочно:

свыше 78 тыс. кв. км территории с населением более 5 млн, что увеличило общую численность населения с 9,3 млн в 1938 г. до 14,6 млн в 1941 г.⁵ Но этого было мало сторонникам политики реванша и радикальной ревизии Трианонского мирного договора 1920 г. Они добивались возвращения всех утраченных территорий, не считаясь со сложным полиэтничным составом этих территорий и правами населявших их народов, полагаясь полностью на силу и милость нацистской Германии. Демонстрируя верность державам «оси», писал Х. Верт, «мы гарантированно получим обратно всю территорию исторической Венгрии»⁶. Аргумент подействовал. К несчастью для страны и народа, венгерские «ястребы» одержали верх над представителями консервативного и умеренного крыла правящей элиты, тех, кто предлагал следовать выжидательной тактике покойного премьера графа Пала Телеки, покончившего с собой в знак протеста против вероломного нападения хортистской Венгрии на соседнюю Югославию. 27 июня венгерский парламент, аплодисментами встретивший насквозь лживое заявление Л. Бардошши, казненного впоследствии после войны как военного преступника, о «налете русской авиации» на аэродром в Кашше, с большим энтузиазмом утвердил роковое решение о войне. Премьер-министр скрыл от регента и собственного кабинета важное дружественное к Венгрии послание наркома иностранных дел СССР от 24 июня 1941 г., в котором от имени советского правительства по сути выражалось признание второго Венского арбитража. В послании Молотов подтвердил сказанное им накануне венгерскому послу — готовность СССР отнестись благожелательно к дальнейшим территориальным притязаниям Венгрии.

Зловещую роль во всей этой истории сыграл начальник генштаба Х. Верт, человек, тесно связанный с секретными службами нацистской Германии. К сказанному следует добавить наличие в высшем командном составе венгерской армии многочисленной прослойки пронацистски настроенных офицеров, среди которых было немало «своих», коренных немцев — *Volksdeutsche*. Они верой и правдой служили Великой Германии Адольфа Гитлера, а не своей венгерской родине, что не мешало им играть на патриотических чувствах масс, раздувать шовинистические настроения в венгерском обществе. Разумеется, ответственность за роковое решение, приведшее страну через четыре года к катастрофическому поражению, ложится на всю правящую элиту⁷.

Итак, война, в которую добровольно вступили оба сателлита гитлеровской Германии, снова поставила под вопрос право на обладание

Трансильванией, точнее, обеих ее частей, как оставшейся в Румынии южной, так и отошедшей к Венгрии северной. Отныне все зависело от великой, охватившей весь земной шар, схватки двух коалиций. В случае победы антигитлеровской коалиции решающее значение для всех стран, расположенных в Средней Европе и на Балканах, приобрело отношение к ним СССР, а также и то, как далеко распространится его влияние.

Первой из западных держав, признавшей приоритет Советского Союза в балканских делах, в частности в румынском вопросе, была Великобритания — наиболее заинтересованная в балканском регионе из стран антигитлеровской коалиции. Добавим: и наиболее искушенная в силу складывавшейся веками исторической традиции английской дипломатии в хитросплетениях «ближневосточного» вопроса. Ситуация вокруг балканской проблемы после нападения Германии на СССР, разумеется, изменилась, ибо Англии и Советскому Союзу, ставшими союзниками по антигитлеровской коалиции, отныне приходилось действовать согласованно и в решении балканских проблем. Однако не настолько, чтобы вовсе устранить существовавшие между Москвой и Лондоном противоречия на почве расхождения интересов по вопросу о будущей конфигурации политической карты Юго-Восточной Европы.

В декабре 1941 г. после полугодового раздумья правительство Великобритании решилось наконец предъявить Румынии, Венгрии и Финляндии ультимативное требование прекратить войну против СССР. Получив отказ, Англия объявила названным странам войну⁸. В Москве эти действия британского правительства были восприняты как шаг к углублению политического сотрудничества между двумя странами. Вашингтон, однако, не последовал примеру своего британского союзника.

Вообще надо сказать, что США в этот период вели себя крайне сдержанно, не проявляя особой заинтересованности — по крайней мере прямой политической — к делам, касавшимся Восточной Европы и Балкан. Не особенно стремились они и форсировать сближение и сотрудничество с Москвой, что не мешало госдепартаменту тщательно изучать европейские проблемы. От такой комфортной позиции пассивного созерцания европейской драмы с другого берега Атлантики Америке пришлось отказаться после объявления Германией войны США в декабре 1941 г. Станным образом и на этот раз в точности повторилась ситуация с вмешательством Североамериканской республики в европейский конфликт в 1917 г., когда поводом тому

послужила развернутая кайзеровской Германией подводная война на просторах Атлантического океана.

Отмеченная выше американская пассивность, вызванная в определенной мере традиционным изоляционизмом, но также и нежеланием преждевременно ввязаться в схватку, отнюдь не означала отсутствия заинтересованности в исходе гигантской битвы за Европу и тем более в послевоенном устройстве континента. Свою ангажированность в судьбах народов Европы США со всей очевидностью продемонстрировали в провозглашенной президентом Рузвельтом и премьером Черчиллем знаменитой Атлантической хартии в августе 1941 г. В ней, в частности, была зафиксирована важная принципиальная позиция обеих держав о непризнании ими территориальных изменений, «не находившихся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов»⁹. Это положение заранее ставило под сомнение легитимность обоих Венских арбитражей, включая и решения второго Венского арбитража о разделе Трансильвании и передаче Венгрии ее северной части.

В декабре 1941 г. в ходе переговоров в Москве британского министра иностранных дел Антони Идена с И.В. Сталиным последний дал понять, — судя по недавно опубликованным документам переговоров, — что своей сферой влияния считает весь регион Восточной и Центральной Европы, подчеркнув одновременно решимость СССР восстановить свои границы, установленные на момент нападения Германии на Советский Союз¹⁰.

В ходе переговоров по конкретным проблемам военного сотрудничества обсуждались также вопросы будущих границ стран региона, в первую очередь, конечно, европейских границ СССР. Вниманию британского министра Сталиным была предложена общая схема реорганизации европейских послевоенных границ: по замыслу советского руководства эту схему следовало включить в качестве секретного протокола в проект договора о послевоенном устройстве. Антони Иден, однако, благоразумно уклонился от обязывающего ответа на столь важное предложение. Сославшись на необходимость консультаций с правительством США, он счел возможным лишь напомнить позицию британского правительства относительно непризнания новых границ, установленных под диктовку Гитлера¹¹.

Как свидетельствует протокольная запись беседы Сталина и Молотова с главой британской делегации Иденом 16 декабря 1941 г. в связи с обсуждением вопроса о военно-политическом союзе между СССР и Великобританией, советские руководители поставили вопрос

о заключении в будущем военного союза с Румынией с правом СССР «иметь на ее территории военные, воздушные и морские базы». В связи с этим по поводу Румынии было заявлено, что «объем самой Румынии должен быть увеличен на западе за счет Венгрии, в рамках которой в настоящее время проживает 1,5 млн румын... Это также явилось бы *дополнительным наказанием для Венгрии* за ее роль в войне»¹² (курсив наш. — Авт.). Тем самым с самого начала обсуждения территориальных проблем региона ясно и недвусмысленно была установлена связь между удовлетворением советских претензий к Румынии и расширением территории последней за счет соседа на северо-западе.

В проекте секретного приложения к советско-британскому договору советское руководство сочло необходимым записать отдельным, 9-м пунктом следующее: «В отношении Румынии признается необходимым: а) в целях обеспечения безопасности СССР передать Советскому Союзу территорию, занимаемую устьем Дуная с его тремя рукавами; б) передать Румынии те районы Венгрии, *которые населены преимущественно румынами*»¹³ (курсив наш. — Авт.). Таким образом, вопрос о присоединении к СССР румынских территорий в дельте Дуная ставился в зависимость от судьбы районов Трансильвании, контролировавшихся тогда Венгрией. То есть, иными словами, речь шла о применении к данному румыно-венгерскому территориальному спору классического принципа компенсации, который испокон веков практиковался европейской дипломатией. Удивляет, однако, что именно о нем вспомнил Сталин, обычно не считавшийся с традициями и правилами игры старой дипломатии. Далее, и это самое важное, в советском документе в дополнение к компенсационному принципу признавался также и этнический принцип, от которого спустя некоторое время при разработке условий мирного договора с Венгрией именно Советский Союз отказался категорически. И, наконец, в процитированном документе нет указаний, ни прямых, ни косвенных, о желании СССР отдать Румынии всю Северную Трансильванию целиком. Речь шла лишь о районах с румынским этническим большинством. Иными словами, до 1944 г., до подписания перемирия с Румынией во всяком случае, может быть и дольше, СССР допускал применение этнического принципа при решении румыно-венгерского территориального вопроса. Позднее, как мы увидим ниже, позиция Советского Союза претерпела радикальную перемену. Москва, в ряде других случаев (Истрия, Триест и т. д.) ратовавшая за учет этнического состава спорных территорий, полностью отказалась от этнического прин-

ципа в трансильванском вопросе, заняв бескомпромиссно жесткую позицию в отношении венгерских пожеланий принять во внимание при передаче Северной Трансильвании Румынии национальный состав жителей приграничных областей.

Английские представители, однако, уклонились тогда от подписания предложенного Сталиным секретного протокола о разделе советской и британской сфер влияния в Европе. Военно-стратегическая обстановка конца 1941 г., когда германская армия стояла у ворот Москвы, мало располагала союзников к решению вопроса о разделе сфер влияния в Европе. Сталин допускал возможность изменения границ между Венгрией и Румынией в пользу последней, но обуславливал это целым рядом факторов: разрывом Румынии с гитлеровской Германией, заключением военного договора между СССР и Румынией, предоставлением Советскому Союзу военных, воздушных и морских баз и другими «компенсациями» в пользу СССР.

Но уже тогда в подходе к решению вопроса о сферах влияния в восточноевропейском регионе выявилось различие в позиции самих западных союзников. В противоположность англичанам американцы готовы были идти на далеко идущие уступки восточному союзнику. Президент Рузвельт в беседе со своими ближайшими сотрудниками в Белом доме 2 мая 1942 г. заявил, что он «не особенно горевал бы, если русские возьмут достаточно большую территорию; им могут принадлежать восточная Польша и балтийские республики, а возможно еще Буковина и Бессарабия»¹⁴.

Отсюда следует, что Румыния и после победы союзников не могла питать надежд на обладание захваченными в ходе антисоветской войны входившими в ее состав в межвоенный период землями.

Мозговые центры Вашингтона и Лондона, занимавшиеся планированием послевоенного устройства Европы, предлагали сосредоточить свои усилия главным образом на территориальных вопросах. По логике вещей с разгромом Германии и Италии должны были быть отменены все изменения на карте Европы, произведенные ими или под их диктовку. Уже с конца 1941 г. между СССР и Соединенным Королевством установилось принципиальное согласие на этот счет: Югославии и Чехословакии — жертвам агрессии — должны быть возвращены все их земли, присоединенные к Венгрии, т. е. восстановлены «трианонские» границы.

Иначе обстояло дело с Румынией. Она тоже отчасти была жертвой, пострадавшей от нацистского произвола в результате второго Венского арбитража. Но Румыния была союзницей Германии, десят-

ки ее дивизий воевали на Восточном фронте. Она оккупировала обширные советские территории на юге, включая Одессу. Советское руководство совершенно справедливо считало Румынию, как и Венгрию, враждебной страной, заслуживающей не поощрения, а осуждения и наказания. Поэтому вопрос о полном восстановлении положения, сложившегося после Трианона, т. е. включая и трианонские границы с Румынией, не стоял в повестке дня. В 1941 г. Сталин допускал возможность лишь исправления в пользу Румынии границ, установленных вторым Венским арбитражем, а не полного упразднения его решений и возвращения всей Трансильвании; это следует из его беседы с Иденом. В отношении Венгрии СССР придерживался точки зрения, что за неспровоцированную агрессию и за участие в войне на стороне Гитлера, за те безобразия, что творила венгерская армия на советской территории, ответственность должно нести не только венгерское правительство, «но также и венгерский народ в той или иной степени». Однако по тактическим соображениям, исходя из интересов ведения войны и необходимости поощрения оппозиции и движения сопротивления в Венгрии, Москва готова была несколько смягчить свою позицию в трансильванском вопросе.

Об этом, в частности, свидетельствовало письмо Молотова Идену от 7 июня 1943 г., в котором советская позиция была сформулирована весьма осторожно: советское правительство, говорилось в нем, «не считает в полной мере обоснованным так называемое арбитражное решение, вынесенное 30 августа 1940 г. под диктовку Германии, отдавшее Венгрии северную Трансильванию»¹⁵. В противоположность советскому руководству правительство Великобритании не собиралось «наказать» Венгрию и венгерский народ за участие в войне на стороне нацистской Германии. Это во-первых. Во-вторых, ему не хотелось бы точного повторения Трианона, «несовершенства» которого сыграли свою роль в возникновении Второй мировой войны. Тем более что Великобритания, наряду с Францией, являлась одним из двух главных творцов насквозь порочной Версальской системы. Поэтому на этом начальном этапе формирования позиций по вопросам послевоенного урегулирования в Лондоне исходили из необходимости рассеять страх мадьяр перед новым Трианоном: «...Им следовало разъяснить, — отмечалось в предложениях Форин Офис, направленных в Москву, — что союзники не собирались раздробить Венгрию и не хотят наказывать венгерский народ за глупости его правителей»¹⁶. Однако на этих предложениях чисто платонического, впрочем, свойства британская дипломатия и не стала особенно энергично настаи-

вать, и в конечном итоге одержала верх советская точка зрения. Не нашли английские представления о принципах решения трансильванской проблемы понимания и в США.

* * *

В США планированием послевоенного устройства в глубокой тайне занимался ряд тщательно засекреченных организаций. 28 декабря 1941 г. указом президента США Рузвельта в составе Государственного департамента был образован СовеЩательный Комитет по послевоенной внешней политике, который начал свою работу в январе 1942 г. В его рамках действовал так называемый «Центр Уэллеса». Он возник в феврале 1942 г. по инициативе госсекретаря К. Хэлла при Госдепартаменте США и официально назывался «Подкомитетом по политическим и территориальным вопросам». Формально его возглавлял сам госсекретарь, фактически же работой центра руководил его заместитель Самнер Уэллес¹⁷.

Но в Центре С. Уэллеса не было единого мнения о путях решения трансильванского вопроса. Не сумев сформулировать свои рекомендации, члены подкомитета предложили несколько вариантов, два из которых привлекли наибольшее внимание: 1) к Румынии переходит вся Трансильвания с предложением широкой автономии районам с преобладающим венгерским населением Земля секеев (Секейфёльд) и изменением границы между обеими странами в соответствии с языковыми границами; 2) образование самостоятельного государства Трансильвания, которое могло стать членом Восточной конфедерации или же существовать как румыно-венгерский кондоминиум, находящийся под протекторатом двух соседних стран¹⁸.

Основной идеей, выдвинутой С. Уэллесом, являлось восстановление Австро-Венгрии либо Дунайской конфедерации во главе с Отто Габсбургом¹⁹. Однако идея габсбургской реставрации не нашла поддержки большинства консультантов, отдававших предпочтение федеральной организации региона, но без Габсбургов. Выше уже отмечалась пассивность США в делах, касавшихся проблем Средней и Восточной Европы. К этому добавим отсутствие у американцев достаточных опыта и знаний, специфики региона, чем в совершенстве обладала британская политическая элита. Проект династической реставрации Уэллеса — типичный пример полного непонимания сути политических процессов, происходивших в этой части континента в период между двумя войнами. Американский дипломат не счел нужным принять во внимание печальный опыт двух с треском провалив-

шихся путчей, предпринятых Карлом Габсбургом в начале 1920-х гг. Не учел он также общеизвестный факт абсолютного нежелания подавляющего большинства австрийцев вновь стать подданными свергнутой династии. Поэтому есть все основания говорить о недостаточной компетентности в восточноевропейских вопросах части вашингтонских дипломатов и экспертов, призванных по долгу службы заниматься этими самыми вопросами. Совершенно естественно поэтому и вполне логично, что ведущая роль в разработке роли балканской и средневропейской политики в рассматриваемый период принадлежала англичанам. Они же представляли общую англосаксонскую позицию в переговорах с Москвой, несмотря на некоторые расхождения во взглядах Лондона и Вашингтона.

Такую же комиссию в Лондоне возглавлял выдающийся британский историк Арнольд Тойнби, бывший в то время научным директором Королевского общества по иностранным делам.

Британским разработчикам новых внешнеполитических концепций импонировала идея создания Дунайской конфедерации суверенных государств от Эстонии до Австрии на западе и Греции на юге. В принципе идея сама по себе была не так уж плоха. Она вполне могла рассчитывать на понимание и даже симпатии малых народов Европы, ставших беззащитными жертвами гитлеровской Германии и не желавших стать вновь легкой добычей новых диктаторов иного цвета. В роли активного сторонника идеи федерации выступил сам британский премьер Уинстон Черчилль. В мае 1943 г., находясь с визитом в Вашингтоне, он поделился с Рузвельтом планом создания в будущем «такой Дунайской федерации с центром в Вене, которая бы могла в известной мере заполнить тот вакуум, который образовался в результате исчезновения Австро-Венгерской Монархии»²⁰. Разработанный комиссией Тойнби проект предусматривал включение в средневропейскую федерацию, наряду с Австрией, Венгрией и Румынией, также и Трансильванию в качестве самостоятельного члена²¹.

Федерация или конфедерация, полагали в Лондоне и Вашингтоне, могла бы не только воздвигнуть барьер на пути экспансии как Германии, так и Советского Союза против малых стран региона, но и ослабить остроту погранично-территориальных споров между восточноевропейскими странами. Такая перспектива совсем не устраивала советское руководство, сознававшее, что смысл проекта сводится к тому, чтобы воспрепятствовать утверждению влияния в восточноевропейском регионе прежде всего Советского Союза. О несогласии с проектом создания федерации с подкупающей откровенностью зая-

вил Молотов в письме, направленном в Лондон 7 июня 1943 г., особо подчеркнув недопустимость участия в такой федерации Австрии и Венгрии. В октябре того же года в Москве он решительно отклонил попытку Идена вновь поставить в повестку дня вопрос о федерации, заявив, что советским людям федерация напоминает «санитарный кордон» 20-х гг.²² То же говорилось во время встречи «большой тройки» в Тегеране, когда Сталин недвусмысленно сказал Черчиллю, что не желает видеть объединенными Австрию и Венгрию. «Было бы глупо после распада Германии создавать в Европе новые комбинации, Дунайскую или любую другую»²³. «Советское руководство опасалось, — пишет российский историк А.О. Чубарьян, — что в послевоенное время снова сложится коалиция или группа государств, настроенных против Советского Союза или стремящихся уменьшить влияние СССР на решение европейских проблем»²⁴.

Совместная смертельная схватка с гитлеровской Германией и ясное осознание необходимости координации политики в отношении ее сателлитов не устранили до конца накопившиеся за десятилетия враждебность, недоверие и подозрительность друг к другу Советского Союза и Великобритании. Учитывая это обстоятельство, оба правительства в соответствии с соглашением от 12 июля 1941 г. взяли на себя обязательство не вести сепаратных переговоров с вражескими государствами и, естественно, не заключать сепаратного мира. Несколько позднее стороны договорились взаимно информировать друг друга о возможных контактах с представителями Германии и ее союзников. Обе стороны придавали большое значение соблюдению союзнической лояльности, ревниво следя одновременно за действительными или мнимыми попытками партнера к сокрытию хотя бы части информации о прямых или косвенных контактах с представителями стран гитлеровского блока. Имеющиеся в архиве МИД СССР документы свидетельствуют о том, что Советское правительство получало от британского партнера соответствующую информацию о его связях с представителями Венгрии и Румынии, однако о том, насколько эта информация была полной и достоверной, судить не представляется возможным.

Хотя и можно а priori предположить, что информация, которая по официальным каналам шла в Москву из Лондона, была в определенной степени дозированной. Тем не менее она представляла немалую ценность, хотя бы потому, что британские службы и в условиях войны располагали обширной информацией о положении в оккупированных Гитлером странах и его союзниках. К тому же накануне и во

время войны в Лондоне нашли приют Я. Масарик, Э. Бенеш, В. Сикорский и другие восточноевропейские лидеры, которые поддерживали связь со своим национальным подпольем, имели собственную информационную службу.

Так, в марте 1942 г. сэр А. Иден через нашего посла в Лондоне И.М. Майского предложил советскому правительству воспользоваться услугами своего кабинета для установления контактов с Ю. Маниу, известным лидером влиятельнейшей оппозиционной партии Румынии — Национал-царанистской (НЦП). Ответ Москвы на это предложение не только затянулся — понадобились для этого целых два месяца, — но и по форме был неопределенным. Советское правительство, писал Молотов своему коллеге в Лондоне, «пока не намерено предпринимать каких-либо действий в этом отношении»²⁵.

В марте 1943 г., уже после Сталинграда, когда поиски выхода из войны стран-сателлитов стали более настойчивыми, британский кабинет сообщил советскому руководству о предложении лидеров румынской оппозиции направить в Лондон делегацию для того, чтобы начать предварительные переговоры о возможности заключения мира. «Правительство Великобритании, — говорилось в послании, датированном 9 марта, — желает выяснить, существует ли, по мнению Советского правительства, какой-либо базис, на котором оно, или оно и британские власти могли бы с пользой для дела сотрудничать с г. Маниу». Консервативный в своих действиях аппарат НКВД был готов по своей привычке уклониться от принятия политического решения, хотя и весьма скромного, связанного с ответственностью, хотя бы минимальной. Ибо даже у замнаркома В.Г. Деканозова, готовившего проект ответа англичанам, не было никакой уверенности в том, какой будет реакция грозного хозяина Кремля и какие будут последствия в случае негативной реакции.

Проект ответа, в котором фигурировал тот же аргумент о «несвоевременности» переговоров с румынами, был направлен Молотовым Сталину²⁶. Однако высочайшего мнения не удалось предугадать. Из Кремля в МИД вернули исправленный текст письма, полностью изменивший его первоначальный смысл. И 20 марта Идену было отправлено письмо за подписью наркома, в котором четко и ясно говорилось: «Советское Правительство полагает, что следовало бы поддерживать контакт с группой г. Маниу, как с единственной более или менее серьезной оппозиционной силой в Румынии. Вполне возможно, что в ходе переговоров найдется база для сотрудничества между группой г. Маниу и нашими представителями»²⁷.

Перестраховочный инстинкт — боязнь инициативы, сопряженной с ответственностью по принципу «как бы чего не вышло», — присутствовал на всех уровнях прохождения секретной информации по инстанциям государственной бюрократической машины. Яркое тому свидетельство — рассматриваемый эпизод²⁸.

Как свидетельствуют впервые введенные в научный оборот документы, к предпринятому румынами зондажу был причастен не только Ю. Маниу, лидер оппозиции, но и сам маршал Ион Антонеску. 14 октября 1943 г. посол А. Кларк Керр информировал Молотова о встрече в Анкаре военного атташе посольства Англии с румынским военным атташе, который от имени диктатора сделал заявление о готовности Румынии сотрудничать с вооруженными силами Англии и США в случае их вторжения на Балканы²⁹. Причастность официального руководства к инициативе оппозиции подтвердилась спустя два месяца информацией британского посольства в Лиссабоне о том, что министр иностранных дел Михай Антонеску «принял в принципе безоговорочную капитуляцию», но озабочен тем, чтобы сведения об этом не просочились до того момента, когда «союзные войска будут от румынской границы на расстоянии удара (броска, надо понимать. — *Авт.*)». Министра прежде всего интересовал вопрос о будущих границах: «Какие будут румынские границы, и обсуждался ли этот вопрос на Тегеранской конференции»³⁰.

Советник замнаркома В.Г. Деканозова Н.В. Новиков, основываясь на информации, полученной от Посольства в Стокгольме (всего было шесть телеграмм), 23 декабря 1943 г. представил своему шефу проект указания в Стокгольм о встрече советского дипломата Семенова с румынским посланником Нану.

Первой мыслью, осевшей высокопоставленного чиновника по поводу попыток румын выяснить условия капитуляции для своей страны, было... подозрение подвоха со стороны британского союзника³¹.

Понятно, что под подозрение попали и посредники, через которых шли контакты с румынами, — чех Кучера и болгарин Горанов. Устранить устойчивое недоверие, существовавшее еще с довоенных времен в руководящих кругах советского государства, не могли ни конкретные факты, ни прямые, без околичностей, заявления с британской стороны. «Правительство Его Величества, — заверил 15 сентября 1943 г. английский посол Молотова письменно, — не может рассматривать никаких обращений румынского правительства до тех пор, пока оно не будет направлено Советскому правительству, что такое обращение должно иметь форму предложения, сде-

ланного должным образом уполномоченным эмиссаром о подписании безоговорочной капитуляции перед тремя главными союзниками и что **никакой другой образ действия не представляет интереса для Правительства Его Величества**»³² (выделено нами. — *Авт.*).

Неоднократные попытки выяснить условия капитуляции для Румынии, по мнению Н.В. Новикова, «успеха не имели, так как *тов. Коллонтай ответила, что этот вопрос выходит за рамки ее компетенции* (курсив наш. — *Авт.*), а *тов. Спичкин* (сотрудник советского посольства в Стокгольме. — *Авт.*) на этот вопрос отвечал в том духе, что положение, — де, мол, ясное, есть решение Московской конференции о безоговорочной капитуляции Румынии, а следовательно, какие же еще могут быть *разговоры?*»³³. Стараниями этого советского дипломата в декабре 1943 г. были сорваны многообещающие встречи с румынами в Стокгольме³⁴. «Разговоры» между тем были необходимы даже с точки зрения механизма реализации капитуляции. На основании информации, поступавшей из Форин Офис, советской стороне было хорошо известно, что Румыния готова сложить оружие и выйти из войны, но «не знает, как это сделать»³⁵.

Было бы, однако, не совсем справедливо считать, что руководители нашего государства, работники внешнеполитического ведомства и работавшие в Швеции дипломаты во главе с А.М. Коллонтай не придавали должного значения переговорам с румынами. Советские дипломаты отлично сознавали, насколько важно использовать любую малейшую возможность ускорения выхода из войны гитлеровского сателлита. Не хуже других понимала это и А.М. Коллонтай. Соблюдая необходимую осторожность, она считала возможной свою встречу с румынским посланником, но без какого-либо посредника. Было также понимание заинтересованности румын в предварительных переговорах и в случае безоговорочной капитуляции. К счастью, далеко не все разделяли примитивную мысль о том, что термин безоговорочная капитуляция автоматически исключает всякие переговоры, обычный в практике международного общения зондаж и просто любопытство, что ожидает в ближайшем будущем капитулирующую страну. В Москве, например, допускали, что румыны могут полюбопытствовать: «1) когда и каким образом капитулировать... 2) намерения союзников в отношении послевоенной Румынии...» т. е. «*будет вообще существовать Румыния, какая Румыния: капиталистическая или большевистская, и в каких границах*»³⁶ (курсив наш. — *Авт.*). Последний пассаж представляет уже и историографический интерес. Он дает пищу для размышлений к спорам о намерениях СССР в от-

ношении стран Восточной Европы. В процитированном секретном документе, родившемся в недрах НКВД СССР, одного из учреждений, в котором разрабатывалась и перспективная внешнеполитическая линия государства, нет ни слова ни о законных интересах безопасности Советского Союза, ни о создании дружественных ему режимов, ни о невмешательстве во внутренние дела соседних государств. Остается предположить — теряясь в догадках, — что либо сотрудники аппарата НКВД не были достаточно информированы о замыслах высших советских руководителей и мыслили по-прежнему, либо же на рубеже 1943–1944 гг. еще не наступило время для радикального пересмотра и отказа в высших интересах сохранения согласия в антигитлеровской коалиции от социалистической доктрины и идеи мировой революции. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что первоначально, после освобождения Восточной Европы Красной Армией явных признаков заинтересованности в форсированной советизации стран региона в кремлевской политике не просматривается. Москву вполне устраивал их статус «дружественных» государств.

На исходе 1943 г. и вплоть до лета 1944-го актуальным, не теряющим отлагательства оставался вопрос об общих предварительных условиях капитуляции Румынии.

В конце концов, после долгих колебаний, сомнений и согласований, в Москве было решено не отказываться от установления личных контактов с румынами, полагая, что это «принесет пользу». В принятии такого решения не последнюю роль играло желание устранить из переговорного процесса англичан либо скомпрометировать их в контактах с румынами, ибо, как говорилось в утвержденном проекте документа, «во всяком случае можно быть уверенным в том, что они не сообщили Румынии о том, что советское правительство считает не вполне обоснованным состоявшееся под диктовку Германии в Вене 30 августа так называемое третейское решение о передаче Венгрии Северной Трансильвании. Скорее наоборот, в своих интересах не развязывать в Европе вооруженной борьбы против Германии до удобного им момента они придерживаются капитуляции Румынии» (выделено нами. — Авт.)³⁷. Фантастика! Тогда, 24 декабря 1943 г., когда был утвержден документ, фронт был далеко, и правители Румынии вряд ли могли бы осуществить капитуляцию, если бы даже они очень этого сильно захотели. Но все это не имело значения. Советское руководство везде было готово усматривать британское коварство. Между тем, как выяснилось несколько позднее, все «нехорошие» замыслы

Черчилля в этом вопросе свелись к более чем скромной просьбе предоставить Великобритании и США точно такие же права в подготовке условий капитуляции Румынии, которые СССР получил от союзников в отношении Италии³⁸.

Руководство НКВД, однако, заняло вполне разумную позицию в конкретном вопросе переговоров с Румынией, предложив конструктивное решение, которое и было одобрено 24 декабря³⁹. Впрочем, откладывать его уже было нельзя, не имело просто никакого смысла. Румынам не терпелось как можно скорее узнать, на что они могут рассчитывать в случае выхода из войны. Да и Лондон проявлял нетерпение и настойчивость. 16 января 1944 г. Деканозов получил официальное письмо А. Кларка Керра, в котором посол сообщал о предстоящем прибытии в Каир представителя лидера оппозиции Маниу. В письме достаточно ясно была выражена британская позиция по вопросу о переговорах для того, чтобы не оставлять места для произвольных толкований намерений Лондона и тем более для вольной игры фантазии об этих самых намерениях: **«Мое правительство полностью признает, — говорилось в письме, — что, поскольку главный удар военных усилий Румынии направлен против советских сил и, так как последние будут, по-видимому, первыми союзными силами, которые достигнут Румынии, Советское Правительство будет играть главную роль в определении того, какими должны быть условия перемирия с румынами»**. Конкретное предложение сводилось к тому, чтобы правительства трех великих держав «как можно скорее» договорились между собой относительно условий капитуляции и сообщили эти «согласованные условия эмиссару»⁴⁰ (выделено нами. — *Авт.*).

Советская позиция была изложена в письме Молотова союзникам от 8 октября 1943 г. «Советское правительство, — говорилось в нем, — считает правильным, чтобы обращение румынского правительства, выражающее согласие принять условия безоговорочной капитуляции, было сделано должным образом уполномоченным эмиссаром трем главным союзникам, то есть Правительством Советского Союза, Великобританией и Соединенных Штатов Америки». Условия капитуляции должны были выработаны «с учетом имеющегося в последний период опыта проведения безоговорочной капитуляции в Италии...» (выделено нами. — *Авт.*)⁴¹.

Англо-советское дипломатическое сотрудничество в деле согласования политики обеих стран по отношению к Румынии стало более интенсивным — добавим, предметным и продуктивным — осенью

1943 — весной 1944 г. Причем центр переговоров с румынами из Стокгольма и Лиссабона переместился в Каир. 15 ноября 1943 г. А. Кларк Керр информировал Москву о желании Маниу направить в Лондон эмиссара для обсуждения «мероприятий с целью изменения политического режима в Румынии»⁴². Однако князь Штирбей, доверенное лицо лидера оппозиции, прибыл не в Лондон, а в столицу Египта. Англичане, со своей стороны, изъявляли готовность обсудить с уполномоченным Маниу вопрос «о замене правительства Румынии, которое пойдет на безоговорочную капитуляцию...»⁴³. Характерно, что реакция Москвы была на этот раз положительной и быстрой. Ответное письмо было вручено уже 18 ноября. «Советское правительство, — говорилось в ответе Молотова, — считает *безусловно* необходимым (курсив наш. — Авт.) участие советского представителя в непосредственных переговорах с делегатом от Маниу»⁴⁴. Предложение было принято, и в Каир был направлен Н.В. Новиков, тот самый Новиков, который готовил предложения наркоминдела по румынскому вопросу еще в 1943 г.

Таким образом, в конце 1943 — начале 1944 г. Москве и Лондону удалось в принципе согласовать позиции по вопросу о действиях стран в случае капитуляции Румынии. Оставалось ждать подходящего случая, чтобы привести к власти режим, способный осуществить безоговорочную капитуляцию страны перед тремя союзниками и выйти из войны.

* * *

Сложнее обстояло дело с Венгрией, хотя мотивы, побуждавшие ее руководство искать мира, были точно такими же, как и у лидеров Румынии. Политическая элита обеих стран, враждовавших между собой формальных союзниц, одинаково страшилась перспективы оказаться с глазу на глаз с великим и могучим северным соседом. Советский Союз вызывал у них неподдельный страх и надежду на спасительное вмешательство западных союзников. Отсюда и общее стремление завязать переговоры с Англией и США. И действовали Бухарест и Будапешт почти синхронно.

В 1943 г. с венгерской стороны имели место попытки наладить контакты с советскими дипломатами с целью выяснения возможности и условий более или менее безболезненного выхода из войны. Сложность в венгерском случае состояла не только в том, что эти попытки были более робкими и спорадическими, чем румынские, а в том, и это самое главное, что за ними не стояла такая влиятельная

политическая сила, какую, несомненно, представляла собой Национал-царанистская партия и ее признанный лидер Юлиу Маниу. Думается, такую роль могли бы взять на себя сам Хорти или граф Иштван Бетлен, бывший премьер и близкий друг регента. Однако обоим им, как показали дальнейшие события, не хватило политической воли, решительности и последовательности. Наступил момент, который, помимо всего прочего, от национального лидера требовал именно таких качеств.

Мысль о заключении сепаратного мира в правящих кругах Венгрии созрела почти сразу же после поражения немцев под Москвой. Ранней весной 1942 г. регент отправил в отставку Л. Бардоши, непосредственного виновника развязывания войны, и заменил его на умеренно консервативного Миклоша Банфи, слывшего соратником И. Бетлена. Смену кабинетов в Буде в начале марта 1942 г. подробно освещает новейшая национальная историография⁴⁵.

После Сталинграда и Эль-Аламейна, поколебавших надежды сателлитов на победу в войне держав «оси», правители Венгрии стали все чаще задумываться о будущем страны и судьбе возвращенных с германской помощью территорий. С приближением неминуемой военной катастрофы таяла уверенность в возможности сохранения этих территорий в полном объеме. Первый звонок для подобного рода мрачных размышлений и настроений прозвучал под Сталинградом, а для венгерской нации в особенности под Воронежем, где в снегах на излучине Дона полностью погибла 2-я венгерская армия. Тогда же, в 1943 г., в Венгрии и начались поиски компромиссных решений, отчасти совпадавших с аналогичными американскими проектами⁴⁶.

Идея создания федерации или конфедерации выдвигалась эмиссарами Будапешта, которые все чаще стали наведываться в Анкару, столицу нейтральной Турции. Один из выдвинутых ими вариантов предусматривал конфедерацию в составе Венгрии, Хорватии, Словакии и Трансильвании. Любопытна аргументация: «хорваты не хотят и слышать о сотрудничестве с сербами», а «словаки не могут жить вместе с чехами». Объединенная Трансильвания должна была стать независимым государством. Прощупывалась также возможность непосредственного соглашения с Румынией; в таком случае оптимальным венгерская сторона считала предоставление Трансильвании автономии, выражала готовность освободить «часть югославской территории», занятую Венгрией⁴⁷. Впрочем, реального значения венгерский зондаж не мог обрести из-за робости, колебаний и отсутствия реше-

тельности у хортистских лидеров в попытках вывести страну из гибельной для нее войны и союза с Германией и из-под жесткого контроля Гитлера.

Военные поражения венгров зимой 1942–1943 гг., сделавшие осязаемым для всего венгерского общества приближение национальной катастрофы, ускорили поиски путей к миру со стороны правящей группировки, сделали их более осмысленными и целеустремленными. Но вопреки логике мадьяры искали окольные пути для установления контактов не с представителями Советского Союза, а с англичанами. Последние, совершенно естественно, исходя из союзнической лояльности и учитывая реальную ситуацию, настойчиво советовали эмиссарам Хорти обратиться к русским.

Местом неофициальных встреч они избрали, так же как и румыны, нейтральные столицы — Стокгольм и Каир. 3 марта В.Г. Деканозов получил донесение из шведской столицы, в котором поверенный в делах СССР Семенов сообщал о том, что венгерский журналист Деметро, корреспондент английской «Дейли экспресс», вел, предположительно с ведома самого посланника, переговоры с английскими дипломатами «по вопросам послевоенного устройства Венгрии и выяснял условия выхода из войны»⁴⁸.

Поверенный в делах просил одновременно указаний своего руководства относительно встречи с венгерским журналистом. Запрос дипломата, в особенности же просьба о конкретных инструкциях, вызвали, кажется, легкий переполох в почтенном учреждении на площади Воровского. Он еще больше усилился после того, как поступила дополнительная информация югославского посланника в Швеции о том, что журналиста принимал якобы сам посланник Великобритании. При этом называлось имя другого журналиста, корреспондента Венгерского телеграфного агентства А. Геллерта, который, по словам югославского дипломата, действуя «по указке Хорти», пытается «восстановить в Стокгольме контакты с союзниками для выяснения условий выхода Венгрии из войны»⁴⁹. Далее в информации подчеркивалось, что «Геллерт ведет пропаганду в пользу Венгрии. Эта пропаганда сводится к тому, что Венгрия якобы не виновна в своих преступных действиях, т. к. Германия силой навязала ей свою волю». Самым важным и подозрительным в глазах сотрудников НКВД являлось упоминание о том, что Геллерт еще в декабре 1942 г. имел свидание с пресс-атташе английского посольства в Швеции Тенантом⁵⁰. Он часто встречался также с Бенешем, Масариком, послом Югославии и посылал подробные донесения о своих беседах в Будапешт, исполь-

зую для этого фельдъегерскую службу посольства Венгрии в Швеции. Некоторые из них попадали и к адмиралу⁵¹.

Следуя британским рекомендациям, эмиссары Будапешта предприняли попытку установить контакт с советскими представителями. В роли посредника выступил корреспондент ТАСС в Стокгольме Косов, в 1940–1941 гг. работавший в Будапеште, т. е. человек, знакомый мадьярам и хорошо знавший обстановку в Венгрии. Именно к нему обратился упомянутый выше Деметро. Содержание его конфиденциального сообщения, переданного в Москву, было достаточно неожиданным, чтобы вызвать доверие и без того подозрительных чиновников НКВД.

Венгерский журналист заявил корреспонденту ТАСС, что «при условии сохранения Венгрии, как самостоятельного государства, Хорти и его сторонники готовы отойти от политической деятельности, лишь бы спасти Венгрию»⁵². Информация никаким другим источником не подтверждалась, в силу чего в ней легко было усмотреть возможную провокацию. Дипломаты СССР, работавшие как в Швеции, так и в Москве, оказались в затруднении. Настораживало сообщение Деметро о том, что он якобы договорился с англичанами о поездке венгерских представителей в Лондон для ведения переговоров с Бенешем и Масариком.

В действиях венгерского подданного, который «числился в Швеции английским корреспондентом», да к тому же «вхожего в союзнические круги», бдительные советские дипломаты узрели двойную игру, а именно — что он «имеет одновременно задание от англичан выяснить нашу позицию в этом вопросе». Не понятно только, почему эти коварные англичане, находившиеся в постоянном и непосредственном контакте со своими советскими коллегами на всех уровнях, избрали столь сложный путь для выяснения советской позиции по данному вопросу. В Москве британским союзникам упорно не верили, даже тогда, когда Форин Офис неоднократно подчеркивал свою незаинтересованность «в установлении контакта и в ведении каких-либо переговоров с венграми»⁵³.

И родилась типичная аппаратная рекомендация: Семенову, советнику посольства, венгра не принимать, но корреспонденту ТАСС Косову от обсуждения «вопросов, касающихся Венгрии», с эмиссаром Хорти не отказываться. При этом, однако, он не должен был проявлять инициативы, а «проявлять осторожность, воздерживаться от каких-либо заявлений, которые могли бы быть истолкованы как неофициальное выражение нашей позиции или как поощрение венгров

продолжать попытки по установлению с нами какого-либо контакта» (курсив наш. — Авт.). Этот документ — плод советского дипломатического искусства — проливает свет на закрытый от посторонних глаз процесс выработки решений советской внешней политики⁵⁴.

Резюмируя, нельзя не отметить явную непоследовательность действий советских дипломатов: сами на контакты не шли и в то же время не хотели, чтобы эту крайне важную для страны работу, имевшую целью вывести из войны противников Советского Союза, выполнил фактически за них английский союзник.

О близком конце войны не в пользу Гитлера и его сателлитов и необходимости кардинального поворота внешнеполитического курса страны в Бухаресте стали задумываться уже после Сталинграда. Выход из войны давал шансы на спасение страны от полной катастрофы, а также, при удачном стечении обстоятельств, надежду на возвращение Северной Трансильвании. Во второй половине 1943 — начале 1944 г. стратегический, а не тактический подход к оценке ситуации все отчетливее проявлялся во взаимоотношениях обоих сателлитов с Берлином. В Бухаресте усилилось давление на правительство со стороны оппозиции. В марте 1944 г. лидеры оппозиции Ю. Маниу и К. Братиану обратились к маршалу Антонеску с требованием прекратить отправку войск на советский фронт и вообще выйти из войны на стороне Германии. Продолжение войны, предупреждали авторы обращения, «приведет к гибели страны, подвергающейся опасности со стороны Венгрии». Эти популярнейшие политические деятели охотнее воевали бы с западным соседом, чем с Советским Союзом. «Разве Германия хоть как-то заинтересована в том, чтобы вступить в войну с Венгрией с целью возвращения Трансильвании?» — с неподдельным пафосом вопрошали они. И сами же отвечали на свой риторический вопрос: «Конечно, нет!»⁵⁵.

С приближением победоносного завершения Второй мировой войны вопрос о послевоенном мирном устройстве и подготовке проектов будущих мирных договоров с Германией и ее сателлитами переходил в плоскость решения конкретных задач. Как уже указывалось выше, начавшиеся еще в 1943 г. по инициативе румынской оппозиции контакты с дипломатами Англии к весне 1944 г. привели к согласованию позиций СССР и Запада по общим вопросам условий капитуляции с Румынией. Москва, отбросив на этот раз свои сомнения и подозрения насчет пресловутого британского коварства, хотя и не вполне от них

избавившись, откликнулась быстро и оперативно, согласившись выработать условия капитуляции. Нельзя не заметить, однако, некоторую медлительность в передаче соответствующей информации английскому партнеру.

Из переписки Черчилля с Молотовым и донесений нашего посла в Египте выясняются некоторые обстоятельства завязавшейся межсоюзнической дипломатической игры вокруг капитуляции Румынии. Интересен сам по себе факт, что с этими условиями, которые были выработаны в Москве, где постоянно находился и был в контакте с ведомством на Кузнецком мосту посол А. Кларк Керр, почему-то британский союзник был ознакомлен не в Москве и не в Лондоне, где отлично контактировал с английскими руководителями блестящий советский дипломат Майский, а в далеком, почти равноудаленном от обеих стран Египте. Они были переданы послом Новиковым лорду Мойну 7 апреля 1944 г., только за неделю до начала переговоров с румынами, несмотря на то, что их необходимо было предварительно согласовать с обоими западными союзниками еще до представления румынской стороне от имени Большой тройки.

Тем не менее премьер-министр счел нужным без промедления лично обратиться к Молотову. В письме, датированном 10 апреля 1944 г., Черчилль выразил полное согласие с содержанием советского документа: «Я ознакомился с предлагаемыми Вами условиями перемирия в том виде, как они были показаны лорду Мойну г-ном Новиковым в Каире, мы считаем условия хорошими и разумными...» — подчеркнул глава британского кабинета, сделав при этом два весьма существенных замечания. Одно из них — первое — касалось Трансильвании⁵⁶. Наделавший впоследствии много шума 4-й пункт советского документа звучал следующим образом:

«Советское правительство считает решение Венского арбитража неправильным и согласно на совместные действия с Румынией против венгров и немцев в целях возвращения всей Трансильвании или большей ее части Румынии»⁵⁷ (курсив и выделение наши. — Авт.).

Логично, что, не желая заранее связать себе руки одобрением чересчур смелой инициативы Москвы, У. Черчилль предложил дополнить пункт, в котором говорилось о Трансильвании, словами «что подлежит утверждению при мирном урегулировании». Пришлось согласиться с этой поправкой, и 11 апреля из Москвы поступила инструкция Новикову внести в документ формулу английского премьера.

Кроме того, окончательное решение территориального вопроса У. Черчилль ставил в зависимость от общего урегулирования. «Когда мы сломили мощь нацистов, — заверял наркома глава британского кабинета, — нам лучше всего будет иметь перед собой полную географическую карту для того, чтобы решать вопрос об окончательном устройстве Европы». Второе замечание касалось контрольного механизма по реализации условий капитуляции и англо-американского участия в нем. Черчилль дал ясно понять, что не собирается предоставлять СССР полную неограниченную свободу в решении румынского вопроса⁵⁸.

Позиция Вашингтона в урегулировании спорных территориальных проблем в Восточной Европе более или менее определилась к лету 1944 г. В июне 1944 г. Госдепартамент США сформулировал принципиальные подходы, которые были изложены в инструкции для американских представителей, уполномоченных заниматься европейскими делами. Они сводились к следующим принципам, которыми должна была руководствоваться в своей дальнейшей работе Европейская Консультативная комиссия:

1. Реставрация границ Венгрии, установленных Трианонским мирным договором 1920 г.

2. Границы Венгрии с Югославией и Чехословакией подлежат исправлению в случае, если эти две страны согласятся сделать эти исправления частью общего урегулирования в ходе обсуждения проблем между ними и Венгрией.

3. Венгрия должна получить заверения, что будет предпринята попытка установить более справедливые этнические границы между Венгрией и Румынией.

Вопрос о спорных территориях должен быть решен при окончательном мирном урегулировании, контролируемом Объединенными Нациями. Причем автономия считалась наилучшим решением вопроса с точки зрения интересов международной безопасности и будущего сотрудничества и установления миролюбивых отношений между придунайскими государствами⁵⁹.

Однако первые же межсоюзнические контакты западных держав с Москвой показали, что американские проекты некоторого исправления румыно-венгерских границ с учетом этнического состава приграничных территорий были невозможны без согласия СССР. Виной тому являлась не только неуступчивость советской стороны, но и отсутствие у Запада должной политической решимости отстаивать свои позиции. Западным союзникам, видимо, не слишком улыбалась перс-

пектива воевать за «возвращение» румынам Трансильвании⁶⁰. Еще бы. 8 апреля лорд Мойн дипломатично заявил, что считает преждевременным давать румынам ясные и определенные обязательства, и выразил мнение об их преждевременности. Его поддержал американец.

В ходе каирских переговоров с румынами вопрос о Трансильвании, благодаря настойчивости князя А. Штирбея, румынского представителя, стал одним из центральных⁶¹.

В письме посла СССР в Египте Н.В. Новикова подчеркивалось, что «румыны придают первостепенное значение вопросу о возвращении северной Трансильвании»⁶².

12 апреля 1944 г. советское правительство передало в Анкаре представителю румынского правительства условия перемирия, которые предусматривали разрыв Румынии с Германией и участие совместно с союзными войсками в борьбе против нее; восстановление советско-румынской границы в соответствии с договором 1940 г., возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией румынскими войсками советской территории, возвращение военнопленных и интернированных, обеспечение союзным войскам свободного передвижения по румынской территории в соответствии с военными потребностями, согласие румынского правительства на аннулирование Венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в деле ее освобождения⁶³. 12 апреля 1944 г. Барбу Штирбей, ознакомившись с условиями перемирия, сказал, что «4 пункт советских условий о перемирии, касающийся Трансильвании, несомненно, будет для румын весьма ободряющим»⁶⁴. Однако, как отмечал в своем донесении в Москву Н.В. Новиков, «англичане и американцы, как кажется, не были настроены давать Румынии обязательства по вопросу о Трансильвании»⁶⁵.

Таким образом, вялотекущие переговоры по вопросам о перемирии с Румынией затянулись на несколько месяцев вплоть до августа 1944 г., когда развернулось наступление Красной Армии на южном участке советско-германского фронта в районе Кишинев — Яссы, и в конце концов они вовсе лишились всякой динамики. Советская сторона потеряла к ним интерес из-за нежелания румын идти на конкретные шаги⁶⁶. Время разговоров закончилось. В дело вступила Красная Армия.

* * *

Благодаря Сталинграду и Эль-Аламейну 1943 год стал переломным в разработке проектов послевоенного мирного урегулирования.

В ведущих странах антигитлеровской коалиции развернулась лихорадочная работа, в которую были привлечены лучшие специалисты, в том числе и историки⁶⁷, поскольку знание и учет истоков любой международной проблемы были необходимым элементом подготовки мирных договоров.

Планированием политики СССР в послевоенном мире занималась, наряду с другими организациями, специальная «Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства», созданная в 1943 г. под руководством заместителя народного комиссара по иностранным делам М.М. Литвинова, ставшая в последующие годы, вплоть до начала Мирной конференции в Париже в 1946 г., подлинной лабораторией по выработке идей в сфере стратегии и тактики советской дипломатии, своего рода «мозговым центром» внешнеполитической деятельности Советского государства⁶⁸. Здесь же рождались различные варианты, порою достаточно интересные и оригинальные, решения межгосударственных и межнациональных проблем Восточной и Средней Европы в послевоенный период.

В задачу Комиссии входила подготовка предложений для высшего руководства по вопросам послевоенного мирного урегулирования. Занималась она также, в частности, и разработкой принципиальных основ позиции Советского Союза в отношении территориального спора между Венгрией и Румынией, подготовкой конкретных рекомендаций и вариантов по этому вопросу.

К осени 1944 г. Запад уже практически распрощался с мыслью обрести после победоносной войны преимущественное влияние в прилегающей к рубежам СССР зоне. Признание Средней и Восточной Европы советской сферой влияния следует не только из «процентного торга» Уинстона Черчилля с И.В. Сталиным в октябре 1944 г., но и из других прямых или косвенных свидетельств, имеющих в распоряжении историка источников.

В 1944 г. советская дипломатия четко представляла себе, что «в результате возросшей мощи СССР», «после поражения Германии и ослабления Франции и Италии», Советский Союз окажется (здесь и далее подчеркнуто синим карандашом, предположительно В.М. Молотовым. — *Авт.*) единственной могучей континентальной европейской державой». Такую перспективу послевоенной Европы нарисовал глава комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М.М. Литвинов в «совершенно секретной» записке «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества» от 15 ноября 1944 г. В этой новой ситуации, предполагал Литви-

нов, Лондон будет вынужден искать соглашения с Москвой. «Такое соглашение же осуществимо лишь на базе полнобюджетного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию»⁶⁹. Странным несколько выглядит то, что среди подчеркнутых карандашом стран фигурировала нейтральная Швеция, а еще более странно, что обойденными карандашом наркома почему-то оказались славянские страны Балкан. В литвиновском проекте безусловными кандидатами быть включенными в советскую зону являлись в первую очередь четыре страны: Румыния, Болгария, Венгрия и Югославия. Именно в такой последовательности!

При этом рекомендации Комиссии Литвинова исходили из необходимости соблюдения правил дипломатической игры: «Мы считали бы тактически нецелесообразным инициативу Советского правительства в выдвижении предложений о делении мира на зоны и сферы влияния, но при конкретном уточнении и распределении между Великими державами обязательств по сохранению мира вопроса о зонах не избежать» (процитированное место отчеркнуто синим карандашом, по-видимому, Молотова сбоку слева двумя вертикальными линиями. — *Авт.*)⁷⁰. Надо отдать должное мозговому центру советской дипломатии: работали там хорошо и мыслили логично! Только не сообразили тогда, что делить Европу, точнее, сферы влияния в Европе, да и в остальном мире, им придется в конечном итоге не с Англией, а с Америкой. Грамотные в тактическом отношении люди на Кузнецком мосту не сразу осознали, что грядут кардинальные перемены в расстановке сил в мире, что США не вернутся поспешно домой в Америку, как это было в первую мировую войну, а останутся в Европе, и надолго.

Трансильванский вопрос, т. е. вопрос об определении послевоенных границ Венгрии и Румынии, двух сателлитов гитлеровской Германии, несомненно, не относился к числу самых важных, которые предстояло решать державам антигитлеровской коалиции и не относился к числу первостепенных проблем мирного урегулирования. Несмотря на сравнительно ограниченное региональное значение, он, тем не менее, являлся составной частью проблемы установления послевоенных границ в Восточной Европе и рычагом решения многих национально-территориальных и политических проблем. В целом же СССР, как и его союзники, в вопросах послевоенного урегулирования

пограничных споров исходил из необходимости восстановления довоенного статус-кво (анте беллум).

Еще далеко было до победного завершения войны, а в Москве уже задумывались над тем, как бы покрепче привязать Румынию к колеснице Советского Союза. Для этого она прежде всего должна была быть включена в сферу влияния СССР. Непременно и любым способом. Разные предлагались для этого пути и методы. Помимо прямых силовых, еще и размещением советских гарнизонов или приобретением права на размещение военных и военно-морских баз на чужой территории под каким-нибудь благовидным предлогом. Далее — дипломатическим путем. Он был нужен для того, чтобы предупредить возможное противодействие обоих союзников, прежде всего Великобритании. Большую популярность в кругах советского руководства обрела идея заключения с будущими сателлитами так называемых «пактов о взаимопомощи», даже в тех случаях, когда партнер не желал такой помощи от Советского Союза. В этом убеждаешься, читая очень откровенные и, по всей вероятности, столь же искренние рассуждения Ивана Михайловича Майского, дипломата высокой пробы, человека весьма умного, а также и осторожного, ученого, будущего историка-академика, изложенные в его Записке по вопросам «будущего мира и послевоенного устройства» от 11 января 1944 г.⁷¹ Румыния, писал автор Записки, «после окончания войны должна заключить на длительный срок пакт взаимопомощи с СССР. Таким образом, Румыния должна была стать «важным фактором нашей обороны на Юго-Востоке»⁷².

Сложную и деликатную проблему Балкан, «одного из наиболее взрывчатых уголков Европы», требующую особой осторожности, Майский полагал возможным решить созданием системы двусторонних пактов каждой из балканских стран с Советским Союзом в отдельности. Реализацию этой программы, по его мнению, могли осложнить не только внутренние противоречия, но и позиция Запада. «Помимо внутренних противоречий тут приходится принимать во внимание также политику других держав, в первую очередь Англии». Как это ни странно выглядит сегодня, влияния Великобритании в Москве тогда действительно опасались.

На случай слишком сильной оппозиции со стороны англичан был предусмотрен запасной «компромиссный» вариант — «попытаться вопрос о пактах взаимоурегулировать в плоскости тройных пактов между Англией, СССР и соответственной балканской страной. Исключение должно быть сделано для Румынии, пакт с которой должен быть двусторонним»⁷³.

В послевоенных обширных планах СССР Румынии, так же как и Болгарии, предназначалась роль более важная и масштабная, чем любой другой стране во всей Юго-Восточной Европы. Румыния должна была служить трамплином для прыжка на Ближний Восток. Она должна была открыть России дорогу к Проливам.

Самая сокровенная суть тайных замыслов, вынашивавшихся в тиши высоких московских кабинетов, сводилась к возрождению преемственности великодержавной политики СССР. «Необходимо использовать все доступные нам методы и средства для ослабления позиции Турции, как „часового“ на проливах. Программа балканских пактов, о которых речь шла выше, в особенности, пакты СССР с Румынией и Болгарией явилась бы лучшим способом для достижения этой цели⁷⁴. Такова главная задача, сформулированная И.М. Майским в самом начале 1944 г., когда еще не вся территория страны была освобождена от врага. Реализации этой цели были подчинены все хитроумные комбинации советской внешней политики на Балканах.

Главное, как считал И.М. Майский, «необходимо, прежде всего, чтобы СССР вышел из нынешней войны с выгодными стратегическими границами. В основу этих границ должны быть положены границы СССР в 1941 г. Это не исключает, конечно, частичной модификации данных границ (например, с Польшей, с Румынией, с Финляндией и т. п.) в зависимости от нашей выгоды или от необходимости считаться с политикой США и Англии. Но основой все-таки должны быть границы 1941 года»⁷⁵.

В записке И.М. Майского, исходившего из положений, выдвинутых Сталиным в беседе с Иденом в декабре 1941 г., вновь был поднят вопрос о заключении на длительный срок пакта о взаимопомощи с Румынией с предоставлением на ее территории необходимого количества баз — военных, воздушных и морских⁷⁶.

Хотя Майский, как и другие участники дискуссии, считал необходимым пересмотр решений второго Венского арбитража 1940 г. по Трансильвании, но конкретных предложений о включении этой территории в состав Румынии он не делал, оставляя таким образом поле для маневров в будущем.

Не обошел Майский, естественно, и венгерский вопрос. Но в противоположность Румынии, в отношении Венгрии он предлагал применить исключительно суровые, репрессивные меры. Предлагалось, чтобы Венгрия, «по крайней мере на первые годы после войны», была «оставлена в положении международной изоляции»⁷⁷. «СССР, — говорилось в записке Майского, — не заинтересован в создании силь-

ной Венгрии. К тому же, Венгрии, как и Италии, необходимо дать понять, что союзники не забыли ее позиции в нынешней войне. Поэтому политика СССР в отношении Венгрии должна сводиться к тому, чтобы сохранить венгерское государство, но по возможности, сузить его территорию, строго следуя этническому принципу. В тех случаях, когда в применении данного принципа возникают какие-либо сомнения, решать вопрос следует против Венгрии»⁷⁸. «Третейское решение о Трансильвании должно быть пересмотрено в соответствии с национальным принципом в пользу Румынии», — говорилось в записке Майского⁷⁹. То ли по недосмотру, то ли по незнанию конкретной этнической ситуации в регионе многоопытный ученый-дипломат в своем предложении невольно занял позицию, противоречившую своему же основному тезису. Ибо пересмотр границ «в соответствии с национальным принципом», предполагавший строгое соблюдение «этнографического» принципа, означал бы передачу Румынии не всей территории Трансильвании, а лишь той ее части, которая была населена румынским этносом. Именно этого, т. е. принятия за основу переговоров по пограничным вопросам этнического принципа, тщетно добивалась позднее венгерская дипломатия⁸⁰. Этот принцип, к сожалению, как раз в отношении венгерских границ ни в одном случае не был применен, что отнюдь не способствовало стабильности международно-политической ситуации в Карпатско-Дунайском бассейне.

Рекомендации, обозначенные в записке Майского, получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в работе Комиссии Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства⁸¹. На заседании Комиссии 25 марта 1944 г. ее председатель замнаркома иностранных дел М.М. Литвинов конкретизировал указанные установочные идеи следующим образом: «Мы должны дорожить нашим положением единственной сухопутной державы в Европе, и мы этого положения ни с кем делить добровольно не можем»⁸². Но это вовсе не значит, что Комиссия в своей работе придерживалась только этого принципа. Исходные позиции внешнеполитического ведомства СССР по трансильванскому вопросу были сформулированы в «Справке о Трансильвании», подписанной М.М. Литвиновым 5 июня 1944 г., где отмечалось, что «Объединенные нации свободны от каких бы то ни было обязательств в отношении Трансильвании, поскольку Трианонский договор и всякие другие формальные обязательства утратили свою силу, так как и Венгрия и Румыния являются вражескими государствами»⁸³.

В обоснование жесткой позиции СССР по отношению к Венгрии в справке подчеркивалось, что Венгрия выступила против Советского Союза на стороне Германии «без малейшего повода».

М.М. Литвинов был абсолютно прав, когда констатировал: Венгрия «не имела даже таких претензий к СССР, какими пытаются оправдать свое участие в войне Финляндия и Румыния»⁸⁴ (намек на присоединение к СССР части Карельского перешейка и отошедших от Румынии Бессарабии и Северной Буковины — *Авт.*).

Тем не менее на заседании Комиссии, касаясь будущей советской позиции в отношении Венгрии, Литвинов призывал своих коллег рассматривать трансильванский вопрос без эмоций и предвзятости. В политике, говорил он, «приходится руководствоваться исключительно соображениями целесообразности. С этой точки зрения можно было бы мыслить даже воссоединение Трансильвании с Венгрией при условиях, обеспечивающих тесное и длительное сотрудничество последней с СССР». Такое сотрудничество, утверждал замнаркома, «было бы, однако, возможно лишь при основательном перевороте в стране и полном устранении нынешних правящих классов. Без такого переворота мы не видим в Венгрии элементов, на которых могло бы базироваться сотрудничество с СССР»⁸⁵.

Здесь Максим Максимович несколько ошибался, эти элементы были, и не только в коммунистическом подполье, но и в различных кругах общества, включая и руководство. Однако они были недостаточно сильны и организованны, чтобы совершить государственный переворот и убедить регента Хорти проявить решительность и без колебаний выступить против Гитлера и его венгерской агентуры. Только в таком случае Венгрия получила бы шанс вырваться из железных объятий нацистской Германии, выйти из войны и заключить перемирие⁸⁶.

Румыния также рассматривалась Литвиновым как враждебное государство, «заслуживающее наказания, но не вознаграждения». Однако, как считал Литвинов, «вполне мыслима передача Трансильвании Румынии взамен тесного и длительного сотрудничества с СССР и полного отказа от своих претензий на Бессарабию и Буковину»⁸⁷.

При решении территориальных проблем Литвинов предлагал, исходя из тех же соображений «целесообразности», использовать различные принципы и подходы: например, исходить из этнического принципа в вопросе о восточных границах Польши, а исторического — о западных. Так, ссылаясь на опыт присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, он констатировал: «Нам

вообще целесообразнее предпочитать при разрешении всяческих территориальных проблем этническую аргументацию исторической»⁸⁸.

Примечательно, что именно в ходе подготовки проектов мирных договоров с Румынией и Венгрией в руководящих кругах Советского Союза возникает — как один из возможных вариантов решения трансильванской проблемы — *идея создания самостоятельного трансильванского государства*. Причем, как подчеркивал Литвинов, в случае реализации идеи самостоятельная Трансильвания должна оставаться «вне каких-либо региональных союзов и федераций, но под эгидой СССР»⁸⁹.

К началу июня 1944 г. в Комиссии Литвинова для высшего советского руководства был подготовлен важный итоговый документ — справка «О Трансильвании». Документ был направлен Сталину, а также В. Молотову, К. Ворошилову, А. Вышинскому, В. Деканозову⁹⁰.

Исходная позиция выглядела следующим образом: 1. «Свои притязания на Трансильванию убедительно обосновывают как Венгрия, так и Румыния». 2. «Практически исключено решение, удовлетворительное для обеих сторон. Любое решение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств». 3. Совершенно исключается раздел по этническому признаку из-за смешанности расселения, причем везде мадьярское население по численности значительно уступает румынскому. «Мадьярские секлеры», т. е. секеи, численность около полумиллиона, занимают компактную территорию, но она расположена на востоке, вдалеке от венгерских границ. Ввиду этого «нельзя признать удовлетворительным нынешнее положение, созданное Венским арбитражем». Отсюда, из сказанного выше, следует первый важный вывод: а) политически представляется невозможным оставить в силе решение Венского арбитража, во-первых, потому, что оно было принято германо-итальянским блоком, а во-вторых, потому что в таком случае в выигрыше осталась бы одна Венгрия; б) «решительно невозможно отдать всю Трансильванию, т. е. также и южную, и восстановить статус-кво ante Первая мировая война, поскольку Венгрия никогда не проявляла ни малейшей склонности к какому бы то ни было сближению с Советским Союзом, а наоборот, участвовала во всех антисоветских интригах и интригах против СССР Польши» (?! — *Авт.*). Этот несколько спорный вывод, ибо, как вытекает из предыдущего изложения, были моменты в начале 40-х гг., когда мадьяры стремились к сотрудничеству с СССР, уравновешивается стопроцентно справедливым замечанием, что «Венгрия выступила против СССР „без малейшего повода“»⁹¹.

Что же касается независимости Трансильвании, то предложение — Трансильвания «под эгидой СССР» — аргументировалось хотя и несколько неожиданно, но довольно логично. «Оставаясь яблоком раздора между двумя соседями, Венгрией и Румынией, — писал Литвинов, — Трансильвания не могла бы существовать без покровительства близкого к ней государства, каковым в данном случае являлся бы СССР».

Этот вариант имел, по мнению Литвинова, то преимущество перед другими решениями, что не укреплял ни Венгрию, ни Румынию. Но важнее была перспектива установления над новым марионеточным государством советского контроля, что позволило бы, по словам замнаркома, «оказывать давление, как на Венгрию, так и на Румынию и препятствовать той и другой входить в какие-либо враждебные нам комбинации. Такой контроль усилил бы наше влияние на балканские страны, в частности, на граничащую с Банатом Югославию»⁹². Во всяком случае, утверждал, подводя итоги, Литвинов, «решение о самостоятельной Трансильвании можно было бы принять хотя бы временно, впредь до выяснения возможности искреннего сотрудничества с нами Румынии или Венгрии и принятия соответственно иного решения»⁹³.

8 июня 1944 г. состоялось заседание Комиссии Литвинова, специально посвященное вопросу о Трансильвании. В дискуссии, кроме председателя, участвовали видные советские дипломаты Я.З. Суриц, Б.Е. Штейн, С.А. Лозовский, а также ответственный сотрудник Международного отдела ЦК ВКП(б) Д.З. Мануильский. В качестве основы для обсуждения вопроса была использована уже упоминавшаяся выше справка. Во вступительном слове председатель Комиссии подчеркнул, что в справке больше внимания он уделял исторической аргументации, которой обосновывают свои претензии венгры, чем этнической аргументации румын, которая «и без того ясна и видна, так как никто не отрицает, что румыны представляют там (т. е. в Трансильвании. — *Авт.*), преобладающую национальность»⁹⁴.

Литвинов предложил на обсуждение 4 варианта решения трансильванской проблемы:

1-й вариант — «оставить нынешнее положение, пока мы не придумаем лучшего», хотя, признался он, «как-то политически неудобно оставить в силе Венский арбитраж». В дальнейшем этот аргумент станет едва ли не главным в идейном обосновании решения Большой тройки восстановить «трианонские» границы. Действительно, победителям фашизма было бы «неудобно» ставить свои подписи под вер-

диктом Гитлера и Муссолини. Совершенно очевидно, однако, что отнюдь не морально-этическими соображениями руководствовались вершители судеб мира, в очередной раз кромсая карту Европы, а трезвым политическим расчетом.

Ссылка на «неудобство», ставшая императивом союзнической политики в отношении венгерских границ, была весьма удобным прикрытием для того, чтобы отклонить любую попытку минимального учета этнического фактора во всех тех конкретных случаях, когда он мог быть использован в поддержку венгерской позиции.

2-й вариант — присоединение Трансильвании к Венгрии — практически невысказанный в тех условиях, мог представлять лишь теоретический интерес: возможно, заметил философски Литвинов, и «такое развитие дел, когда можно будет и Венгрии дать Трансильванию, но эта возможность отдаленная».

3-й вариант предусматривал решение вопроса в пользу Румынии на определенных условиях. По мнению докладчика, «можно будет прийти к соглашению с Румынией взамен ее полного и окончательного отказа от Бессарабии и Буковины, но это возможно при условии гарантий и некоторого нашего контроля над дальнейшей политикой Румынии». Литвинов, однако, не скрыл сильных сомнений на этот счет: «...сможем ли мы получить такие гарантии, даже если румынское правительство будет заменено другим и поведет другую политику», — рассуждал он вслух. И сам же дал ответ, краткий и выразительный: «Другое дело, если бы удалось получить там *базы и контроль*» (курсив наш. — Авт.). И наконец, последний, 4-й вариант — выделение Трансильвании в особое государство. Об этом варианте, как указывалось, достаточно подробно Литвинов говорил в начале своего выступления. Здесь же он счел нужным подчеркнуть: «...это маленькое государство будет нуждаться в покровителе, которым может быть только Советский Союз как ближайшая великая держава»⁹⁵. В случае создания самостоятельного государства Литвинов не исключал в будущем появления «Федерации из Венгрии, Румынии и Трансильвании, если мы действительно сможем влиять на политику Венгрии и Румынии»⁹⁶.

В ходе обсуждения два первых варианта отпали как практически нереальные или сомнительные. Выбирать пришлось между двумя предложениями: о передаче Румынии всей Трансильвании или же создании самостоятельного государства. Однако создание самостоятельного государства означало бы, заявил Я.З. Суриц, «путь к парцелляции и балканизации послевоенной Европы, что несет в себе

элементы анархии, как это было после Первой мировой войны»⁹⁷. Разумеется, Суриц, как и другие члены Комиссии, учитывали тот факт, что большинство населения Трансильвании составляют румыны, когда предлагали «взять ориентацию на переход в будущем Трансильвании к Румынии»⁹⁸. Но все же не этот фактор стал решающим при определении позиции СССР в этом вопросе.

Суриц, например, обратил внимание на то, что «в наших же интересах отдавать приоритет этническому фактору над историческим, имея в виду наш спор с Польшей». Такое решение, утверждал он, «обставленное прочными гарантиями, с точки зрения интересов нашей страны, оправдывается тем, что, устранив между Румынией и Россией спор из-за Бессарабии и передав Румынии Трансильванию — этот вечный источник разногласия между Румынией и центрально-европейскими государствами, мы заложим основы действительно прочной зависимости Румынии от нашей политики». Такая перспектива, как считал Суриц, тем более реальна, что Трансильвания для Румынии «представляет гораздо больше заманчивости, чем Бессарабия»⁹⁹.

Выступивший затем Лозовский не поддержал Сурица. Он заявил, что наилучший вариант все же пойти по линии создания самостоятельного трансильванского государства. «Я не думаю, — настаивал Лозовский, — что парцелляция в Европе нам вредна». «Чем больше мыотрежем от вражеских стран территорий, тем лучше. И, наконец, если отказаться от парцелляции, тогда все наши планы по отношению к Германии будут подрезаны, так как по отношению к ней мы стоим на парцелляции, ее нужно расчлениить на несколько частей». Присоединение Трансильвании к Румынии, по его мнению, в значительной степени усилит ее, «а мы в этом, при том режиме, который пока сохраняется, не заинтересованы». Поэтому, полагал Лозовский, с точки зрения маневрирования на будущей конференции «нам выгодно выдвинуть вопрос о самостоятельности Трансильвании при условии национального самоопределения, чтобы румыны и венгры друг друга не угнетали. Тактически нам это выгодно. Мы будем маневрировать в дальнейшем»¹⁰⁰. Идею создания независимого Трансильванского государства поддержали также Мануильский и Штейн. Последний заявил, что если будет создана независимая Трансильвания, то будет создана возможность одновременного давления как на Румынию, так и на Венгрию¹⁰¹.

Совокупность имеющихся в архиве МИД РФ материалов, связанных с подготовкой мирных договоров с Румынией и Венгрией, изученных нами, показывает, что Комиссией рассматривались все воз-

можные решения Трансильванской проблемы без всякого ограничения. Основными можно считать следующие:

1. Северная Трансильвания, отторгнутая от Румынии согласно решению второго Венского арбитража от 30 августа 1940 г., возвращается Румынии;
2. Северная Трансильвания остается в составе Венгрии;
3. Трансильвания выделяется в самостоятельное государство под патронатом СССР.

Единственный вариант, который не обсуждался, это присоединение Трансильвании к СССР.

О том, что существовала и такая альтернатива, свидетельствует коллективное письмо жителей уезда Салард в Северной Трансильвании, направленное позднее, в августе 1945 г., через советскую военную администрацию в Румынии, с просьбой «утвердить независимость Трансильвании» (в действительности речь шла о самоопределении края и его автономии в составе СССР) и «присоединить к Советскому Союзу», буквально «как государство».

Письмо жителей далекого от центров политической жизни Трансильвании района, где большинство составляли венгры, опубликовано авторами в сборнике «Трансильванский вопрос». Как видно, в тонкостях международного права авторы не разбирались. «Мы не должны относиться ни к румынскому, ни к венгерскому государству, так как к какому государству мы не присоединились бы, покой трансильванским народам не будет обеспечен», — писали жители уезда, обращаясь к мирной конференции¹⁰².

Идею независимого трансильванского государства поддержали привлеченные в качестве экспертов румынский коммунист Вальтер Роман, а также академик Е.В. Тарле.

В материалах Комиссии Литвинова нами обнаружен, в частности, интереснейший документ — записка Вальтера Романа под названием «К вопросу о Трансильвании», датированная 28 июня 1944 г. Автор этого примечательного документа — фигура не рядовая. Он видный деятель Румынской коммунистической партии в период между двумя мировыми войнами, штатный сотрудник Исполкома Коминтерна, пока штаб мирового коммунистического движения не «самораспустился». Ко времени составления записки В. Роман, согласно официальной справке МИД, числился «ответ. редактором рум. редакции в институте № 205 при ЦК ВКП(б)», а по сути, отделения того же ИККИ, чудесным образом вновь родившегося. А жил В. Роман в знаменитой в истории мирового комдвижения гостинице «Люкс», комна-

та 265. Будучи выходцем из Трансильвании, он, по его словам, хорошо понимал «всю сложность, разнообразность и особенность трансильванского вопроса», отчетливо осознавал, что в этом крае, между Тисой и Карпатами, «живут в одном нераздельном конгломерате румыны и венгры». Основная идея записки, главное ее исходное положение — неделимость и единство Трансильвании, разделенной на две части по воле Гитлера. «Этот произвольный акт, подчеркивал Вальтер Роман, противоречит экономическим, историческим, национальным и этническим соображениям: как если бы отрезать одного из сиамских близнецов, не могущих жить один без другого». Отсюда и первое предложение — восстановить единство края; второе — сделать его самостоятельным независимым государством. «Идея самостоятельности Трансильвании, — писал автор, — имеет свои традиции и корни как среди трансильванских румын, так и среди венгров. Исторические факты свидетельствуют о совместной мирной жизни венгров и румын в Трансильвании в течение столетий». Будучи убежденным коммунистом, а компартия в годы войны выступала за ликвидацию решений Венского арбитража и вхождение Трансильвании в состав Румынии, Роман рассматривал самостоятельность ее как «временное и переходное решение», предвидел светлое будущее народов региона «при советском строе в Дунайском бассейне». Румынский коммунистический лидер возражал против передачи Трансильвании как Румынии, так и Венгрии, полагая, что присоединение края к одной из этих стран было бы равносильно «награде» за участие в грабительской войне Гитлера¹⁰³.

Выдвигая предложение о создании самостоятельного трансильванского государства, В. Роман исходил из стремления прежде всего раз и навсегда покончить с распрями двух народов Трансильвании и двух соседних стран — Венгрии и Румынии¹⁰⁴. Конечно, учитывая сложные условия, в которых находились работники Коминтерна, а также необходимость строжайшего соблюдения партийной дисциплины и повиновения любым указаниям коминтерновского руководства, нельзя с полной уверенностью ответить, было ли это письмо плодом личных убеждений самого автора, его личным мнением или же оно отражало взгляды какой-то группы или отдельных лиц, с которыми общался в то время В. Роман. Однако оно, безусловно, соответствовало настроениям и взглядам, свойственным деятелям Коминтерна.

В 1971 г. в Бухаресте было опубликовано адресованное М.М. Литвинову другое письмо, которое якобы было написано Вальтером Романом. Датировано оно 24 июня 1944 г., т. е. четырьмя днями ранее

процитированного нами выше документа, и извлечено, как утверждает автором публикации, «из личного архива Вальтера Романа». Однако сомнения могут возникнуть при сравнении с письмом В. Романа от 28 июня 1944 г. Дело не только в том, что содержание письма от 24 июня полностью противоположно смыслу и содержанию подлинного документа, сохранившегося в фондах архива Внешнеполитического ведомства СССР. В письме от 24 июня 1944 г. автор выступает за необходимость передачи Трансильвании Румынии¹⁰⁵. Сомнительно, чтобы, находясь в Москве в качестве политэмигранта, естественно, под присмотром соответствующих органов, он мог бы позволить себе потерять всякое чувство реальности, просто элементарное чувство самосохранения, чтобы отстаивать интересы государства, с которым вел войну Советский Союз. И, наконец, если бы это письмо существовало в действительности, то оно должно было быть направлено Литвинову, который, как и всякий ответственный советский работник, прошедший школу чисток 1937–1938 гг., не имел обыкновения держать подобную корреспонденцию в своем личном архиве. Логично задаться вопросом, почему в фонде Комиссии Литвинова отложилось только письмо, датируемое 28 июня, и нет никакого другого, приписываемого В. Роману? Можно предположить, что письмо от 24 июня 1944 г. было действительно написано В. Романом, но не было передано М.М. Литвинову, а возможно, Литвинова не устроило его содержание, и он предложил написать другое письмо, а первое осталось «в кармане» у его автора и уже потом было специально использовано компартией Румынии для поколения румынских коммунистов, ставших хозяевами страны. Но это только наши предположения.

В пользу самостоятельности Трансильвании высказался академик Е.В. Тарле, и высказался достаточно решительно — в записке в 1,5 страницы, направленной им в Комиссию Литвинова 1 июля 1944 г. Позиция его отличалась от позиции румынского коммуниста. Он руководствовался исключительно интересами своей страны и определяющими для него, выступившего в качестве советника советского правительства, были национальные интересы СССР, или, точнее, его геополитические интересы как великой мировой державы¹⁰⁶.

Е.В. Тарле был убежден, что Трансильвания «в руках Венгрии или Румынии не может быть ничем, как 1) очень большим ростом могущества одной из этих одинаково злобных фашистских держав; 2) вечным яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье и вечным поводом к разжиганию войн»¹⁰⁷ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Если в первом выводе явно сказывалось влияние историческо-

го момента, то второй озарен светом исторического опыта, знанием прошлого и таким его осмыслением, которое одно способно дать шанс на предвидение будущего.

Итак, мнения двух весьма разных по мировоззрению и жизненному опыту людей совпали поразительным образом: Трансильванию нельзя отдавать ни Венгрии, ни Румынии.

Наиболее желательным выходом из положения, по мнению Тарле, являлось создание «самостоятельного государства под формальной гарантией (подчеркнуто в оригинале! — *Авт.*) будущей (проектируемой) организации держав с целью охраны от агрессий». В этом месте академик делает краткий весьма своеобразный экскурс в румынскую историю. «Ведь существовали же Придунайские княжества (Молдавия и Валахия) под гарантией великих держав после Парижского мира, — и это было самое благоприятное время их истории (пока к несчастью для себя и для Европы, они не стали гогенцоллерновской Румынией)».

При гарантии будущей организации ведущих держав ни Венгрия, ни Румыния не посмеют (в пределах исторического предвидения) напасть на это новое государство. Автор записки был твердо убежден, что только создание трансильванского государства является оптимальным решением вопроса, и потому настаивал: «Всякое другое решение для нас не выгодно». Но Тарле был слишком глубоким знатоком истории международных отношений и слишком умным и тонким аналитиком, чтобы не считаться с возможностью иных решений и альтернатив. Поэтому в своих предложениях он выдвигает запасной вариант, предвидя, что может сложиться ситуация, когда СССР будет поставлен перед нежелательным с точки зрения советских интересов выбором между двумя соперницами: «Но если уже выбирать между двух зол, то меньшее зло — отдать Трансильванию Румынии, *потребовав за это те или иные компенсации*»¹⁰⁸ (курсив наш. — *Авт.*).

Упоминание о компенсациях дает основание предполагать, что о намерениях и целях сталинского руководства в отношении Румынии (вероятно, и о военных базах, упомянутых в московской декабрьской беседе Сталина с А. Иденом) ему было известно больше, чем можно судить по этой цитируемой записке в полторы страницы. Наше предположение основано на двух известных фактах: особое расположение Сталина к талантливому историку в 40-х гг. и тесные связи его с руководством НКВД, которое не раз привлекало его в качестве эксперта и советника. Следовательно, определенной информацией Тарле владел.

Таким образом, на примере работы Комиссии Литвинова по подготовке предложений для высшего советского руководства о территориальной принадлежности Трансильвании видно, насколько тщательно рассматривались различные варианты послевоенного мирного урегулирования конфликта между Венгрией и Румынией с его возможными последствиями. Разработка шла в русле национальных интересов СССР.

Как подчеркивал Литвинов, «мы не можем руководствоваться абстрактными принципами и нашими желаниями, а должны учитывать реальность»¹⁰⁹.

Несомненно, что вектор державных интересов Советского Союза изменял свое направление вслед за изменением военно-политической обстановки. Это аксиома, не требующая обстоятельного обоснования. Сложнее точно установить момент, когда произошел качественный скачок от оборонительной стратегии советского руководства к стратегии экспансии, ибо в годы Второй мировой войны чересчур тонка была грань, отделяющая два эти явления, чтобы можно было ощутить, где и когда начинается одно из них и кончается другое. Известный польский историк Эугениуш Дурачиньский попытался решить эту задачу. По его мнению, переход СССР от политики «расширения территории» к созданию «внешней империи» (точнее было бы сказать — внешнего кольца), т. е. системы зависимых государств в Восточной Европе, происходил уже в ходе Второй мировой войны. Он даже называет точную конкретную дату — лето 1944 г., объясняя такую метаморфозу стремлением Советского Союза стать супердержавой¹¹⁰. Возможно, он прав в том смысле, что создание советской системы защитного вала в самом деле начиналось с Польши, являвшейся стержневым элементом всей конструкции. Внимания и поддержки заслуживает попытка польского ученого сойти с проторенной дорожки ангажированной историографии, объявляющей восточноевропейскую политику Москвы изначально и неизменно имперско-империалистической, его стремление объективно и дифференцированно подходить к разным этапам советской политики, видеть ее эволюцию, различать эти этапы. Среди отечественных историков существует точка зрения, согласно которой политика советского руководства на заключительном этапе войны исходила из необходимости обеспечения национально-государственных интересов, разумеется, как это понималось советскими лидерами, — создания своеобразной «советской зоны безопасности» по всему периметру границ СССР в Европе, а не из стремления осуществить «экспорт революции»¹¹¹.

Впоследствии на трансформацию позиции СССР по трансильванскому вопросу важнейшее влияние оказали как чисто политические, конъюнктурного характера интересы СССР, так и соображения геополитические. После 23 августа 1944 г., когда Румыния перешла на сторону союзных держав, а Венгрия продолжала оставаться союзником Германии и ожесточенно сопротивлялась наступающей Красной Армии, предпочтение было отдано варианту передачи Трансильвании Румынии взамен гарантий тесного сотрудничества с СССР и полного отказа Бухареста от претензий на Бессарабию и Северную Буковину.

Однако ошибочно было бы считать, что судьба Трансильвании была предопределена заранее, прежде всего в связи с предвзятым подходом Советского Союза к Венгрии, его особой враждебностью к этой нации¹¹². Вопрос оставался открытым и ввиду почти полного отсутствия в Москве информации относительно проектов, которые к этому времени были разработаны в США и Великобритании.

Настороженность в кругах наркоминдела вызвало явное предпочтение, отдававшееся британскими экспертами созданию из Трансильвании самостоятельного государства «в качестве члена Дунайского Союза» в составе Венгрии, Румынии и Трансильвании. К сожалению, мы не располагаем источниками, подтверждающими либо отвергающими часто цитируемое в исторических сочинениях заявление Э. Бенеша «со ссылкой на якобы данное тов. Сталиным 4 декабря 1943 г. согласие, — как говорится в служебной записке НКВД, — на передачу Трансильвании Румынии»¹¹³. И все же некоторыми сведениями по этому вопросу мы располагаем.

После пребывания в декабре 1943 г. в Москве президент Чехословакии Э. Бенеш в январе следующего года посетил Алжир. Там он встретился с Шарлем де Голлем и рассказал ему о своей беседе со Сталиным, состоявшейся 18 декабря 1943 г. Запись этого разговора в настоящее время находится в архиве Министерства иностранных дел Франции в личном фонде Мориса Дежана, тогдашнего представителя Комитета Национального Освобождения в Лондоне. Как следует из вышеназванного документа, по словам Э. Бенеша, затронувшего вопрос о венгеро-румынских отношениях, «он получил от Сталина заверения, что в случае раздела Трансильвании Россия будет на стороне Румынии. Румыния в свою очередь отдаст ей Бессарабию в качестве компенсации за ту часть территории, которую она потеряла в результате Венского арбитража, последовавшего после Мюнхена» (курсив наш — *Авт.*)¹¹⁴.

К сожалению, проверить идентичность содержания записи беседы Бенеша с оригиналом авторам не представляется возможным, так как, по непонятным нам причинам, документы, касающиеся переговоров Бенеша со Сталиным, тщательно скрываются архивными чиновниками. И все же можно полагать, как следует из вышесказанного, что в 1943 г. Сталин допускал раздел Трансильвании между Румынией и Венгрией.

Несмотря на неоднократные наши попытки их получить, каждый раз следовал отказ от руководства Архива внешней политики РФ, в то время как во Франции документы находятся в открытом доступе.

27 марта 1944 г. Красная Армия форсировала реку Прут и вступила на территорию Румынии. 2 апреля 1944 г. советское правительство заявило: «Красная Армия в результате успешного продвижения вперед вышла на реку Прут, являющуюся государственной границей СССР. Этим положено начало полного восстановления советской государственной границы, установленной договором между СССР и Румынией в июне 1940 г., вероломно нарушенным в 1941 г. румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией...»¹¹⁵. Заявление было адресовано не столько правительству Румынии, сколько союзным правительствам. Советское руководство давало понять Западу, что считает вопрос о Бессарабии и Северной Буковине для себя решенным и не подлежащим обсуждению с кем-либо.

В заявлении подчеркивалось, что «вступление советских войск в Румынию диктуется исключительно военной необходимостью» и что Советский Союз «не преследует приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя»¹¹⁶. Такова была официальная версия. И не более того. Для малых стран Восточной Европы наступали новые времена, и было бы наивно ожидать, что Кремль с самого начала оповестит мир об истинных своих намерениях в примыкающем к его границам регионе, если бы даже таковые имелись. Одно было совершенно очевидно, что руководство СССР использует все доступные средства, чтобы закрепиться в регионе в качестве решающего военно-политического фактора. Определенная и немаловажная роль в этой стратегии отводилась и Трансильвании.

Важность Трансильвании в осуществлении перспективных планов утверждения советского влияния в этой части Балкан вполне отчетливо сознавала армейская верхушка. В пространном донесении от 15 июня 1944 г., присланном в ЦК КПСС из штаба 2-го Украинского фронта, указывалось: в Румынии Трансильвания считается «колыбе-

лю румынской нации», и тот человек, который добьется возвращения Северной Трансильвании, «станет решающим фактором румынской внутренней политики». Этим человеком легко мог стать влиятельнейший оппозиционный лидер румынской политической сцены Юлиу Маниу. В таком случае, не без основания предсказывал автор аналитического, как бы сегодня сказали, донесения, люди Маниу сделают все, чтобы «умалить [роль] СССР в этом важном вопросе» и приписать англичанам и американцам всю заслугу уточнения условий перемирия в пользу Румынии¹¹⁷.

Трансильвания — разменная монета в борьбе за власть. Молниеносный Яско-кишиневский прорыв советских войск вывел из войны румынского сателлита. Более того, проявив дальновидность, Румыния сразу же примкнула к Объединенным Нациям и смогла внести свой военный вклад в победу союзников в Европе. 27 августа Москва подтвердила согласованные еще в апреле 1944 г. условия перемирия. Спустя 2 дня, 29 августа, в советскую столицу прибыла официальная делегация Румынии. Делегацию возглавил видный деятель коммунистической партии Лукрециу Патрашкану, что, надо признать, было неплохим тактическим ходом со стороны нового руководства Румынии. Полномочные представители трех союзных держав тщательно обсуждали каждый из пунктов проекта Соглашения о перемирии. 4 сентября на одном из заседаний союзников предметом дискуссии стали «Замечания Правительства Его величества к проекту Советского правительства перемирия для Румынии». Содержание статьи проекта Соглашения о Трансильвании англичане предложили выделить и оформить в виде отдельной декларации¹¹⁸. Смысл предложения сводился к тому, чтобы отложить решение территориального вопроса до мирной конференции, ибо англичане полагали, что декларация является менее обязывающим документом, чем соглашение. Однако советской делегации и в этом важном вопросе удалось отстоять свою позицию, и проект был принят без изменений. В ночь с 12 на 13 сентября 1944 г. в Москве состоялась церемония подписания Соглашения о перемирии с Румынией, 19-я статья которого гласила: «Союзные правительства считают решение Венского арбитража не существующим и согласны на то, чтобы Трансильвания (*вся или большая часть*) была возвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании. Советское правительство согласно с тем, чтобы румынские войска в этих целях принимали участие в совместных действиях против Германии и Венгрии» (курсив наш. — *Авт.*)¹¹⁹.

Формулировка без единого изменения была включена в текст Соглашения о перемирии с Венгрией как часть 2-й статьи, по которой правительству Венгрии предписывалось вывести свои войска, жандармерию и гражданскую администрацию со всех территорий, присоединенных ею после 31 декабря 1937 г. Официальной церемонии подписания, состоявшейся в Москве 20 января 1945 г., предшествовало 2-дневное «совещание, посвященное обсуждению условий перемирия с Венгрией», как квалифицировал эту встречу делегаций 3-х союзных государств и побежденной Венгрии, открывая заседание председательствующий — советский нарком Молотов¹²⁰. Однако то, что происходило в эти три дня в особняке МИД в Спиридоньевском переулке, мало походило на совещание, скорее оно напоминало церемонию капитуляции, нежели дипломатическую процедуру в привычном смысле слова. Ни обсуждения, ни споров, ни дискуссий по тексту документа не было. В течение 2-дневных заседаний зачитывался текст довольно объемистого проекта Соглашения на двух языках — русском и венгерском¹²¹. Венгерской делегации (генерал Бела Миклош Дальноки, генерал Янош Вереш, секретарь делегации Иштван Балог) позволено было задать несколько вопросов, которые носили уточняющий характер. Даже глава делегации США посол Гарриман (в состав делегации США входил также американский дипломат и будущий историк Джордж Кеннан, тогда советник посольства) не задал ни одного вопроса. Не последовало ни одного замечания или вопроса также со стороны британской делегации, хотя англичане, как известно из предыдущего изложения, имели свои особые, отличные от советских соображения по вопросу о корректировке границы в пользу Венгрии с учетом этнического фактора¹²².

В последующий отрезок времени, от заключения Соглашений о перемирии с Румынией и Венгрией вплоть до мирной конференции в Париже летом 1946 г., сакраментальная оговорка в скобках (вся или большая часть) Трансильвании оказалась в эпицентре дипломатической борьбы, завязавшейся вокруг подготовки мирных договоров с побежденными бывшими гитлеровскими сателлитами — Румынией и Венгрией.

Однако присоединение Северной Трансильвании к Румынии осенью 1944 г. проходило совсем не так гладко, как предполагали те, кто подписал Соглашение о перемирии. Дело дошло до межэтнических столкновений.

Территория Северной Трансильвании была освобождена в ходе военных операций Красной Армией в сентябре–октябре 1944 г. В во-

енных действиях по освобождению Северной Трансильвании участвовали также 4-я и 1-я румынские армии, находившиеся в оперативном подчинении 2-му Украинскому фронту. Однако переход к мирной жизни был неожиданно прерван насильственными действиями хлынувших в освобожденные районы из Румынии чиновников и военизированных румынских формирований. Первые тревожные сигналы о беспорядках в трансильванских городах и населенных пунктах, оказавшихся во власти румын, стали поступать еще в октябре 1944 г. К началу ноября беспорядки, вызванные межэтническими стычками, приняли угрожающий размах. Дело дошло до кровавых столкновений между румынами и мадьярами¹²³.

Опьяненные успехом в борьбе с традиционным врагом, Венгрией, румынские националисты, потеряв чувство реальности, принялись жестоко мстить поверженному противнику в лице... мирного мадьярского населения.

В октябре 1944 г., во время переговоров в Москве о предварительных условиях перемирия с Венгрией венгерская делегация, которую возглавлял генерал Ф. Фараго, передала члену Комиссии по переговорам с советской стороны генерал-лейтенанту Ф.Ф. Кузнецову две вербальные ноты от 14 и 23 октября, в которых содержалась просьба к трем Союзным державам «принять необходимые меры к тому, чтобы венгерское население на эвакуируемых территориях было спасено от зверств, совершаемых членами румынской организации „Волонтеры“ (добровольцы. — *Авт.*) д-ра Юлиу Маниу»¹²⁴.

Созданные в начале октября 1944 г. в качестве вспомогательных частей румынской армии полувоенные добровольческие отряды получили название «Гвардии Маниу», поскольку это имя было своеобразным символом принадлежности Трансильвании Румынии. Уроженец края Юлиу Маниу еще во времена Франца Иосифа Габсбурга был одним из лидеров ирредентистского (сепаратистского) движения трансильванских румын за присоединение области к Румынии, а в октябре 1918 г. возглавил Национальный совет трансильванских румын. Когда преступные деяния «гвардейцев», гордо носивших его имя, получили широкую огласку, послужившую причиной «новой национальной катастрофы» (именно так воспринималось упразднение румынской администрации в Северной Трансильвании), вождь оппозиции и лидер крупнейшей Национал-царанистской партии (НЦП), разумеется, отмежевался от этих военизированных отрядов. В письмах к высокопоставленным советским лицам он клялся, что не только не имел никакого отношения к «гвардии Маниу», но не давал сво-

его согласия на это название. Как бы то ни было, имя Маниу было использовано: во главе «гвардии» стоял некий Гаврил Олтяну, объявивший себя родным племянником лидера НЦП, каковым на самом деле не являлся¹²⁵.

В официальной же румынской версии говорилось о нападениях «венгерских националистов», в том числе и с применением огнестрельного оружия, на гражданских лиц и чиновников-румын¹²⁶. Если бы дело заключалось лишь в этом, то, вероятно, не было бы никакой нужды маршалу Малиновскому использовать такое чисто политическое средство с неясными перспективами, как упразднение румынской администрации на освобожденной территории Северной Трансильвании. Сил и средств у командования фронтом было достаточно, чтобы подавить в зародыше любые акции отдельных мадьяр-националистов. Между тем в октябрьские дни 1944 г. демократическая печать Румынии была полна сообщений о жестокостях и насилиях, совершавшихся в Северной Трансильвании фашистскими и полуфашистскими элементами. Не исключено, что левая бухарестская пресса, желая дискредитировать вождя оппозиции, пристрастно расписывавшая лишь эксцессы со стороны «гвардейцев Маниу», была тенденциозна. На это, в частности, указывает Ульрих Бургер, специалист по румынской истории из ФРГ¹²⁷. Конечно же, не христианская любовь и отнюдь не пролетарский интернационализм и братская солидарность с угнетенными мадьярскими трудящимися руководили в большинстве случаев бухарестскими газетчиками левого толка, а трезвый политический расчет в острейшей тогда борьбе за власть. Двух мнений на этот счет не может быть.

Достаточно убедительным представляется содержащееся в секретном донесении представителя советского НКВД в Контрольной комиссии по Румынии А.А. Лаврищева от 14 сентября 1945 г. категорическое утверждение: «Отряды трансильванских „добровольцев“ Маниу систематически устраивали провокации и вооруженные столкновения в Трансильвании»¹²⁸. А 4 октября на заседании правительства в Бухаресте министр внутренних дел докладывал о насильственных акциях полувоенных отрядов «гвардии Маниу» в отношении мирного венгерского населения, о резком обострении межнациональных отношений.

Более чем вероятно, что не только мадьяры подвергались нападениям в ходе столкновений, спровоцированных «славными гвардейцами». Однако отдельные случаи аналогичных действий венгров не дают оснований «делить вину поровну», чтобы сохранить позицию мнимого «беспристрастного» наблюдателя. В связи с подобным раз-

витием событий и опираясь на статью Соглашения о перемирии, согласно которой в тылу Красной Армии в радиусе 50–100 км от линии фронта действовала советская военная администрация, 16 октября 1944 г. советское командование отдало распоряжение румынским властям оставить город Клуж, освобожденный 12 октября 1944 г., что и было сделано¹²⁹.

Румыния была потрясена и шокирована. Не зверствами и насилием, а тем, что только что отвоеванная часть Трансильвании уплывала из рук. «Общественное мнение Румынии очень чувствительно в отношении того, что касается вопроса о Трансильвании. Задержка, происшедшая в установлении румынской администрации в этой провинции — мученице венгерского господства, вызвала в Румынии глубокое уныние, которое является резким контрастом тому энтузиазму, с которым вся страна встретила справедливость Советского Союза и других союзных государств, когда эти государства признали незаконным венский „Диктат“». С этими словами 15 ноября 1944 г. обратился к находившемуся в тот момент в Румынии первому заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому не кто иной, как вождь оппозиции Ю. Маниу¹³⁰.

Новые властители края не смогли обеспечить действительный порядок.

В памятный для румын день 12 ноября маршал Родион Малиновский именем Союзной Контрольной Комиссии дал указание правительству Санатеску немедленно очистить территорию от румынской администрации во главе с национал-царанистом Ионелем Попом. Маршал заявил, что не намерен терпеть беспорядки в непосредственном оперативном тылу своих наступающих армий.

Стоит отметить, что еще до обнародования приказа Малиновского советские офицеры на местах решительно пресекали не только бесчинства пресловутых «гвардейцев», но и самоуправство органов власти румынского государства. Так, 19 октября военный комендант Клужа (Коложвара), главного города Трансильвании, где проживало значительное венгерское население, приказал румынской полиции в течение трех часов покинуть город. В ноябре после выдворения румынской администрации советскими оккупационными органами были назначены новые главы местной администрации (префекты), среди которых было немало мадьяр.

В румынской, а также отчасти и в западной литературе существует мнение, что население Северной Трансильвании, в котором преобладал мадьярский элемент, пользовалось большей политической сво-

бодой, чем другие области Румынии. Современная венгерская историография также позитивно в целом оценивает деятельность советской военной администрации в Северной Трансильвании. Это дает основание утверждать, что в данном случае советское руководство проявило способность учитывать национальную специфику освобожденной провинции страны.

Изгнание румынской администрации и оперативные действия комендатур Красной Армии в защиту венгерского населения были столь эффективны, что послужили поводом к усилению симпатий к СССР и сепаратистских настроений не только среди мадьярского, но и румынского населения провинции. В докладе Клужского областного комитета компартии, подготовленном для ЦК РКП, говорилось о том, что «существует, и довольно сильное настроение обоих народов, но в особенности среди рабочих в пользу присоединения края к СССР», которые говорят: «Довольно кидали Трансильванию с одной стороны на другую». «Они хотят независимую Трансильванию, которая, имея общую границу с Советским Союзом, включилась бы в Советский Союз»¹³¹.

Решительные действия советских властей в Северной Трансильвании в ноябре 1944 г. можно расценивать по-разному¹³² — и как реализацию макиавеллистского принципа «разделяй и властвуй», и как проявление идеологии пролетарского интернационализма или, просто жалости, милосердия, человечности. А может быть, и то, и другое, и третье, вместе взятое.

За преступления хортистских властей, совершенные в крае в течение четырех лет — с 1940 по 1944 г., расплачивалось мирное венгерское население. Даже современный историк, оглядываясь назад, основываясь на действительных событиях октября–ноября 1944 г., указывает, что в Румынии «ненависть к венгерскому меньшинству была широко распространена»¹³³. Нетрудно догадаться, что оно отвечало взаимностью.

Руководство компартии Румынии летом 1945 г., уже после того, как обстановка нормализовалась и страсти более или менее улеглись, констатировало, что в эксцессах повинны представители обеих национальностей, заняв тем самым достаточно удобную и безопасную для себя позицию: блокировались возможные обвинения со стороны ВКП(б) в недостаточной верности принципам пролетарского интернационализма¹³⁴.

Из Москвы, однако, вся румыно-венгерская ситуация смотрелась несколько по-иному, что и объясняет решительные действия совет-

ских военных властей по обузданию в первую очередь одной стороны, а именно румынской. Как бы то ни было, ноябрьская акция советской стороны, действительно, спасла венгерское население от погромов и расправ. Характерно в этом смысле заявление отнюдь не сентиментального Вышинского, сделанное в ответ на жалобы военного министра Румынии по поводу действий венгерских чиновников (увольнение румынских учителей и т. д.). Выслушав министра, Вышинский признал чрезвычайную сложность национального вопроса в Румынии и добавил: «Сейчас необходимо выиграть венгерское меньшинство для румынского государства»¹³⁵. Упомянутый выше немецкий исследователь Ульрих Бургер на этом основании говорит об особом расположении советских властей в это время к мадьярам¹³⁶.

Тем не менее не было, на наш взгляд, достаточных оснований считать проводившуюся тогда в Трансильвании советскими органами национальную политику «провенгерской», как это делает немецкий коллега. Отдельные поблажки в пользу мадьярского меньшинства вполне укладывались в отвечавшую национально-государственным интересам СССР политическую стратегию советской державы на пороге Балкан на завершающем этапе войны.

В то же время более обоснованным и вполне разумным представляется принципиальный вывод У. Бургера о том, что «советская национальная политика внесла свой вклад в начало более совершенной интеграции венгерской этнической группы в румынском государстве. Проводившаяся до войны центральным румынским правительством дискриминация национальных меньшинств не должна была повториться». Московское руководство таким способом дало понять румынским коммунистам, что оно «не желает в будущем видеть обострения национального вопроса»¹³⁷.

Действия советских властей в Трансильвании в этой накаленной взаимной ненавистью обстановке не правомерно, как нам кажется, рассматривать, только сквозь призму интересов Советского руководства.

В момент издания распоряжения Р.Я. Малиновского Северная Трансильвания находилась буквально на пороге гражданской войны, которая неминуемо обернулась бы национальной катастрофой для мадьяр. Политические соображения румынского правительства, несомненно, присутствовали в том, что на руководящие посты в большинстве случаев назначались румыны. Магистрат Клуза возглавлял румын, хотя по численности мадьярский элемент в городе существенно преобладал над румынским¹³⁸. В начале 1945 г. лишь в трех из

одиннадцати округов префектуры возглавлялись мадьярами. Как правило, им позволяли быть вице-бургомистрами либо начальниками местных полицейских участков с преимущественно венгерским населением. Иными словами, о каких-то особых привилегиях мадьяр в Северной Трансильвании в период с ноября 1944 по март 1945 г. не приходится говорить. Вряд ли можно считать «особыми привилегиями» физическую защиту граждан мадьярской национальности от насилия или привлечение их к работе в муниципалитетах вместо пришедших бухарестских чиновников.

Дорвавшиеся до власти в Трансильвании новые правители Румынии не решались поставить перед союзниками вопрос о поголовном выселении мадьяр, как это пытались сделать несколько позднее чехи и словаки со «своими» мадьярами. В этом состояло принципиальное различие национальной политики в отношении венгров, проводившейся в конце войны в Чехословакии и Румынии. Роднило же их общее и нескрываемое негативное отношение к венграм как бывшим угнетателям словаков и румын. Не удивительно, что рецидивы радикального метода как наиболее эффективного способа избавления государства от нежелательного инационального элемента имели место и в Румынии. В описываемое нами время, т. е. осенью 1944 г., в штаб 2-го Украинского фронта поступали многочисленные жалобы на выселение мадьяр, носивших немецкие фамилии. Такие жалобы были направлены на имя маршала Малиновского, в частности, от бургомистров Клужа и других городов¹³⁹. Факты подобных выселений мадьяр под видом немцев были подтверждены в обращении членов ЦК КПВ к советскому командованию, в котором робко говорилось об «искажениях в деле выселения немцев» (курсив наш. — Авт.)¹⁴⁰.

Подводя итоги событиям осени 1944 г., необходимо еще раз подчеркнуть: советское военное присутствие в Северной Трансильвании и временный режим, установленный там советскими оккупационными властями в конце 1944 — начале 1945 г., несомненно, явились спасением для фактически беззащитного мадьярского меньшинства. Сталин не только пресек румынские безобразия, но и позволил правительству Румынии установить свою власть в крае при условии проведения там терпимой национальной политики¹⁴¹. И даже гарантий от румын потребовал, о которых, правда, в Москве больше никогда ни разу не вспомнили. Однако при обсуждении проектов мирного договора с Румынией в 1945–1946 гг. Молотов и Вышинский последовательно отвергали всякие попытки делегатов США и Анг-

лии включить в текст договора особую статью о защите национальных меньшинств.

Следствием введения советской администрации было резкое возрастание политической активности венгерского населения. Возобновила свою деятельность достаточно сильная еще в межвоенное время коммунистическая организация, возникли новые левые и демократические союзы и объединения. В работе самого крупного из них — Демократического союза венгерских трудящихся в Румынии (МАДОС), созданного еще в начале 1930-х гг., уже в первые месяцы принимали участие около 150 тыс. человек¹⁴². Согласно данным органов НКВД, в марте 1945 г. более половины членов РКП в Трансильвании (из 5 тыс.) составляли мадьяры¹⁴³.

МАДОС пользовался наибольшей популярностью среди этнических мадьяр в Румынии. По мнению членов Британской военной миссии, венгров в коммунистические и другие левые организации влекло стремление заручиться поддержкой советских властей в борьбе за интересы венгерского меньшинства¹⁴⁴.

Уже в середине октября 1944 г. Петру Гроза, виднейший лидер демократического лагеря, не коммунист, одна из колоритнейших фигур на румынской политической сцене, уроженец Трансильвании, свободно владевший и венгерским языком, прямо указал на основную причину сложившегося в крае напряженного положения. Независимо от мотивов, которыми он руководствовался при этом, в качестве главной причины он назвал национальную политику правительства Румынии. Это важное признание заслуживает внимания историка, если даже допустить, что элемент межпартийной борьбы за власть присутствовал при этом. Правительство Санатеску, предупреждал П. Гроза, не способно решить проблему национальностей в Румынии. К тому же оно не может рассчитывать на поддержку СССР, поскольку не пользуется его доверием¹⁴⁵.

Отсюда следовал логический вывод — лишь одно правительство, а именно правительство левого фронта, может вернуть «в лоно отечества» вождеденную Трансильванию целиком. Так разъяснил без обиняков собственную позицию сам Петру Гроза уже в январе 1945 г.¹⁴⁶

Коммунисты, конечно же, не упустили случая повернуть дело в свою пользу. Один из руководителей КПР Василе Лука, только что вернувшийся в страну из коминтерновской эмиграции, прямо заявил: Северная Трансильвания войдет только в «демократическую Румынию», т. е. только в случае радикального поворота в политическом строе государства¹⁴⁷.

Позицию компартии он сформулировал так:

«1. Северная Трансильвания в настоящее время не принадлежит ни Венгрии, ни Румынии, хотя условия перемирия... не признают венский диктат и обещают Румынии целиком или большую часть. Тот факт, что правительство Демократического блока (имеется в виду правительство, пришедшее к власти 23 августа 1944 г. — *Авт.*) не соблюдало условий перемирия, не выполнив даже самые элементарные требования этого перемирия, привел к сегодняшнему положению в Северной Трансильвании.

2. Администрация, назначенная бухарестским правительством, вместо того, чтобы быть подлинно демократической, которая соблюдала бы равные права для национальностей, живущих в Северной Трансильвании, была, как известно, по своим действиям колониционная, реакционная, и освободительная советская армия не могла этого допустить»¹⁴⁸.

После упразднения румынской власти на севере Трансильвании в политических кругах, как и среди общественности страны, проявилась неуверенность в отношении восстановления румынского суверенитета в Трансильвании. Сложилось убеждение, сохранявшееся вплоть до подписания мирного договора, что возвращение края в целостности отнюдь не гарантировано румынам. Впрочем, оно проявилось еще до ноябрьских событий 1944 г. Сразу же после подписания перемирия в Москве румынская делегация с нескрываемым беспокойством выразила свою озабоченность Авереллу Гарриману относительно того, как будет интерпретироваться советским правительством положение Соглашения, в частности, по Трансильвании¹⁴⁹. Вопрос отнюдь не был праздным.

Правовым основанием для установления румынской администрации послужило постановление Государственного Комитета Оборона от 10 апреля 1944 г. в связи с вступлением Красной Армии на территорию Румынии за подписью И.В. Сталина, в котором говорилось: «При вступлении Красной Армии на территорию Румынии для обеспечения порядка в занятых Красной Армией районах руководствоваться следующим: 1. Общее руководство делом организации и контроля за осуществлением гражданского управления на всей освобожденной советскими войсками территории Румынии возложить на Военный Совет 2-ого Украинского фронта генерал-лейтенанта танковых войск И.З. Сусайкова. 2. Имея в виду, что вступление советских войск в Румынию диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, кроме целей сломить и ликвидировать про-

должающееся сопротивление войск противника, в занятых Красной Армией районах Советов и органов Советской власти не создавать: сохранить без изменения все существующие в этих районах румынские органы власти и существующую в Румынии систему экономического и политического устройства... 3. Необходимые мероприятия по поддержанию общественного порядка на занятой советскими войсками румынской территории осуществлять через местную румынскую администрацию под контролем и наблюдением командования Красной Армии. 4. В каждом уездном и волостном центре, а также в наиболее крупных населенных пунктах Румынии, занятых советскими войсками, приказом соответствующего Военного командования назначаются военные коменданты. Военный комендант осуществляет необходимые мероприятия, исходя в первую очередь из интересов Красной Армии, через существующие органы местной власти. 5. Военный комендант устанавливает в населенных пунктах должный режим, соответствующий условиям военной обстановки... 6. В каждом уездном и волостном центре, а также в наиболее крупных населенных пунктах по усмотрению Военного командования устанавливаются военные гарнизоны из состава войск НКВД или частей Красной Армии...»¹⁵⁰.

Таким образом, как следует из вышеизложенного постановления ГКО, на освобожденной территории Румынии сохранялась или устанавливалась вновь, в зависимости от лояльности к Красной Армии, румынская гражданская администрация. Но, поскольку Северная Трансильвания не являлась на тот момент ни формально, ни фактически румынской территорией, то здесь в любой момент мог быть установлен особый режим советской военной администрации, как уже об этом говорилось выше¹⁵¹. Поэтому так уверенно действовали командование Красной Армии и прибывший 8 ноября 1944 г. в Бухарест А.Я. Вышинский, потребовавший ликвидировать румынское административное управление на территории Трансильвании в связи с обострением там этнических конфликтов. 11 ноября он встречался в курортном городе Синае, расположенном в Карпатах, с королем Михаем. Мы не располагаем документами о содержании их беседы, но документы российских архивов дают основание полагать, что среди прочих вопросов речь шла и о ликвидации румынской администрации на территории Северной Трансильвании¹⁵². 12 ноября 1944 г. в Бухаресте состоялось совещание А.Я. Вышинского с Председателем Совета министров Румынии генералом Константином Санатеску. Напомним, что за неделю до этого, 4 ноября 1944 г., под нажимом румынских

коммунистов, поддержанных советскими представителями СКК, произошла реорганизация румынского правительства. Хотя пост премьер-министра сохранил за собой представитель двора генерал Санатеску, позиции коммунистов значительно укрепились. В политических интересах как рычаг нажима на правительство был использован территориальный вопрос. На заседании 12 ноября 1944 г. А.Я. Вышинский заявил о нарушении условий перемирия, в частности статьи 19-й по Трансильвании. Он заявил, что ему известно о появлении в Трансильвании вооруженного отряда, «который чинит самоуправные преступные действия» и именуется «отрядом имени Маниу». «Начальник этого отряда, — по словам Вышинского, — заявил, что не будет подчиняться Советскому командованию»¹⁵³. Однако, несмотря на заявление вице-преьера румынского правительства П. Грозы о том, что лидер национал-царанистской партии не давал разрешения этому отряду называться его именем и правительство намерено «расследовать этот случай» и «расформировать этот фашистский отряд», а «командира этого отряда нужно арестовать», это несколько не повлияло на решение советского руководства установить в Трансильвании советскую военную администрацию. «Статья 19 Соглашения не вызывает никакого сомнения, — подчеркнул А.Я. Вышинский. — Здесь говорится, во-первых, что решение Венского арбитража считается несуществующим и что союзные правительства согласны с тем, чтобы Трансильвания или большая ее часть была возвращена Румынии. Однако порядок, время, сроки возвращения Трансильвании должны были быть установлены организованным порядком, а не односторонне и произвольно»¹⁵⁴.

При этом им были четко сформулированы три основных обвинения:

1. Разбой и насилие над лицами венгерской национальности.
2. Угроза тылу Красной Армии в связи действиями вооруженных бесконтрольных румынских отрядов.
3. Отсутствие «самого серьезного и важного условия для реализации решения советского правительства по Трансильвании» — правительства, с преобладанием в нем представителей левых сил¹⁵⁵ (прежде всего коммунистов), т. е. которое было бы полностью подконтрольно Москве (выделено нами. — *Авт.*).

Разумеется, наведение порядка в прифронтовой полосе, каковой осенью 1944 г. являлась вся территория Трансильвании, являлось безусловной военной необходимостью, так же как и недопущение эксцессов на национальной почве. Однако вместе с тем у советского ру-

ководства также была иная цель, перспективная и не столь бескорыстная, достижение которой позволяло Советскому Союзу утвердить свое полное влияние в Румынии. И Трансильвания для Москвы была средством, а не целью. Поэтому в речах и заявлениях полномочного представителя Москвы упор делался не на упущения румынских властей в освобожденной Трансильвании, а на неспособность правительства Румынии реализовать условия перемирия¹⁵⁶. Попросту говоря, управлять страной. Правительство, неизменно именуемое коммунистической печатью «реакционным», следовало заменить, причем немедленно, демократическим, левым и... руководимым коммунистами. Приведение к власти прокоммунистического правительства и было главной целью очередного визита советского замнаркома в Бухарест. Этой цели служил также подрыв позиций сильнейшей буржуазной партии Румынии — Национал-царанистской во главе с Маниу, сначала в Трансильвании, а затем и повсеместно.

С введением советской военной администрации в крае произошло массовое увольнение руководителей местных учреждений и замена их новыми из числа коммунистов или сочувствующих им. Эту работу успешно проводило Политуправление 2-го Украинского фронта¹⁵⁷. «После отступления и изгнания всей администрации, посланной румынским правительством, на территории Северной Трансильвании... — говорилось в донесении от 4 декабря 1944 г. Политуправления фронта в Главное Политуправление Красной Армии, — нам удалось укомплектовать примарии, префектуры и полицию, поставив во главе их честные демократические элементы (например, в целом ряде сел)»¹⁵⁸ и ликвидировать в Трансильвании все группы бандитов, именовавших себя «гвардейцами» Ю. Маниу¹⁵⁹.

Просьбы и заявления лидеров политических партий Румынии, в частности председателя НЦП Ю. Маниу, остались, естественно, без ответа со стороны советского руководства¹⁶⁰.

«Сталин и Молотов, — пишет немецкий исследователь Ульрих Бургер, — поняли стратегическое значение спорной территории, решив использовать ее для того, чтобы побудить добиться смены правительства в Румынии и ее разрыва с державами оси»¹⁶¹.

В таком же ключе интерпретируется и другими западными историками эпизод с изгнанием из Северной Трансильвании румынских чиновников и введением советской военной администрации в ноябре 1944 г.¹⁶²

Таким образом, советская политика в Трансильвании отнюдь не исчерпывалась только лишь стремлением Москвы использовать си-

туацию в своих целях¹⁶³. Каковы бы ни были мотивы, которыми правительство СССР руководствовалось в то время, оно сыграло безусловно положительную роль в демократизации политического строя Румынии и Венгрии и своими решительными действиями положило конец бесчинствам «гвардейцев Маниу» в Трансильвании¹⁶⁴.

Надо отдать должное дипломатическому искусству советского руководства — оно отлично использовало в своих целях неточность, неопределенность, неясность и нечеткость формулировки статьи 19 Соглашения о перемирии и о передаче Румынии Трансильвании «всей или большей части» края, которая оставляла место для разного рода противоречивых спекуляций. Вопрос о возвращении Румынии Северной Трансильвании служил Кремлю эффективнейшим средством манипулирования политической жизнью Румынии в один из самых ключевых и ответственных моментов ее новейшей истории. Не менее искусно оно использовало также неконкретность ряда положений Соглашения о перемирии с Венгрией, 2-я статья которого обязала Венгрию вывести свои войска и гражданскую администрацию из всех территорий, занятых ею после 31 декабря 1937 г. В ней, однако, не были указаны ни сроки эвакуации, ни очередность ее реализации, поскольку венгерские войска стояли на территории трех соседних государств — Румынии, Чехословакии и Югославии. В руководящих кругах Советского Союза уже в начале 1945 г. сложилось мнение, что Венгрия должна выполнять взятые по статье 2 обязательства «в первую очередь в отношении оккупированных в свое время территорий Югославии и Чехословакии, поскольку вопрос о возвращении этих территорий спора не вызывает» (подчеркнуто, синим карандашом, вероятно, Деканозовым. — *Авт.*). Споров и возражений со стороны Венгрии и великих держав не было. Были, однако, поползновения со стороны Югославии (так, Югославская делегация во главе с Хебрангом на приеме у Сталина 9 января 1945 г. потребовала присоединения к Югославии города Печ, Бая и некоторых других районов Южной Венгрии) и, в особенности, Чехословакии. И даже со стороны еще не оформившейся в государство Австрии.

В конце декабря 1944 г. или в начале января 1945-го в 3-м Европейском отделе МИД был подготовлен документ (дата не обозначена), озаглавленный «Подготовка Мирного Договора с Венгрией» с перечнем вопросов, подлежащих проработке, в том числе и территориальных. В нем содержалась рекомендация изучить вопрос о границах Венгрии с Румынией, в том числе «вопрос о Трансильвании, границы Венгрии с Югославией, в свете претензий Югославии на район

города Печи, придунайские области, а также претензия Австрии на г. Шопрон и венгерские претензии на часть Бургенланда» (курсив наш. — Авт.)¹⁶⁵. Из этого документа следует, что в венгерском случае в 1944–1945 гг. речь шла не только о «возврате к прежним границам». Победители, к которым были причислены Югославия и Чехословакия, собирались предъявить Венгрии дополнительно новые территориальные требования. Лидировал в этом Э. Бенеш, президент Чехословакии. Не довольствуясь основным своим территориальным требованием о передаче Чехословакии еще 5 чисто венгерских населенных пунктов в излучине Дуная южнее Братиславы, никакого отношения ни к чехам, ни словакам не имеющих, Прага настойчиво добивалась права на проведение через всю Западную Венгрию железных и шоссейных дорог для того, чтобы связать две славянские страны напрямую через чужую территорию¹⁶⁶. Югославы вежливо и благоразумно отклонили соблазнительный на первый взгляд, но потенциально опасный с точки зрения будущей стабильности региона проект.

Не имело территориальных претензий к растерзанной Венгрии лишь одно соседнее государство. Этим государством был Советский Союз, новый сосед Венгрии, ставший им в результате, можно сказать, транзакции, благодаря договору Сталина с Бенешом. Ни получающая сторона, СССР, ни передающая сторона, в лице правительства второй Чехословацкой республики, которая так и не успела вступить снова во владение Подкарпатьем после освобождения края, разумеется, не удосужились поинтересоваться мнением Будапешта насчет этого довольно-таки странного способа урегулирования территориальных вопросов — что-то вроде приема-сдачи недвижимости. Несмотря на то, что Закарпатье (Подкарпатье) к моменту прихода Советской Армии являлось территорией Венгрии¹⁶⁷. В связи с подготовкой проекта мирного договора с Венгрией Наркомат по иностранным делам рекомендовал «обратить особое внимание на изучение советско-венгерской границы, которая устанавливается впервые в связи с присоединением к Советскому Союзу Закарпатья»¹⁶⁸.

Не поддержала корыстную идею Бенеша (создание в западной части Венгрии коридора, который бы соединил Югославию с Чехословакией) ни одна из великих держав, даже Советский Союз, стремившийся стать покровителем зарубежного славянства. Все же политический представитель СССР в Венгрии, впоследствии посол, Г.М. Пушкин не отказал себе в удовольствии «прощупать» на этот счет югославских друзей. На следующий же день после беседы с че-

хом он встретился с представителем Югославии при СКК в Будапеште Цицмилом и изложил ему сногшибательный чехословацкий проект. В ответ тот заявил, что «предложение чехов относительно строительства железной дороги и автострады он считает неприемлемым для Югославии, так как последняя сейчас заинтересована не столько в улучшении связей с Чехословакией, сколько в восстановлении своей страны»¹⁶⁹.

Возвращение Северной Трансильвании Румынии. Позиция советского внешнеполитического ведомства по трансильванскому вопросу была уточнена в записке двух высокопоставленных сотрудников НКВД, С. Базарова и И. Лаврова, адресованной в середине сентября 1945 г. замнаркома В.Г. Деканозову. «Что же касается Сев. Трансильвании, — указывалось в записке, — территория которой (вся или большая ее часть) была обещана союзниками Румынии, то поскольку *вопрос о принадлежности этой территории пока окончательно не решен* и подлежит „утверждению при мирном урегулировании“ (ст. 19 Соглашения о перемирии с Румынией), то, пока продолжается война против Германии, вопрос о порядке и сроках отзыва из всей или только какой-либо части Сев. Трансильвании венгерской администрации *должен будет решен с учетом, в первую очередь наших интересов*» (курсив наш. — Авт.)¹⁷⁰.

Надо отдать должное политическому искусству советской стороны. Трансильванская «карта» была успешно разыграна кремлевским руководством в целях установления в Румынии подконтрольного СССР правительства. 28 ноября 1944 г. генерал-полковник В.П. Виноградов в письме к Председателю Совета министров Румынии К. Санагеску указал, что «время и способ установления румынской администрации на территории Северной Трансильвании должен быть решен посредством переговоров между правительствами Советского Союза и Румынии»¹⁷¹.

Между тем Москва несколько не спешила с переговорами по этому поводу, тем более с передачей румынам Северной Трансильвании. Мотивы очевидны: «...вопрос о передаче Румынии Северной Трансильвании должен являться *важнейшим рычагом воздействия на румынское правительство* не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и в *области проведения им внутренней и внешней политики*», — отмечалось в письме наркома иностранных дел РСФСР А.И. Лаврентьева от 26 декабря 1944 г. А.Я. Вышинскому (курсив наш. — Авт.)¹⁷².

Передаче края Румынии решительно воспротивилось также высшее военное руководство СССР. В другом письме к Вышинскому от 31 декабря Лаврентьев сообщал: исходя из чисто военных соображений Генеральный штаб Красной Армии пришел к заключению, что «передача в настоящее время Северной Трансильвании для нас не выгодна» (подчеркнуто нами. — *Авт.*)¹⁷³. Одной из главных причин, побудивших Генштаб занять подобную позицию, было стремление иметь в своих руках эффективный рычаг давления на союзную румынскую армию. «Совместно с Красной Армией сражаются две Румынские армии, которые по заявлению тов. Штеменко, воюют плохо и стимулом для них сейчас является предстоящая передача Северной Трансильвании. Если этого стимула не будет, то румынская армия будет сражаться еще менее эффективно», — говорилось в письме¹⁷⁴ (курсив наш. — *Авт.*). Лаврентьев счел необходимым также обратить внимание Вышинского на то, что «в записке о Трансильвании, составленной Комиссией тов. Литвинова в июле м-це с.г. (речь идет, вероятно, о справке от 5 июля 1944 г., о которой мы упоминали выше. — *Авт.*), не было дано ответа на вопрос о том, *какая именно часть Северной Трансильвании должна быть возвращена Румынии, учитывая этническую сторону этой области»*¹⁷⁵ (курсив наш. — *Авт.*). Этот важнейший для мадьярского меньшинства в Румынии и для венгерской нации в целом вопрос, к сожалению, не получил в дальнейшем ответа. Однако существенно уже то, что он поднимался в конкретной обстановке и, став предметом оперативных решений, ставился теми ответственными сотрудниками советского НКВД, которым пришлось им заниматься конкретно и вплотную. Однако он был обойден вниманием Комиссии Литвинова, в многочисленных справках которой по каким-то неизвестным нам причинам нет ни единой рекомендации насчет реализации упомянутой нами неоднократно части фразы статьи 19 Соглашения о перемирии. Одну из причин такого «невнимания» можно, предположительно, связать с неясностью, неопределенностью и даже двусмысленностью изначальной формулировки той части статьи, которая была заключена в скобки («Трансильвания, *вся или большая ее часть*» передается Румынии) (курсив наш. — *Авт.*).

Косвенное подтверждение этой гипотезы содержится в одном из пунктов приведенного выше письма, в котором его автор, Лаврентьев, обращает внимание Вышинского на возможность произвольного, по существу, толкования 19-й статьи. Для ясности этого вопроса приведем этот пункт рекомендаций советского дипломата полностью:

«2. Статью 19-ю Соглашения о перемирии, в которой признается несуществующим Венский Арбитраж, с точки зрения юридической можно толковать так, что вся Северная Трансильвания до мирного урегулирования должна быть передана Румынии, не считаясь с этническим характером этой области, поскольку этой статьей не признается отторжение Северной Трансильвании от Румынии. Понятно, что часть уездов Сев. Трансильвании при первой передаче могла бы пока не возвращаться, если в этих уездах имелась особая заинтересованность Красной Армии по мотивам военного порядка»¹⁷⁶ (выделено нами. — Авт.). Обращают на себя внимание три момента: во-первых, возможность *различной интерпретации Соглашения о перемирии с Румынией, т. е. международно признанного документа*, во-вторых, прямая рекомендация при решении пограничных проблем *полностью игнорировать этнический принцип*, подчинив его военной необходимости. В-третьих, советская сторона в качестве запасного варианта могла бы, вероятно, использовать и этнический принцип. Однако, как следует из письма Лаврентьева, накануне приезда правительственной делегации в Москву в январе 1944 г. Вышинский дал ему указание о подготовке проекта решения ГКО по передаче Румынии Северной Трансильвании. На основании указания высшего советского руководства Генеральный штаб Красной Армии разработал проект предложений по этому вопросу¹⁷⁷. Можно с высокой степенью определенности считать, что все эти мероприятия были связаны с предстоявшим тогда визитом в Москву румынской делегации во главе с коммунистом Г. Георгиу-Дежем.

4 января на загородной даче И.В. Сталин принимал Г. Георгиу-Дежа, Анну Паукер и Г. Апостола, и там снова был поднят вопрос о Трансильвании.

К сожалению, мы не располагаем записью беседы И.В. Сталина с румынской делегацией. Но упоминание о ней есть в дневнике Георгия Димитрова. Сталин, как явствует из записи от 4 января 1945 г., «дал совет румынской делегации, чтобы она убеждала политические силы Румынии, что, если будет создано правительство Национально-демократического фронта, то СССР поможет, чтобы Трансильвания была румынской»¹⁷⁸. Таким образом, восстановление румынской власти в Трансильвании в данный момент стало центральной проблемой всей внутривнутриполитической жизни страны и напрямую зависело от того, кому, какой партии, каким политическим силам удастся добиться благоприятного исхода политической борьбы и, следовательно, каким будет режим в послевоенной Румынии. Трансильванский вопрос

оказался в фокусе одного из острейших в послевоенной румынской истории политических кризисов. Введение военной администрации в Северной Трансильвании в ноябре 1944 г. позволило СССР использовать вопрос о принадлежности Трансильвании в качестве инструмента для оказания воздействия на политическую борьбу в Румынии.

Любопытно, что советская сторона до самого последнего момента затягивала с решением вопроса. При этом Москва не торопилась не только с прекращением действий советской военной администрации в Северной Трансильвании, но и с выводом из края венгерской администрации, которая, как указывалось в письме советского политического представителя в Венгрии Г.М. Пушкина, «была признана нашими военными властями». При установлении сроков «отзыва венгерской администрации из северной Трансильвании», писал советский дипломат, «надо исходить из того, какую позицию занимают как румынское, так и венгерское правительства в вопросе выполнения условий перемирия»¹⁷⁹.

Этим можно объяснить отсутствие полной ясности в вопросе о том, какую именно часть Северной Трансильвании следовало отдать Румынии, несмотря на сакраментальную 19-ю статью. «В настоящее время нет материалов, которые могли бы дать определенный ответ, какую часть Северной Трансильвании следовало бы отдать Румынии и какую часть — Венгрии» (выделено нами. — *Авт.*). Так оценивалась ситуация в письме к Вышинскому компетентного в проблемах балканского региона А.И. Лаврентьева от 26 декабря 1944 г.¹⁸⁰. Сомнения в интерпретации 19-й статьи полностью в пользу Румынии возникли не только в связи с событиями в Трансильвании, но и с тем, что в Венгрии в это время к власти пришло лояльное Кремлю, сформированное фактически в Москве Временное национальное правительство. Это обстоятельство меняло, по-видимому, и подходы правительства СССР к решению трансильванской проблемы. Это почувствовали и в Бухаресте, и румыны выразились по этому поводу более определенно, чем московские дипломаты. Напомним, если российский нарком Лаврентьев рекомендовал Комиссии «специально заняться» трансильванским вопросом, то Клужский обком РКП сделал вполне конкретные выводы: «...после ухода румынских властей, естественно, что после создания демократического правительства в Венгрии, Северная Трансильвания должна быть под руководством этого правительства», — писал секретарь обкома КПР Н. Гольдбергер в докладе ЦК РКП, копия которого была направлена в

Политотдел СКК в Румынии, а оттуда А. Вышинскому и В. Зорину¹⁸¹ (выделено нами. — *Авт.*).

Но как только стараниями А. Вышинского к власти в Бухаресте пришло угодное Москве правительство, надобность в дальнейшем сохранении венгерской администрации тотчас же отпала. 5 марта ночью, через день после того, как король отказался утвердить список министров, представленных П. Грозой, последний сообщил королю о следующих обещаниях СССР в случае утверждения его кабинета: возвращение Северной Трансильвании, восстановление румынского контроля над транспортной системой, «мягкое» применение условий перемирия. Эти обещания были подкреплены, в свою очередь, угрозой Вышинского, что в противном случае он едва ли может отвечать за то, что Румыния сохранится как независимое государство¹⁸².

6 марта 1945 г. под прямым нажимом советского правительства и лично Вышинского, находившегося в кульминационный момент политического кризиса в румынской столице, король и поддерживавшие его консервативные силы, уступив давлению Москвы, вынужден был утвердить правительство во главе с Петру Грозой, лидером Фронта Земледельцев. Уроженец Трансильвании, Гроза поддерживал тесные связи с демократическими кругами Венгрии и Трансильвании; последние, в свою очередь, выступали в его поддержку. Приход к власти Петру Грозы, убежденного в том, что Трансильвания должна быть между двумя народами «не стеной», их разделяющей, «а мостом, призванным объединить румын и мадьяр», коренным образом изменил ситуацию. 8 марта новый премьер направил Сталину телеграмму, в которой сообщил об обязательствах правительства Румынии «заботиться о защите прав национальностей Трансильвании»¹⁸³. Одновременно выражалась просьба восстановить власть румынского государства на этой территории. Ответ Москвы последовал мгновенно; в телеграмме Сталина, в частности, говорилось: «Принимая во внимание, что вступившее ныне в управление страной румынское правительство берет на себя ответственность за должный порядок и спокойствие на территории Трансильвании и обеспечение прав национальностей, а также условий правильного функционирования всех местных учреждений, обслуживающих нужды фронта, Советское правительство постановило ходатайство румынского правительства удовлетворить»¹⁸⁴. 9 марта 1945 г. И.В. Сталин дал указание командующему 2-м Украинским фронтом Р.Я. Малиновскому о допуске в Трансильванию администрации нового румынского правительства¹⁸⁵. 13 марта 1945 г. в г. Клуже, главном административном и политическом

центре Трансильвании, состоялось празднование установления румынской политической администрации в Северной Трансильвании, на котором присутствовали новый премьер-министр правительства П. Гроза, король Румынии Михай, советские представители А.Я. Вышинский и генерал-полковник И.З. Сусайков. Английские и американские представители отказались от поездки в г. Клуж, сославшись на то, что ими не были получены санкции от своих правительств. Руководством исторических партий это было расценено как демонстрация отрицательного отношения англо-американцев к правительству Петру Грозы и действиям советских представителей в Румынии, хотя руководители трансильванских царанистов и либералов, испросив разрешения у Петру Грозы на допуск их делегаций на торжества в Клуже, приняли в ней участие¹⁸⁶.

Левый в тогдашних условиях кабинет Грозы в самом деле нуждался в поддержке извне, и прежде всего в трансильванском вопросе. Как уже указывалось выше, само образование этого правительства стало возможным в известной мере благодаря тому, что управление Северной Трансильванией было передано Румынии Советским Союзом. Хотя бухарестские правители публично восторгались «великодушным актом» советского правительства, на самом деле вопрос далеко еще не был решен. Об этом, кстати, напомнило заявление от 12 марта 1945 г. на пресс-конференции государственного секретаря США Стеттиниуса о том, что восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании не меняет ее международного статуса. Не оспаривали этого и советские дипломаты, признававшие, что введение румынской администрации не является обязательным для заключения мирного договора.

Можно с уверенностью сказать, что смена кабинета в Бухаресте весной 1945 г., результатом которой было установление в Румынии просоветского режима, и наступившее охлаждение в советско-венгерских отношениях сыграли не последнюю роль в окончательном решении трансильванского вопроса в пользу румын. Так же как и неблагоприятный с точки зрения Москвы расклад политических сил в Венгрии после ее освобождения и особенно после парламентских выборов в ноябре 1945 г.

Трезво оценивая ситуацию, правительство в Будапеште считалось с почти неизбежной возможностью того, что Венгрия, потеряв все свои территориальные завоевания 1938–1940 гг., будет неминуемо отброшена к границам, установленным в Трианоне в 1920 г. Но все

же оно сохраняло надежды на некоторое, частичное улучшение трианонских границ в свою пользу. Руководители венгерской дипломатии даже полагали, что «Венгрия во многих отношениях находится в таком же положении, как и Румыния. Более того, шансы Румынии во многом хуже, чем наши (Румыния бросила в военный поход против России существенно больше вооруженных сил¹⁸⁷; а в отношении западных держав, которым она обязана всем, оказалась неблагонадежной; Румыния на все сто процентов обслужила Третий рейх, а в важнейших внутри- и внешнеполитических вопросах не оказала германскому давлению даже такого сопротивления, какое ему оказала Венгрия...»)»¹⁸⁸. Магьяры были убеждены, что между Румынией и Советским Союзом существуют серьезные противоречия (о «конflikте интересов» говорилось в документе МИД Венгрии), каковых, по их мнению, у СССР с Венгрией не было. Венгерские аргументы были небезосновательны, но на деле они оказались менее эффективными, чем традиционная гибкость румынской внешней политики, ее способность приспосабливаться к обстановке и выходить из весьма затруднительных положений. Кроме того, венгерское руководство уповало на растущую мощь и влияние на мировое развитие североамериканского колосса, на его поддержку за столом мирных переговоров. Влиятельный и информированный венгерский дипломат, начальник Отдела по подготовке к миру венгерского МИД Иштван (Стефен) Кертес пишет: «При подготовке к переговорам о мире в ходе войны и после ее окончания Венгрия исходила из того, что *на мирной конференции решающую роль будут играть Соединенные Штаты*» (курсив наш. — Авт.)¹⁸⁹. Иллюзорными оказались, как показал дальнейший ход событий, и эти надежды.

В первые месяцы после освобождения страны Красной Армией либерально-демократическая общественность еще тешила себя надеждой, что страна, порвав с прошлым, найдет себя в новой, находившейся в процессе бурных общественных преобразований Средней Европе. Люди верили, что освобожденные Советской Армией малые страны смогут найти ту форму объединения, которая поможет им совместно преодолеть националистическое прошлое, устранить взаимную ненависть и вражду, которые принесли всем народам без исключения одни только бедствия. Велика была вера в Советский Союз, в его добрые намерения, в то, что СССР окажет содействие малым странам в их усилиях создать приемлемую для всех форму объединения в виде федерации или конфедерации, — *modus vivendi*, который бы не противоречил провозглашенным коммунистическими партия-

ми благородным идеям. Летом 1945 г. венгерская печать широко обсуждала цели установления в регионе мира, демократии, добрососедства. Газеты «Вилаг» («Világ»), «Киш Уйшаг» («Kis Újság») и другие неподконтрольные коммунистам органы печати ратовали за создание Дунайской конфедерации. Все эти попытки найти выход из сложившейся ситуации, однако, вызвали «здоровую» подозрительность всегда бдительных сотрудников «группы политсоветника» СКК, на которых была возложена задача следить за тем, чем «живет и дышит» демократическая пресса освобожденной Венгрии. Политическую оценку выступлениям венгерской печати на тему федерации они дали в своем «Обзоре будапештских газет за август месяц 1945 г.». Вот, что мы читаем в этом отчете: «Выступая формально (?! — *Авт.*) за мир и добрососедское сожительство „демократических народов Дунайского бассейна“, определенные круги проанглийского толка (!!), почему не проамериканского? — *Авт.*) вынашивают идею объединения стран Дунайского бассейна под покровительством Англии и, стало быть, отрыв их от влияния СССР. Учитывая ключевое положение Венгрии в Дунайском бассейне, они рассчитывают на руководящую роль в этом объединении»¹⁹⁰.

Венгерское правительство оказалось в чрезвычайно трудном положении уже с момента подписания московского Соглашения о перемирии 20 января 1945 г. Венгрии было предписано отвести свои войска с территорий, приобретенных в 1938–1941 гг., и восстановить границы, существовавшие до 31 декабря 1937 г. Левые партии, в первую очередь, конечно, коммунисты, заняли «пораженческую» позицию, как бы сказали старые большевики ленинского призыва.

Территориальные постановления обеих перемирий (т. е. и статью 19 Соглашения о перемирии с Румынией о передаче ей «Трансильвании или большей ее части», и статью 2 Соглашения о перемирии с Венгрией от 20 января 1945 г.) левые восприняли как руководство к действию, развернув мощную пропагандистскую кампанию за то, чтобы внедрить в общественное сознание не только неизбежность, но и необходимость безоговорочного принятия венгерской нацией «второго Версальско-трианонского диктата». Вкупе с социал-демократами Венгерская компартия объявила шовинизмом не только всякую попытку ревизии «трианонских» границ, но и стремление к защите прав венгерского национального меньшинства в соседних государствах. Конечно, так считали не все. Йозеф Реваи, влиятельный идеолог КПВ, был одним из немногих политиков в Венгрии, который, трезво оценив положение, понял и осознал, что ни на малейшее улучшение

условий мира страна шансов не имеет. Правительство, говорил он, выступая на парламентской комиссии по иностранным делам, должно «сосредоточить все наши усилия на установлении, укреплении и усилении наших культурных, духовных и экономических связей с оставшимися за нашими границами венгерскими меньшинствами»¹⁹¹.

Национал-демократическую концепцию развивал Иштван Бибо, видный деятель Национальной крестьянской партии, человек с широким кругозором, интеллеktуал и оригинальный мыслитель. Он принимал в это время активное участие в работе по подготовке материалов для предстоявшей мирной конференции. В известном своем эссе «Убожество малых восточноевропейских государств» Бибо развивал мысль о том, что стабильность в регионе может быть достигнута путем установления «границ не по линии исторических границ, а по линии языковых границ и что все прочие критерии — географические, экономические, стратегические, транспортные и бог знает еще какие... при их масштабном применении станут источником величайших бед»¹⁹².

Однако при сложившейся в конце войны ситуации и соотношении сил, и главное, в условиях нарастающих расхождений между членами Большой тройки шансов на проведение границ на справедливой основе объективно было не много.

Статья 19 Соглашения о перемирии 20 января 1945 г., фиксировавшая отказ Венгрии от всех территориальных приобретений 1938–1939 гг. и аннулирование решения второго Венского арбитража, включала, как уже указывалось, специальную оговорку о том, что «вся Северная Трансильвания (или значительная ее часть) возвращаются Румынии». Эта оговорка оказалась в центре дипломатической борьбы между СССР, с одной стороны, и Англией и США — с другой, связанной с подготовкой мирных договоров. Ухватившись за эту формулировку, венгерская дипломатия повела отчаянную борьбу за улучшение территориальных статей условий мира. С самого начала стало очевидно, что битва за Трансильванию проиграна Венгрией, ибо среди великих держав в общем и целом было полное согласие в том, что решение второго Венского арбитража о присоединении к Венгрии Северной Трансильвании подлежало отмене. Речь могла идти лишь о несущественных исправлениях довоенной границы в пользу Венгрии согласно этническому принципу. На этом настаивали представители США и Англии. Их настойчивость в этом вопросе, все их попытки облегчить участь Венгрии, однако, обесценивались молчаливым признанием ими кардинальной важности принципа приори-

тета Советского Союза в решении вопросов, касающихся примыкающих к его границам стран Восточной Европы. Короче говоря, закреплением региона за СССР как сферы его влияния. Все это было предопределено и формально зафиксировано в текстах Соглашений о перемирии как с Румынией, так и с Венгрией.

Проектировщикам послевоенной советской стратегии Румыния, естественно, виделась в более выигрышном свете, чем Венгрия. Вчитываясь в документы, убеждаешься в том, что в планах Советского Союза Румыния особо и неизменно выделялась из всех государств балканского полуострова. Отчего же она, эта страна, так полюбилась кремлевским стратегам? Этого до конца не понять, если рассматривать вопрос только в рамках треугольника СССР — Румыния — Венгрия. Решение вопроса кроется прежде всего в сложившейся стратегической и геополитической ситуации в Центральной и Юго-Восточной Европе на завершающем этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы.

В расчет принимались, как уже говорилось выше, прежде всего представления внешнеполитического ведомства СССР и соответственно кремлевского руководства о геополитических и идеологических интересах советской державы, направленных на установление контроля над Восточной Европой путем создания по периметру границ Советского Союза пояса дружественных государств, с тем чтобы навсегда исключить возрождение в будущем антисоветских проектов, подобных печально знаменитому антантовскому «санитарному кордону» межвоенного периода. По замыслам советского руководства Румынии предстояло играть приоритетную роль в концепции формирования «советской зоны безопасности». Поэтому не этнический и не исторический факторы принимались во внимание при решении государственной важности внешнеполитических вопросов, а политический прагматизм в чистейшем виде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Campus E. Din politica externă a României. 1913–1947. București, 1980. P. 561–563.*

² *Ibid.*

³ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000. С. 21.

⁴ Нам абсолютно не понятны мотивы некоторых весьма уважаемых будапештских коллег, побудившие их вновь вернуться к этой нелепой, шитой буквально белыми нитками провокационной акции венгерских и германских

спецслужб, заинтересованных в том, чтобы втянуть Венгрию в войну против СССР, и как можно скорее. Венгерские историки, исследующие проблему, не задаются элементарным вопросом: а зачем СССР нужно было открывать против себя новый фронт?

⁵ *Romsics Ignác*. Magyarország története a XX. században. Budapest, 2000. 250. old.

⁶ *Dombrádi Lóránd*. Hadsereg és politika Magyarországon 1938–1941. Budapest, 1986. 226. old.

⁷ См.: *Желицки Б.Й.* Регент Миклош Хорти (1868–1957) // ННИ. 1996. № 3. С. 187–236. В биографическом очерке — почти единственном в русскоязычной научной литературе — предпринята попытка отойти от традиционных чисто негативных представлений советской историографии об этом государственном деятеле и его роли во время Второй мировой войны. Автор, как представляется, больше преуспел в освещении позитивных моментов в жизни и деятельности этого человека, чем в части критического анализа. Хотя думается, что в общей оценке Хорти все же перевешивает его «вклад» в национальную катастрофу. Регент и формально и фактически ответствен за все то, что произошло с Венгрией в последней войне, больше, чем любой другой венгерский политик.

⁸ Ивану Михайловичу Майскому, послу в Лондоне, пришлось еще настойчиво просить и уговаривать Черчилля объявить войну Финляндии, — именно о ней шла речь в первую очередь, а не о Румынии или Венгрии — даже после ультиматума. Британский премьер собирался дожидаться формального ответа, а после этого еще «проконсультироваться со Сталиным, прежде чем объявить войну Финляндии». «Я со всей энергией, — доносил посол в Москву, — стал возражать против дальнейших проволочек, и Черчилль в конце концов сказал: „Ну что ж, если Сталин этого хочет, мы объявим войну Финляндии, Румынии и Венгрии“». См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1957. Т. 1. С. 47. Цит. по: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. М., 1989. С. 182–183. Док. № 73: Телеграмма посла СССР в Великобритании в Народный комиссариат иностранных дел СССР 5 декабря 1941 г.

⁹ См.: *Наринский М.М., Филитов А.М.* Советская внешняя политика в годы Второй мировой войны. М., 1999. С. 69–70.

¹⁰ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945... С. 182.

¹¹ См.: *Ржешевский О.А.* К истории англо-советского договора // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995. С. 139–142.

¹² СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 127.

¹³ Там же. С. 137.

¹⁴ *Franklin D. Roosevelt Library. Hyde Park. Adolf A. Berle Papers. Box 214. Diary. May 2, 1942. Цит. по: Amerikai béketervek a háború utáni Magyarországról. Az Egyesült Államok Külügyminisztériumának titkos iratai 1942–1944. Typovent. Gödöllő, 1992. 20. old.; Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). The Conference of Cairo and Teheran. 1943. Washington, 1961. P. 880.*

¹⁵ Эта же формулировка о том, что советское правительство считает не вполне обоснованным состоявшееся под диктовку Германии в Вене 30 августа так называемое третейское решение о передаче Венгрии Северной Трансильвании, точно, слово в слово, приводится в записке К. Новикова (советника замнаркома НКВД Деканозова) от 24 декабря 1943 г. См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 74.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. подробнее: *Карасев С.А. Балканы в военно-политических планах США 1941–1943 годов // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003. С. 106–107; Орлик И.И. Империалистические державы и Восточная Европа. 1945–1965. М., 1968. С. 14–112; Amerikai béketervek a háború utáni Magyarországról. Az Egyesült Államok Külügyminisztériumának titkos iratai. 1942–1944. 280. old.*

¹⁸ *Карасев С.А. Указ. соч. С. 113–115.*

¹⁹ Сам эрцгерцог во время войны несколько раз встречался с президентом Рузвельтом и по просьбе последнего изложил свои взгляды на будущее устройство Средней Европы в специально написанной им статье в ведущем вашингтонском журнале. См.: *Otto of Austria. Danubian Reconstruction // Foreign Affairs. January 1942. В феврале 1943 г. по уполномочию американского правительства А. Даллес встречался в Швейцарии с князем М. Гогенлоэ. Речь шла о Дунайской конфедерации. См.: Орлик И.И. Указ. соч. С. 16.*

²⁰ *Churchill Winston S. The Second World War. London, 1985. Vol. IV. P. 717.*

²¹ *Pax Britannica. Wartime Foreign Office Documents Regarding Plans for a Postbellum East Central Europe / Ed. Ban Andras. Boulder, Col., 1997. P. 170–171.*

²² *Kertész Stephen. The Last European Peace Conference. Paris, 1946. Conflict of Values. N. Y.; L., 1985. P. 8.*

²³ *FRUS. The Conference of Cairo and Teheran. P. 880. См. также: Churchill Winston S. The Second World War. London, 1985. Vol. IV. P. 355.*

²⁴ *Чубарьян А.О. Советское руководство и некоторые проблемы европейской интеграции в начале 50-х годов // История европейской интеграции (1945–1994) / Под ред. А.С. Намазовой и Б. Эмерсон. М., 1995. С. 113.*

²⁵ *АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 1. А. Кларк Керр — В.М. Молотову. 9 октября 1943 г. С. 13, 1а. См. также: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945... С. 79–80. Цит. по: Наринский М.М., Филитов А.М. Указ. соч. С. 80.*

26 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 1–2.

27 Там же. Л. 3–4.

28 Там же.

29 Там же. Л. 44.

30 Там же. Л. 70. Стоит отметить, что всю эту секретную информацию Деканозов получил от британского поверенного в делах в Москве Дж. Бальфура. «Коварный» англичанин не стал делать тайны из того, что правительство Румынии «рассчитывает на сотрудничество с англо-американскими силами» и готово будет предоставить значительные ресурсы в их распоряжение», как только США и Великобритания появятся у границ Румынии. См.: Там же. Л. 68.

31 «Напрашивается мысль, — писал Н.В. Новиков, — что «Англичане стараются не допустить прямых переговоров представителей советской миссии с представителями румынской миссии в Стокгольме». «Дело в том, — писал он далее, — что в настоящее время монополия переговоров находится в руках англичан и американцев. Что говорят они румынам, мы не знаем. В каком свете они представляют отношение Советского Союза к Румынии, мы тоже не знаем» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 73–74. На документе напротив этой фразы по правому полю имеется следующая помета: «Тов. Молотову В.М. Согласен с изложенными соображениями т. Новикова. В. Деканозов. 24.XII.43»).

32 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 28, 30. Письмо А. Кларка Керра Молотову от 15 сентября 1943 г.

33 Там же. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 73–74.

34 16 декабря болгарин Горанов в очередной раз попросил сотрудника советника посольства СССР Спичкина о встрече с румынским посланником Нану, хотя бы только для того, чтобы выслушать точку зрения правительства Румынии. Тот отказался от встречи наотрез! На следующий день болгарский посредник передал конфиденциальное сообщение посла Румынии о предстоящем прибытии в шведскую столицу специального представителя М. Антонеску, настойчиво прося непременно встретиться с ним 18 декабря, подчеркнув, что «иначе последняя возможность будет упущена». И снова последовал отказ. См.: Там же. Л. 74.

35 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 30. В письме посла Кларка Керра Молотову от 15 сентября 1943 г. со ссылкой на сообщение прибывшего в Лиссабон эмиссара Бухареста говорилось: «...румынское правительство теперь уверено, что страны „оси“ проиграли войну, и оно готово на безоговорочную капитуляцию, но не знает, какие практические шаги должны быть приняты для осуществления этого». См.: Там же.

36 Там же.

37 Там же. Л. 74.

38 Конкретно речь шла о расширении компетенции созданной на Московской конференции 1943 г. для подготовки условий перемирия с Италией

Военно-политической комиссии. На эту комиссию предлагалось возложить те же функции по подготовке перемирий с Румынией и всеми другими сателлитами.

³⁹ «Мне кажется, — писал советник МИД К. Новиков, — что румыны прекрасно понимают, что значит безоговорочная капитулировать, но их могут интересовать два вопроса, которые они хотели бы предварительно согласовать с союзниками, в том числе и с СССР. По обоим этим вопросам можно дать ответы, удовлетворяющие и нас и румын и тем самым ускорить капитуляцию Румынии, что несомненно отвечает нашим интересам» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 9. Д. 201. Л. 74).

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 363. Л. 1–2.

⁴¹ Там же. Л. 35–36.

⁴² Там же. Л. 49.

⁴³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 38, 42.

⁴⁴ Там же. Л. 51–53, 57. Слово «безусловно» было вставлено в проект письма, направленного на просмотр Сталину.

⁴⁵ *Romsics Ignác. Magyarország története a XX. században. Budapest, 2000. 259. old.*

⁴⁶ *Контлер Л. История Венгрии. Тисячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 494–496.*

⁴⁷ *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 95.*

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 23. П. 111. Д. 1. Л. 1. Донесение от 23 февраля 1943 г.

⁴⁹ Информация в целом соответствовала истине. Андор Геллерт (1907–1990), юрист и политолог по профессии, появился в Стокгольме уже в 1942 г. с заданием наладить контакты с Западом. В 1945 г. эмигрировал в США. Он был сотрудником тесно связанного с венгерским МИД Института государственных наук, который в 1945–1946 гг. являлся головным научным учреждением-консультантом делегации Венгрии на конференциях МИД и Парижской конференции. Сотрудникам Института принадлежит авторство многих справочных материалов, связанных с подготовкой мирного договора для Венгрии, часть которых была издана в виде небольших брошюр.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 23. П. 111. Д. 1. Л. 1–2. Донесение от 23 февраля 1943 г.

⁵¹ *Böhm Vilmos. Válogatott írásai. Szerk. Szabó Éva és Szücs László. Budapest, 1997. 83. old.*

⁵² АВП РФ. Ф. 077. Оп. 23. П. 111. Д. 23. Л. 2–3. Донесение от 23 февраля 1943 г.

⁵³ См.: Там же. Об этом, в частности, писал Иден Майскому в связи со слухами о приезде в Лондон графа И. Бетлена, видного государственного деятеля, соратника правителя Венгрии М. Хорти.

⁵⁴ Документ подписан: «Пом. Зам. Наркома В. Бережков. Отв. референт 3-го Европ. Отд. Б. Гейгер». Надо полагать, что чиновники-исполнители либо выполняли прямые инструкции политического руководства НКВД, либо угадывали их смысл. Бела Гейгер был сыном венгерского эмигранта, участника революции 1919 г. в Венгрии.

⁵⁵ См.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов. М., 2000. С. 203.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 31. Д. 363. Л. 12.

⁵⁷ Там же. Ф. 0125. Оп. 26. П. 23. Д. 7. Л. 64–65.

⁵⁸ «Мы считаем разумеющимся, что, если мы того пожелаем, в Румынии могут быть британские и американские представители, подобно тому как вы имеете политических представителей в Италии», — говорилось в письме Черчилля (АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 26. П. 23. Д. 7. Л. 65).

⁵⁹ *Kovrig Bennett. Communism in Hungary. From Kun to Kadar.* Stanford, 1979. P. 72.

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 26. П. 23. Д. 7. Л. 65.

⁶¹ Еще в Стокгольме румынам в осторожной форме намекнули на возможность пересмотра решения второго Венского арбитража по Северной Трансильвании в качестве вознаграждения за переход на сторону союзников. Напомним, что, судя по документам, весной 1944 г. в Москве еще не сформулировалось мнение о передаче румынам *всей Трансильвании*. Тогда советское правительство считало лишь «не вполне обоснованным» «третейское решение о передаче Венгрии Северной Трансильвании».

⁶² На этом вопросе Штирбей останавливался почти в каждой беседе с советским послом. В беседе, состоявшейся 29 марта, Штирбей сказал: «Вопрос о Трансильвании очень дорог сердцу румын, и положительное его решение подняло бы дух румынской нации». В следующей беседе с послом он прямо спросил Новикова, «готово ли советское правительство дать заверения о ее возвращении». См.: Трансильванский вопрос... Док. 9. С. 232.

⁶³ Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 395–396.

⁶⁴ Трансильванский вопрос... С. 232.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М., 1997. Т. 1. 1944–1948. Док. 9. С. 58.

⁶⁷ Консультативный комитет во главе с К. Хэллом и его заместителем С. Уэллесом был создан в конце декабря 1941 г. по распоряжению, подписанному президентом Рузвельтом. Самыми важными из его шести подкомитетов были Политический и Территориальный. Одним из руководителей подкомитета по территориальным вопросам Консультативного комитета при Государственном департаменте США был Филипп Мосли (1905–1972), историк по образованию. После окончания Гарварда, он в начале 30-х гг. два года

находился в СССР, а в 1935–1936 гг. — на Балканах. Молодому профессору истории в эти годы довелось побывать и в Трансильвании.

⁶⁸ См.: *Белевич Е.В.* Об участии Народного комиссариата иностранных дел СССР в проведении подготовительной работы по программе послевоенного устройства мира // *Славяноведение*. 1996. № 3. С. 46–48; *Филитов А.М.* О комиссиях Наркоминдела // *Вторая мировая война...*; *Pechatnow O.V.* The Big Three after World War II. New Documents on Soviet Thinking about Post-War Relations with the United States and Great Britain // *Cold War. International History Project. Working Paper*. № 1. Washington. July 1995. На работу О.В. Печатнова внимание авторов обратил Л.Я. Гибианский, за что мы приносим ему благодарность.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 83.

⁷⁰ Там же. Л. 28

⁷¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Опубликовано в: «Источник». 1995. № 4; *Трансильванский вопрос... Док. 53*. С. 219–231; *Советский фактор в Восточной Европе. Документы*. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. Док. 1. С. 23–48.

⁷² *Трансильванский вопрос... Док. 53*. С. 223.

⁷³ Там же. С. 224.

⁷⁴ Там же. С. 228.

⁷⁵ Там же. С. 220.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 223–224.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Советский фактор в Восточной Европе. Документы*. Т. 1. Док. 1. С. 29, 30, 40, 41.

⁸⁰ В учредительном документе созданного 1 июня 1945 г. в МИД Венгрии Отдела по подготовке мира подчеркивалось, что в предстоящих переговорах о Мирном договоре Венгрия будет исходить из «возможностей реальной политики», отметив при этом, что будущее «не имеющих родственных народов Венгрии» нельзя представить без «теснейшего экономического и политического сотрудничества с крупнейшей континентальной державой, Россией». См.: *Magyar Országos Levéltár* (далее — MOL). Bé./O. XIX-7-J-I. A Külügyminisztérium Békélőkészítő Osztálya. (Bé./O).

⁸¹ *Белевич Е.В.* Указ. соч. С. 46–48.

⁸² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 20.

⁸³ АВП РФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 10. Д. 44. Л. 88; *Трансильванский вопрос... Док. № 55*. С. 236.

⁸⁴ АВП РФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 10. Д. 44. Л. 88; *Трансильванский вопрос... С. 236*.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ АВП РФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 10. Д. 44. Л. 90. См. также: *Juhász Gyula*. Magyarország külpolitikája 1919–1945. Budapest, 1988; *Balogh Sándor*. Magyar-

ország külpolitikája 1945–1950. Budapest, 1988; *Idem*. Parlamenti és pártarcok Magyarországon 1945–1947. Budapest, 1975; *Vida István*. Koalíció és pártarcok 1944–1948. Budapest, 1986; *Izsák Lajos*. A koalíció évei Magyarországon 1944–1948. Budapest, 1986.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 10. Д. 44. Л. 88.

⁸⁸ Там же. Л. 89. Но имея в виду советский план компенсации Польши за счет прусских земель, докладчик замечает: «...и тут мы не должны слишком увлекаться, помня, что будут случаи, когда придется нам выдвигать аргументы от истории, как, например, в нашем предложении о передаче Польше Восточной Пруссии и Еерхней Силезии». Яснее не скажешь. Типичный случай применения «двойных стандартов» в сходных исторических ситуациях.

⁸⁹ Трансильванский вопрос... Док. № 55, 56. С. 236–237, 239. В последние годы войны и в особенности после ее окончания повсюду в Европе, как грибы после дождя, стали возникать различные планы и проекты всевозможных федераций и конфедераций — Балканской, Дунайской и т. д. Эта была первая острая реакция малых народов на несчастья, обрушившиеся на них в ходе военного противостояния. Пришло осознание очевидной истины, что они стали легкой добычей Гитлера и Муссолини в результате своей разобщенности, вызванной многочисленными межнациональными и межгосударственными противоречиями. Объединение в рамках федерации или конфедерации тогда казалось возможным средством коллективной самообороны от будущих поползновений будущих Гитлеров и будущих Муссолини. Наиболее реалистическим представлялся план Балканской федерации, активно поддержанный маршалом Тито. Осторожный Сталин предусмотрительно, из чисто тактических соображений одно время не проявлял явных признаков антипатии к подобным проектам и не препятствовал их обсуждению. В Москве уже в 1944 г. зрела мысль об установлении в регионе — вопреки устному сговору с Черчиллем о «полюбовном» процентном разделе сфер влияния в Европе — прямой гегемонии без всяких федераций, которые могли стать лишь источником излишних хлопот для советского руководства. Подробнее о Балканской федерации см.: *Гибанский Л.Я.* Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг. // *Македония: Проблемы истории и культуры* / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1999; *Gibianskii Leonid*. Tito and Regional Balkan Arrangement. (Attempts of Integration at the Balkans) // *Self-determination: from Versaille to Dayton. Its Historical Legacy* / Ed. by H. Hutterbach and Francesco Privitera. Ravenna, 2000.

⁹⁰ АВП РФ Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 10. Д. 44. Л. 64, 83–90; Трансильванский вопрос... Док. № 56. С. 233–237.

⁹¹ Трансильванский вопрос... С. 236.

⁹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 44, 90.

⁹³ Там же. Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 10. Д. 44, 90.

⁹⁴ Там же. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 44.

⁹⁵ Там же. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 45; Трансильванский вопрос... Док. № 56. С. 238.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 239–240. Далее Суриц, нисколько не считаясь с многовековой историей трансильванского княжества, утверждал, что идея создания самостоятельного трансильванского государства якобы «не имеет исторических традиций».

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 47.

⁹⁹ Там же. «Нереальной и нереализуемой» назвал Суриц также идею венгеро-румынско-трансильванской федерации. В контексте того, что советское правительство выступало против создания федерации от Балтики до Черного моря, предлагавшейся Чехословакией и Польшей, появление одного из ее возможных звеньев, по мнению Сурица, не представлялось целесообразным.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. Д. 22. Л. 47–51; Трансильванский вопрос... Док. № 81. С. 312–317.

¹⁰³ Там же. Ф. 0512. 1944. Оп. 4. П. 24. Д. 207. Л. 1–3.

¹⁰⁴ *Исламов Т.М.* По поводу реакции в Румынии на книгу «Трансильванский вопрос. Венгерско-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов. М., 2000» // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 166.

¹⁰⁵ *Roman Valter.* File din trecut (Scrisoarea adresată lui M.M. Litvinov cu privire la Transilvania). Ediția militară. București, 1971. P. 255.

¹⁰⁶ *Исламов Т.М.* Указ. соч. С. 167.

¹⁰⁷ АВП РФ. Ф. 0512. 1944. Оп. 4. П. 24. Д. 105. Л. 1^а. Записка Е. Тарле.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ *Duracziński E.* Polska. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999. S. 201–202.

¹¹¹ Такое мнение, в частности, высказано в ряде последних работ Н.Д. Смирновой, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носковой, Т.В. Волокитиной.

¹¹² См.: Трансильванский вопрос... Док. № 55. С. 235.

¹¹³ Там же. С. 234.

¹¹⁴ Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Du fond de la Papiers d'agents. Archives privées. Papiers Maurice Dejan. 288. Vol. 36 (Jan. 1944). Correspondance officielle. Entretiens avec le président Benes lors de sa visite à Alger. P. 18.

¹¹⁵ Краткая история Румынии... С. 395.

¹¹⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. II. С. 105.

¹¹⁷ Российский государственный архив социально-политических исследований (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 247. Л. 14–37. Король Ми-

хай I в приказе по армии от 23 октября 1944 г. напутствовал солдат, указывая им воодушевляющую цель — водрузить над стенами Клужа победоносные штандарты румынской армии. См.: *Burger Ulrich*. Politische Zielsetzungen sowjetischer Nationalitätenpolitik in Nordsiebenbürgen vom Sommer 1944 bis zur Einsetzung der Regierung Groza // *Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde* 1999. Bd. 22. H. 1. S. 56.

¹¹⁸ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 32. П. 125. Д. 4. 1945. Л. 63. «Содержание этой статьи, — говорилось в британском документе, — лучше было бы изложено в форме отдельной декларации».

¹¹⁹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 26. П. 23. Д. 7. 1945. Л. 55. Документ опубликован в: *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. Т. II. С. 210.

¹²⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 23. 1945. Л. 17.

¹²¹ Текст в виде брошюр, отпечатанных типографским способом на русском, венгерском и английском языках, хранится в АВП РФ. См.: Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 23. Л. 28–34 — брошюра на русском, л. 35–41 — на английском, л. 42–52 — на венгерском языках.

¹²² Там же. Л. 27.

¹²³ Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 45; *Román Eric*. Hungary and Victor Powers, 1945–1950. London, 1996. P. 56.

¹²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 61. Д. 98. Л. 36–37, 53–59.

¹²⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3223. Л. 114.

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 177–190. В меморандуме, переданном румынскими властями представителям СССР, приводились факты о нападениях мадьяр на румынских граждан и чиновников в Северной Трансильвании. См.: Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 175–197.

¹²⁷ *Burger Ulrich*. Op. cit. S. 131.

¹²⁸ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. 1944. П. 7. Д. 42. Л. 11.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 185–186.

¹³⁰ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 5. П. 47. Д. 134. Л. 5–11.

¹³¹ Трансильванский вопрос... Док. № 68. С. 271.

¹³² *Burger Ulrich*. Op. cit. S. 60.

¹³³ *Ibidem*.

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 156.

¹³⁵ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 3. Л. 6–7.

¹³⁶ См.: *Burger Ulrich*. Op. cit. S. 63.

¹³⁷ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 3. Л. 6–7.

¹³⁸ *Kolar Othmar*. Rumänien und seine Minderheiten 1918 bis heute. Wien, 1997. S. 563.

139 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 13. Л. 2. В.Г. Деканозов — генералу армии А.И. Антонову, первому заместителю начальника Генштаба Красной Армии. 6 января 1945 г.

140 Там же.

141 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 133–134.

142 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 94. Л. 80.

143 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 158.

144 Public Record Office. PRO. 371/48549. London, Foreign Office. P. 131 26–28.

145 ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3223. Л. 105–106.

146 См.: *Roberts Henry I. Rumania. Political Problems of an Agrarian State.* New Haven, 1951. P. 260–263.

147 ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3223. Л. 151–152.

148 Трансильванский вопрос... Док. № 68. С. 271.

149 FRUS. Europe. 1944. V. IV. Washington. 1996. P. 236.

150 Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 4. С. 53–55.

151 Там же.

152 Восточная Европа в документах российских архивов. Док. № 24. С. 91.

153 Там же. С. 89–90.

154 Там же. С. 90.

155 См.: Трансильванский вопрос... Док. № 62, 69. С. 255, 286–287; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 135–138.

156 Трансильванский вопрос... Док. № 66. С. 267.

157 Там же. Док. № 68. С. 271.

158 Там же. «Чистка административного аппарата была произведена самым полным образом в Клуже и менее совершенно в других уездах, — говорилось в секретном докладе-отчете Клужского обкома ЦК КПП от 30 декабря 1944 г., подписанном уполномоченным ЦК Н. Гольдбергером, уроженцем Трансильвании, бывшим членом Социал-демократической партии Венгрии, — там, где было необходимо сменить примариев почти во всех уездах, смена производится...» (Там же. С. 276–277).

159 *Onișoru Gh. Statutul Nord-Vestului Transilvaniei: de la 23 august 1944 la 10 februarie 1947 // Acta Muzei pozolissensis. Zalău, 1995. P. 421.*

160 Там же.

161 *Burger Ulrich. Op. cit. S. 52; Он же. Zur politischen Lage in Nordsiebenbürgen im Herbst 1944 // Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde 1996/10.* См также: *Völkl Ekkehard. Rumänien. Vom 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart.* Regensburg, 1995; *Lahav Yehuda. Die Sowjetunion und die transylvanische*

Frage // Ungarn-Jahrbuch. 1979. Bd. 10. S. 266f; *Roman Eric*. Hungary and Victor Powers, 1945–1950; *Quinlan Paul D.* The United States and the Problem of Transylvania during World War Two // 100 years of American-Romanian Relations / Ed. Radu R. Florescu. Roma, 1984.

¹⁶² *Lahav Yehuda*. Die Sowjetunion und die transylvanische Frage // Ungarn-Jahrbuch. 1979. Bd. 10. S. 270–279.

¹⁶³ România, marele sacrificat al celui de-al doilea război mondial. Documente. V. I / Ed. Marin Radu Mocanu. București, 1994. P. 310–324.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 113. Д. 10. Л. 23. 1945. Л. 5–6. Авторы документа, очевидно, имели в виду австро-венгерские взаимные территориальные притязания, возникшие вследствие распада монархии.

¹⁶⁶ В беседе с Г.М. Пушкиным в Будапеште 5 июля 1945 г. представитель Чехословакии при СКК Крно поставил вопрос о постройке «специальной железной дороги и автострады на территории Венгрии по линии Братислава–Комаром–Секешфехервар–Байя–Нови Сад–Белград». При этом расходы по строительству на территории Венгрии они предлагали возложить на самих же венгров — частично, в счет будущих репараций! См.: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 113. Д. 10. Л. 10. 1945. Дневник Посла СССР в Венгрии Г.М. Пушкина. Запись 5 июля 1945 г.

¹⁶⁷ Подробнее о переходе Подкарпатской Руси во владение Венгерского королевства в 1938–1940 гг. см.: *Zseliczky Béla*. Kárpátálja a cseh és szovjet politika érdekerében. 1920–1945. Budapest, 1998.

¹⁶⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 113. Д. 10. Л. 23. 1945. Л. 5.

¹⁶⁹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 113. Д. 10. Л. 13. 1945. Дневник Посла СССР в Венгрии Г.М. Пушкина. Запись 6 июля 1945 г.

¹⁷⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Д. 23. 1945. С. Базаров, И. Лавров — В.Г. Деканозову. 26 февраля 1945 г.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 186.

¹⁷² Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест... Док. № 22. С. 65.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Трансильванский вопрос... Док. № 69. С. 287.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 458.

¹⁷⁹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 113. Д. 23. 1945. С. Базаров, И. Лавров — В.Г. Деканозову. 26 февраля 1945 г. «С этой точки зрения нам представляется, — писали далее авторы документа, — что в настоящих условиях нам было бы не выгодно и не желательно пока требовать выполнения Венгрией ст. 2 соглашения в части, касающейся отзыва венгерской администрации из

Северной Трансильвании. Такое наше требование к Венгерскому правительству в настоящее время оказалось бы на руку теперешнему Румынскому правительству, антидемократическая политика которого отнюдь не заслуживает одобрения с нашей стороны» (курсив наш. — *Авт.*).

¹⁸⁰ «В записке о Трансильвании, составленной в июле месяце с. г. Комиссией тов. Литвинова, не дано ответа на этот вопрос, в то время как теперь, когда образовалось Временное Национальное правительство Венгрии, к этому вопросу нужно подойти вплотную. Полагаю, что Комиссии тов. Литвинова следовало бы специально разработать эту тему», — говорилось в письме Лаврентьева (Трансильванский вопрос... Док. № 67. С. 268–269).

¹⁸¹ Трансильванский вопрос... Док. № 68. С. 271.

¹⁸² *Fülöp M.A. Sebestyén-misszió // Világtörténet.* Budapest, 1987. № 3. 143; FRUS. Diplomatic Papers. 1945. Europe. Vol. V. Washington, 1967. P. 503.

¹⁸³ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34^а. П. 153^б. Д. 4. Л. 113.

¹⁸⁴ Там же; Правда. 9 марта 1945 г.

¹⁸⁵ Авторы выражают свою признательность Т.В. Волокитиной за эту информацию.

¹⁸⁶ Трансильванский вопрос... Док. № 76. С. 299–300.

¹⁸⁷ *La Hongrie et la Conférence de Paris.* Budapest, 1947. V. I. P. 90. Участие венгерских войск в оккупации советских территорий, как по масштабам (территориальному охвату), так и по длительности, было менее значительным, чем румынская оккупация. К тому же румынская армия по численности намного превосходила венгерскую. В официальном письме Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории СССР, направленном в МИД СССР, сообщалось, что «венгерская армия в период 1941–1942 гг. находилась на территории Воронежской, Курской, Сталинградской областей и в 10 районах Черниговской области» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 113. Д. 13. 1945 г. Л. 80–81. Шверник — Деканозову. 28 февраля 1945 г.).

¹⁸⁸ MOL. Bé./O. XIX-7-J-Ia. A béketárgyalások békeelőkészítésének ideológiai alapjai. 1945. Vil. 2. См. также: *Balogh Sándor.* Magyarország külpolitikája 1945–1950. Budapest, 1988. 144–145. old.

¹⁸⁹ *Kertész István.* Magyar békeillúziók 1945–1947. Budapest, 1995. 12. old. Правда, венгерские руководители не могли знать о принятом осенью 1943 г. исключительной важности секретном решении Объединенного комитета начальников штабов армии США о том, что Соединенные Штаты не берут на себя обязательств в отношении Балкан, «включая Австрию» (Там же. 13. old.). Знал ли об этом Сталин? Ответа на этот интригующий исследователя вопрос доступные сегодня источники не дают.

¹⁹⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 114. Д. 20. Л. 7–8.

¹⁹¹ *Révai József.* A magyar demokrácia nemzeti jellege. Budapest, 1945. 12. old. Цит. по: *Balogh Sándor.* Magyarország külpolitikája 1945–1950. Buda-

pest, 1988. 137. old.; *Kertész István*. Magyar békeillúziók 1945–1947. Budapest, 1995. 216–217. old.; *Romsics Ignác*. Magyarország története a XX. században. Budapest, 2000. 145. old.

¹⁹² A keleteurópai kisállamok nyomorúsága // *Bibó István*. Összegyűjtött munkái. Budapest, 1981. I.k. 237. old. См. также: *Бибо И.* О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004.

**ТРАНСИЛЬВАНСКИЙ ВОПРОС НА СЕССИЯХ СМИД
И ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(1945–1946 гг.)**

Решение территориальных вопросов послевоенного устройства Центральной и Юго-Восточной Европы согласно договоренностям между членами Большой тройки, зафиксированным в Тегеране, Ялте и Потсдаме, подлежало согласованию между СССР, с одной стороны, и Соединенными Штатами и Соединенным Королевством — с другой. Практически такое согласование происходило в связи с подготовкой в рамках мирных переговоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии — Финляндией, Венгрией, Румынией, Италией. Из этого списка были исключены Словакия и Хорватия, а также Австрия, которая Московской декларацией, принятой министрами иностранных дел СССР, США и Англии в 1943 г., была объявлена «жертвой агрессии» и потому удостоивалась особого, более мягкого обращения, чем «добровольные» сателлиты вроде Румынии или Венгрии. С Австрией было решено заключить не мирный договор, а специальный договор, названный «государственным»: в международно-правовом плане речь шла о восстановлении австрийской государственности. На самом деле австрийский вклад в военные усилия держав «оси» в ресурсах, в вооружениях и в людской силе вполне сопоставим с вкладом всех других участников войны — союзников Германии, если иметь в виду ее военно-промышленный потенциал и ресурсы, поставленные целиком и полностью на службу гитлеровской машине, а также численность австрийских граждан, служивших в вермахте, гестапо, в охране концлагерей, в других органах Третьего рейха, не говоря уже о сотнях тысяч австрийцев — активных членов национал-социалистической партии. Австрийская республика, освобожденная союзными войсками, фактически ими же избавленная от необходимости провести очистительную денацификацию, через которую успешно прошла Германия после капитуляции, стала ареной жестокого противостояния между Востоком и Западом задолго до начала холодной войны. Австрийский вопрос, точнее, его нерешенность вплоть до 1955 г. сыграла, как будет показано ниже, существенную роль в послевоенных судьбах Венгрии и Румынии.

Обширная часть континента от советских границ до линии Одер — Нейсе и Средиземноморья в соответствии с межсоюзническими соглашениями находилась в зоне преимущественного влияния Советского Союза, исходя из «интересов его безопасности», как гласила официальная версия победителей. Исключение составляли Финляндия на севере и Греция на юге.

Наиболее важное значение в плане взаимоотношений между двумя формировавшимися мировыми военно-политическими системами приобрел вопрос подготовки мирных договоров с Италией и Румынией. И не случайно, что центральное место в процессе послевоенного урегулирования между Западом и Востоком в Европе суждено было занять этим двум ключевым странам.

Для подготовки проектов мирных договоров с бывшими сателлитами гитлеровской Германии решением Большой тройки на Потсдамской (Берлинской) конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) был создан специальный орган — Совет министров иностранных дел (СМИД).

Процедура и механизм его функционирования были в целом определены на той же Берлинской конференции и Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (16–26 декабря 1945 г.). Однако лазеек для споров по процедурным вопросам было оставлено достаточно, чтобы при желании того или иного участника с успехом тормозить работу СМИД, а иногда доводить до срыва, как это случилось, например, в Лондоне. В ходе этих дискуссий Молотову удалось отклонить все попытки американской дипломатии отстоять принцип равенства великих держав при определении условий мирных договоров со всеми побежденными странами, при том что с некоторыми из них они даже не находились в состоянии войны. Это позволило не допустить, по меткому выражению венгерского историка М. Фюлёпа, «кристаллизации эксклюзивных сфер интересов» на том этапе¹.

Представители Румынии и Венгрии в заседаниях не участвовали, и обе страны могли воздействовать на принятие решений опосредованно по дипломатическим и прочим каналам. Поскольку окончательно трансильванская проблема должна была решаться мирной конференцией, то подготовка к ней со времени подписания обоих соглашений о перемирии — с Румынией в сентябре 1944 г. и Венгрией в январе 1945 г. — стала едва ли не главной заботой правительств обеих стран. Они прилагали максимум усилий для того, чтобы добиться наиболее благоприятного решения вопросов, связанных с утверждением межгосударст-

венных границ, т. е. решения вопроса о Северной Трансильвании. Левый кабинет П. Грозы, министром иностранных дел в котором стал либерал Г. Татареску, в самом деле нуждался в поддержке извне, и прежде всего в трансильванском вопросе. Напомним, что само образование этого правительства стало возможным благодаря тому, что управление Северной Трансильванией было передано Румынии Советским Союзом. Хотя бухарестское правительство публично восторгалось «великодушным актом» Москвы, вопрос на самом деле был еще не решен. Не оспаривали этого и советские дипломаты, признававшие, что восстановление румынской администрации не является обязательным условием для принятия решения по этому вопросу мирной конференцией².

Премьер-министр Румынии Петру Гроза при всей его склонности к устранению препятствий на пути сотрудничества с венгерскими соседями упорно и последовательно отстаивал принцип возвращения к границам с Венгрией, существовавшим до второго Венского арбитража 1940 г., когда под диктовку Гитлера и Муссолини Северная Трансильвания была отторгнута от Румынии и передана Венгрии³. При этом с благословения советского правительства он не проявлял ни малейшей склонности к каким бы то ни было уступкам локального, местного значения даже по незначительному исправлению границ, хотя и склонялся к более мягким условиям определения статуса Трансильвании в рамках румынского государства. Советское руководство внимательно следило за проявлявшимися порой политическими колебаниями П. Грозы. Так, 2 апреля 1946 г. во время беседы советского руководства с прибывшей в Москву румынской правительственной делегацией во главе с генеральным секретарем ЦК КПР Г. Георгиу-Дежем ему был задан вопрос, действительно ли Гроза выразил согласие передать часть Северной Трансильвании Венгрии⁴. Несколько растерявшись, Георгиу-Деж ответил, что «об этом нам не известно. Петру Гроза в беседе со мной высказал свое мнение, что, может быть, следовало бы Северной Трансильвании предоставить право административной автономии в рамках румынского государства»⁵.

В отличие от Петру Грозы, министр иностранных дел Румынии Г. Татареску занимал жесткую позицию, добываясь признания Северной Трансильвании за Румынией без какой-либо автономии. Тем временем Будапешт, используя внесенную в условия о перемирии с Румынией формулировку о передаче последней «*всей или большей части*» Трансильвании (курсив наш. — *Авт.*) разрабатывал планы по исправлению границ в пользу Венгрии на основе этнического прин-

ципа. В июне 1945 г. в венгерском МИД был образован специальный отдел по подготовке мирного договора во главе с И. Кертесом, дипломатом, известным своими пробританскими симпатиями. 4 июня того же года Временное правительство Венгрии обратилось к политическому представителю СССР в Будапеште Г.М. Пушкину с меморандумом, в котором оно просило положить в основу решения территориальных вопросов этнический принцип и референдум. Ответа не последовало. 14 августа 1945 г., уже после Потсдамской конференции, министр иностранных дел Венгрии Я. Дьендьешти вручил представителям трех великих держав в Будапеште ноту с аналогичными предложениями. Результат был тот же. Никакого ответа. На этом венгерская инициатива заглохла⁶. Виной тому была не только пассивность союзников, но и внутренние разногласия в правительственной коалиции. Постановке территориальных вопросов решительно воспротивились коммунисты и их союзники социал-демократы, не желавшие противодействовать Советскому Союзу, поддерживавшему в данном случае румын. И. Реваи, идеолог КПВ, подкрепил позицию своей партии решающим аргументом — нельзя ослаблять «демократию» Грозы. Такого же мнения придерживалась и Москва, в то время как западные союзники не хотели признавать правительство П. Грозы, считая его недостаточно представительным. Еще на Потсдамской конференции глав великих держав выявились серьезные разногласия между ними по вопросам признания новых правительств Румынии и Болгарии. Отказ западных держав признать правительство П. Грозы как несоответствующее договоренностям, достигнутым в Ялте, дал толчок к обострению внутренней ситуации, приведшей к правительственному кризису. Отсутствие в правительстве представителей крупнейших либерально-демократических («исторических») партий, ориентированных на Запад, рассматривалось Великобританией и США как нарушение принципов Ялтинской конференции. Под нажимом западных держав румынский король Михай 20 августа 1945 г. объявил так называемую «королевскую забастовку», отказавшись подписывать указы, издаваемые правительством, и надеясь отстранить правительство П. Грозы от власти⁷. Москва в этой ситуации решительно поддержала румынское правительство. Однако, несмотря на советскую поддержку, ситуация для кабинета министров Румынии складывалась весьма неблагоприятно. В этих условиях премьер-министр Румынии попытался использовать «трансильванскую карту». Глава румынского правительства был готов немедленно отправиться в Будапешт, чтобы разрешить конфликт на двусторонней основе полно-

бовно, надеясь, что этого удастся достигнуть без территориальных уступок.

Правительство в Будапеште не желало замечать протянутую руку и использовать неожиданно представившийся шанс для достижения согласия по всем вопросам, за исключением территориального, на благо обоих соседних народов.

В таких условиях 11 сентября открылась лондонская сессия СМИД, продолжившаяся до 2 октября, которая должна была среди прочих решить вопрос о Трансильвании. Еще накануне этой сессии в Москве в аппарате IV Европейского и Балканского отделов НКВД СССР была образована комиссия экспертов для изучения вопроса о румыно-венгерской границе. В работе принимали участие сотрудники аппарата НКВД СССР Е.А. Коровин, С.А. Голунский, В.К. Новиков, А.А. Лаврищев и др. Выдвигая предложения по данной проблеме, комиссия должна была исходить из факта наличия статьи 19 Соглашения о перемирии с Румынией от 12 сентября 1944 г., отмены решений Венского арбитража и учета этнического принципа, не допуская при определении границ между Венгрией и Румынией какой бы то ни было внутренней чересполосицы. При решении вопроса о Трансильвании права национальных меньшинств должны были быть обеспечены⁸. Документ был переведен на английский язык для распространения среди делегаций, присутствующих на I сессии СМИД. В соответствии с этими рекомендациями был подготовлен ряд справок и записок по Трансильвании. В записке от 12 сентября 1945 г. заведующий Отделом Балканских стран НКВД СССР А.А. Лаврищев для обоснования необходимости передачи Румынии всей Трансильвании привел следующую аргументацию:

1. Состав населения. Румыны составляют в Трансильвании несомненное большинство по сравнению со всеми другими вместе взятыми национальностями (57,9 % во всей Трансильвании и 50,15 % в Северной Трансильвании). 2. Экономические соображения. Преимущественно в Трансильвании размещена химическая, угольная и металлургическая промышленность Румынии. 3. Ликвидация Венского арбитража, осуществленного гитлеровской Германией с целью создания военной коалиции против Объединенных Наций. 4. Румыния первая из сателлитов порвала с Германией и активно участвовала в войне на стороне союзников. В частности, румынские войска внесли немалый вклад в дело освобождения Трансильвании от немецких захватчиков⁹.

Таким образом, как явствует из справки, главными аргументами в пользу передачи всей Трансильвании Румынии являлся этнический

принцип и факт участия Румынии на завершающем этапе Второй мировой войны на стороне союзников по антигитлеровской коалиции. В действительности же в основе позиции СССР по трансильванскому вопросу лежали политические факторы и геостратегические интересы Советского Союза в восточноевропейском регионе.

Точка зрения советского руководства была доведена до румынского правительства. 11 сентября 1945 г. посол Румынии в СССР И. Йордан со ссылкой на свою встречу с Молотовым сообщал в Бухарест, что «Советский Союз, принимая во внимание активное участие Румынии в войне на стороне Объединенных Наций (после 23 августа 1944 г. — *Авт.*), намерен включить в проект Мирного договора с Румынией пункт о передаче Румынии всей Трансильвании»¹⁰.

Тем временем в Лондоне после долгих изнурительных споров, когда временами министрам приходилось заседать до самого рассвета, был принят так называемый «иерархический принцип» принятия решений, согласно которому приоритет в подготовке договоров с Италией принадлежал трем западным державам, а в случае мирных договоров с Болгарией, Венгрией, Румынией, а также и с Финляндией — единолично Советскому Союзу. В дальнейшем, при попытке англосаксонских представителей настоять на своем в отношении условий мира с восточноевропейскими странами, Молотов немедленно напоминал им не без ехидства, что он не навязывал своих рекомендаций при обсуждении договора с Италией. Хотя это было полуправдой: Молотов бывал очень даже настойчив, например, при обсуждении вопроса о Триесте и других спорных территориальных вопросах по всему периметру границ Италии с Югославией. Настойчив и энергичен был нарком и при обсуждении судьбы итальянских колоний, когда с необыкновенным упорством добивался для СССР получения мандата на управление Триполитанией (нынешней Ливией).

Позиция сторон определилась в самом начале обсуждения представленных проектов. Советская делегация выступила фактически за возведение условий перемирий в ранг мирных договоров с незначительными изменениями. США, Англия (и поддерживавшие их министры Франции и гоминдановского Китая) — за обсуждение текстов по существу и пересмотр Соглашений о перемирии с согласия заинтересованных сторон. Право участия в выработке мирного договора принадлежало тем странам (победительницам), чьи подписи стояли под данным Соглашением о перемирии. В силу этого Франция и Китай практически не принимали участия в обсуждении мирных договоров с восточноевропейскими странами. Проект договора с Финлян-

дией обсуждался представителями только двух стран — СССР и Великобритании.

В центре развернувшейся борьбы между СССР и его западными партнерами по антигитлеровской коалиции в связи с подготовкой мирных договоров со странами — бывшими союзниками Германии стала проблема легитимности правительств Румынии и Болгарии.

В отношении проекта мирного договора с Румынией госсекретарь США Д.Ф. Бирнс заявил, что Соединенные Штаты не будут обсуждать положения мирного договора с Румынией до тех пор, пока там не будет образовано правительство, широко представляющее все демократические элементы населения, и «пока там не будет взято обязательство скорейшего создания путем свободных выборов правительства, отвечающего воле народов, которое может быть признано Соединенными Штатами»¹¹.

Молотов выступил против заявления госсекретаря США, поддержанного английскими представителями, назвав это выпадом «против теперешнего демократического румынского правительства и против СССР»¹².

В.М. Молотов назвал правительство П. Грозы «безусловно демократическим, пользующимся поддержкой большинства населения и честно выполняющим условия перемирия, подписанные союзными государствами с Румынией»¹³. Жесткая позиция советского представителя по вопросу о признании правительств в Румынии и Болгарии была поддержана в Кремле. Из Москвы в адрес руководства советской делегации пришло указание строго придерживаться занятой позиции и не идти на уступки. «Если в отношении наших сателлитов (подчеркнуто нами. — *Авт.*) будут предприняты решения в том смысле, что с ними нельзя заключать мирных договоров, или если будет сделано подобное официальное заявление Бирнсом и Бевиным, нам также придется сделать свое заявление о невозможности для нас в данный момент заключить мирный договор с Италией. Мы должны будем заявить, что, поскольку Италия является таким же сателлитом как Румыния, Болгария, Финляндия или Венгрия, мы, не допуская дискриминации в отношении какого-либо из них, не можем согласиться на заключение договора с одной только Италией, тем более, что режим в Италии менее демократичен, чем, например, в Румынии, Болгарии или Финляндии, и, более того, Италия нанесла больше ущерба Советскому Союзу, чем все остальные сателлиты, вместе взятые»¹⁴. Последний пассаж, безусловно, не соответствовал действительности.

Советская делегация на лондонской сессии СМВД сделала попытку сразу же решить румыно-венгерский пограничный спор. 12 сентября 1945 г. Молотов вручил главам остальных четырех делегаций «Предложение советской делегации по мирному договору с Румынией». За основу будущего договора предлагалось взять существующее Соглашение о перемирии. В пункте 3-м предлагалось «в соответствии со статьей 19 Соглашения о перемирии и имея в виду содействие Румынии делу союзников в войне против Германии включить в мирный договор статью о передаче Румынии всей Трансильвании¹⁵, что устраняло бы известную дилемму о переходе к Румынии «всей или большей части» Трансильвании (выделено нами. — *Авт.*). Британская делегация в ответ поставила под сомнение необходимость передачи румынам всей Трансильвании, подчеркнув желательность изучения вопроса в подкомитете экспертов, прежде чем он будет решен окончательно. Не принимая предложения советской стороны, делегация Великобритании отметила в меморандуме от 17 сентября, что вопрос о том, должна ли вся Трансильвания отойти к Румынии, не может быть решен лишь на основе поведения Румынии в войне. «Делегация Соединенного Королевства считает, что очень важно установить румынско-венгерскую границу, которая являлась бы справедливой сама по себе»¹⁶. Делегация США, не оспаривая в принципе возвращения к границам 1938 г., полагала, однако, что «окончательно решить вопрос о включении Трансильвании в состав Румынии следует после изучения требований обоих государств»¹⁷.

После долгих и бесплодных обсуждений Бирнс 19 сентября от имени делегации США внес на рассмотрение сессии проект «Директивы Заместителям на совещании Совета министров иностранных дел»¹⁸.

В тот же день британская делегация сделала заявление, в котором выражала согласие с тем, что «имеющие значение (так в тексте. — *Авт.*) статьи Соглашения о перемирии могут служить основой для составления некоторых частей Мирного договора с Венгрией».

Однако Молотов настаивал на немедленном решении, без дополнительного изучения. Он указал на невозможность проведения между Венгрией и Румынией таких границ, которые бы не оставили в Румынии множества венгров, а в Венгрии множества румын. Из этих рассуждений вытекало, что бессмысленно заниматься исправлением границ. Молотов даже счел возможным сослаться на Версальский мир, трижды осужденный и заклеенный Лениным и его соратниками как захватнический, империалистический, несправедливый, процити-

ровав официальное письмо председателя Парижской конференции А. Мильерана венгерской делегации (апрель 1920 г.), в котором говорилось, что «границы, установленные для венгров Трианонским мирным договором, надо рассматривать как результат глубокого изучения этнографических условий в Центральной Европе и национальных условий»¹⁹.

Министр иностранных дел Франции Ж. Бидо солидаризировался с Молотовым и по поводу беспорности отмены Венского арбитража, и в отношении Версальской системы, но все же заметил, что из версальских договоров должно быть взято и подтверждено то, что разумно. Бирнс пошел дальше. Он, во-первых, отмежевался от советской и французской интерпретации Парижской конференции, отметив сухо, что «на этой конференции ко времени принятия решений по Венгрии и упомянутого Молотовым обращения Мильерана его страна была представлена лишь наблюдателем, т. е. не принимала участия в принятии решения, и что делегация США на протяжении многих месяцев в Версале следовала иному курсу, чем тот, что был принят»²⁰.

Бирнс, поддержанный министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином, настаивал на небольших исправлениях границ в пользу Венгрии с учетом этнического состава населения. 20 сентября 1945 г. Бирнс сделал в Лондоне официальное предложение на этот счет. Предлагалось вернуть Венгрии территорию в 3 тыс. кв. миль из 39,6 тыс. с полумиллионным мадьярским населением, с сетью железных дорог, целиком и полностью связанную с Венгрией, т. е. провести такое изменение, которое несколько не отразилось бы на «счастье и процветании Румынии»²¹.

Таким образом, речь могла идти лишь о несущественных исправлениях границ в пользу Венгрии согласно этническому принципу.

Эта позиция была поддержана также Ж. Бидо. Но, получив отпор со стороны советского министра, француз, полноправное участие которого в СМВД Молотов откровенно и не раз на сессиях Совета ставил под сомнение, быстро снял свои возражения и в дальнейшем покорно следовал линии Молотова в румыно-венгерском пограничном вопросе. Эрнст Бевин, исчерпав весь свой боевой пыл бывалого тредюниониста в словесных баталиях с невозмутимым Молотовым, вовсе сник. К концу лондонской сессии он вообще отмалчивался, односложно отвечая «да» или «нет» на прямо поставленные ему лично председательствующим вопросы. На поле боя с глазу на глаз с русским остался один американец. Однако все попытки американцев и англичан облегчить участь Венгрии обесценились молчаливым признанием ими

кардинальной важности принципа приоритета Советского Союза в решении вопросов, касающихся примыкающих к его границам стран Восточной Европы. Короче говоря, признание закрепления региона за СССР как сферы его влияния было зафиксировано в текстах Соглашений о перемирии как с Румынией, так и с Венгрией.

Молотов был неумолим, решение отложили. Вообще же западные коллеги, поглощенные вопросами большой политики, меньше всего проявляли склонность к упорству и настойчивости в пограничном споре двух малых восточноевропейских стран. Натолкнувшись на неуступчивость и неизменность советской позиции, Запад на последующих этапах подготовки мирных договоров, постепенно склонялся к принятию английской формулы: всякое изменение границ возможно лишь с обоюдного согласия обеих стран. Хотя заранее было известно, что изначально подобное согласие исключалось.

20 сентября 1945 г. без всякой дискуссии удалось договориться лишь о восстановлении довоенных границ Венгрии (до 1938 г.) с Австрией, Югославией и Чехословакией. Вопрос о границе с Румынией был по предложению Бирнса отложен. Решено было рассмотреть требования по трансильванскому вопросу обеих непосредственно заинтересованных сторон. Западные министры полагали, что таким образом им удастся с честью выйти из затруднительного положения. Это был единственный за все время дискуссий на сессиях СМВД делегаций Великобритании и США успех по румыно-венгерскому спору, и это была единственная уступка Молотова западным коллегам. В заключительном заявлении Лондонской конференции было отмечено, что по вопросам о международном контроле над Дунаем и о территориальной принадлежности Трансильвании договоренности не было достигнуто. До обсуждения мирного договора с Венгрией не дошли. Расхождения по указанным выше проблемам привели к обострению отношений между СССР, с одной стороны, и Великобританией и США — с другой²².

В феврале следующего года английское руководство приняло решение, согласно которому британской дипломатии предписывалось впредь особенно не противиться восстановлению «трианонских» границ между Венгрией и Румынией. В конечном итоге англичане пришли к убеждению «в нежелательности какого-либо изменения венгеро-румынских границ»²³. Однако борьба продолжалась вплоть до Парижской мирной конференции.

Окрыленные, как им казалось, пониманием их проблем англичанами и американцами мадьяры активизировали свою деятельность с

целью добиться на будущей конференции уступок по территориальным вопросам в пользу Венгрии.

28 сентября 1945 г. Г.М. Пушкин, ставший позднее (2 ноября 1945 г.) послом СССР в Венгрии, сообщал в Москву, что МИД Венгрии добивается решения вопросов территориального переустройства на мирной конференции «на основе признания права на самоопределение и установления новых границ на основе этнографического принципа и учета воли заинтересованного населения»²⁴.

Оценивая результаты Лондонской конференции по вопросу о Трансильвании, генеральный директор Политического отдела МИД Франции Морис Дежан отмечал, что, кажется, «Венгрия потеряла всю Трансильванию». Он выражал сожаление, что по этой проблеме «принято такое радикальное решение». Как он считал, было бы более справедливо, если бы Венгрии была передана западная часть Венгерской долины, которая составляет часть Трансильвании, и был бы предусмотрен в будущем обмен населения, дело трудное, но которое, по его мнению, имело бы благоприятные последствия, поскольку могло положить конец венгерскому ирредентизму и румынскому шовинизму²⁵.

Румынские политики, в противоположность венгерским, иллюзиям не предавались. Они твердо усвоили, что ключ от Трансильвании находится не в Будапеште и даже не в Вашингтоне или Лондоне, а в Москве, куда они вновь обратили свои взоры, всерьез встревоженные провалом первой лондонской сессии СМВД. Посол Румынии в СССР И. Иордан 15 ноября 1945 г. вручил А.Я. Вышинскому специальное послание П. Грозы и Г. Татареску. Учитывая занятую западными державами в Лондоне провенгерскую позицию и неблагоприятные для Румынии ее последствия на будущей мирной конференции, румыны просили советское правительство не допустить постановки трансильванского вопроса и убедить союзников передать его на рассмотрение обеих заинтересованных сторон с тем, чтобы Румыния и Венгрия работали по крайней мере еще до начала мирной конференции согласованную единую позицию. В ответ Вышинский заявил послу, что «реализация этого предложения сопряжена с опасностью осложнить в будущем вопрос о Трансильвании, по поводу которой в условиях о перемирии ясно сказано, что вся она или большая ее часть должны быть присоединены в Румынии»²⁶. 27 ноября 1945 г. Лаврищев в беседе с румынским послом подтвердил эту позицию: «Советское правительство, — заявил он, — придерживается в трансильванском вопросе благоприятной для Румынии точки зрения. Эта точка зрения была зафиксирована в предложениях советской делегации на заседа-

ниях Совета Министров Иностраннных Дел в Лондоне, и она остается неизменной и сейчас. Однако, по мнению советского правительства, в настоящее время не имеется условий для того, чтобы обращаться по трансильванскому вопросу к венгерскому правительству, и поэтому советское правительство не считает удобным взять на себя инициативу в этом деле»²⁷.

Весной 1946 г., решив использовать последний шанс, правительство Венгрии стало добиваться приема в Москве на высшем уровне.

Визиту предшествовали неофициальные контакты лидера Венгерской компартии М. Ракоши с полномочными представителями СССР в Венгрии: маршалом Ворошиловым и первым советским послом в Будапеште Г.М. Пушкиным. Показательно, что о визите вождя венгерских коммунистов не знали ни секретариат ЦК КПВ, ни Политбюро. Несомненно, что советско-венгерские переговоры в Москве на высшем уровне не были инспирированы самим советским руководством, которое, однако, за день до приезда делегации дало на это свое согласие. Кремль не меньше, чем сам Ракоши, был заинтересован в том, чтобы несколько поднять в массах авторитет компартии после ее сокрушительного провала на парламентских выборах ноября 1945 г. и победы на них оппозиции. Советское руководство хотело представить коммунистов в качестве защитников национальных интересов. Тем более что общественность была шокирована грубо унижительным тоном выступления одного из коммунистических руководителей в рождественском номере «Сабад неп», в котором категорически отвергались какие бы то ни было территориальные притязания Венгрии как «развращающий нацию шовинизм»²⁸. Как бы то ни было, Ракоши принадлежала ключевая роль в подготовке московских переговоров, с которыми венгерские руководители связывали надежду на благосклонность Кремля.

Тогда-то в Будапеште было принято решение (примечательно, что по инициативе Политбюро венгерской компартии) обратиться непосредственно к советскому правительству.

9 апреля 1946 г. начался 10-дневный визит в Москву правительственной делегации Венгрии во главе с премьер-министром Ференцем Надем. Премьер-министр был в восторге от того, что вообще мог состояться этот визит, и от оказанного делегации гостеприимства (а его супруга — от подарков, ей преподнесенных). Принимали делегацию действительно хорошо — с истинно русским радушием, с широтой и размахом, с обязательным посещением Большого театра, где гости могли насладиться знаменитым русским балетом «Лебединое озеро».

В тот же день, 9 апреля, венгерская делегация на встрече с В.М. Молотовым представила правительству СССР свои предложения о присоединении к Венгрии территории общей площадью 11 800 кв. км с населением 900 тыс. человек²⁹. В портфеле делегации, впрочем, в всякий случай имелся и другой, альтернативный вариант — он предусматривал включение в состав Венгрии территории в 22 тыс. кв. км³⁰. (В дальнейшем притязания мадьяр сократились до 4 тыс. кв. км.)

10 апреля состоялась встреча венгерской делегации с И.В. Сталиным. Здесь-то и разыгрался настоящий спектакль, тщательно продуманный и мастерски исполненный. Сталин внимательно, не перебивая, выслушал просьбу гостей относительно корректировки границ с Румынией, спросил, привезли ли они с собой карты. Дьеньдеши поспешно достал из портфеля карты и показал участки, на которые претендовала Венгрия. Сталин, повернувшись к Молотову, спросил его: а как был сформулирован вопрос о Трансильвании в Соглашении о перемирии? Молотов ответил, что в этом соглашении было сказано, что вся или большая часть Трансильвании должна принадлежать Румынии. После этого Сталин, обращаясь к венгерской делегации, то ли с видимым удовлетворением, то ли с облегчением произнес: «...да, эта оговорка дает повод к тому, чтобы Венгрия могла кое-что получить, а именно, какую часть получить, это надо будет посмотреть». «Эта оговорка дает Венгрии возможность получить часть Трансильвании», — продолжил Сталин. И стал внимательно изучать национальный состав, хозяйственные и транспортные условия территорий, отмеченных на карте. Казалось бы, просьба венгерской делегации будет удовлетворена. Окончательно покорила гостей Сталин своим трогательным тостом во время ужина, проникнутым глубоким уважением к малым народам и их правам.

Однако на приеме, устроенном венгерским премьером в особняке в Островском переулке, Молотов, уединившись с венгерским премьером, его министром иностранных дел и Пушкиным, сухо и деловито сообщил им окончательное решение: «Мы изучили притязания Венгрии на трансильванские территории; урегулирование было бы облегчено, если бы вы нашли взаимопонимание с румынским правительством». Наступило гробовое молчание. Слишком неожиданными были эти слова для мадьяр, пораженных подобным оборотом дела. Их возражения звучали жалко и беспомощно. Молотов был невозмутим и непреклонен. Он отклонил даже просьбу венгров, чтобы с инициативой двусторонних переговоров в Бухаресте и Будапеште выступило правительство СССР, ибо они ясно сознавали, что прямое

обращение к Румынии неминуемо обречено на провал. Так и случилось.

27 апреля 1946 г. в Бухарест прибыл специальный уполномоченный Венгрии Пал Шебестьен, заместитель министра иностранных дел. От имени своего правительства он сделал формальное предложение начать «дружеские и конфиденциальные переговоры» с участием обоих премьер-министров и глав внешнеполитических ведомств, присовокупив, что правительство «нашего великого соседа — Советского Союза будет приветствовать такие переговоры». В ответ Татареску сказал, что «не найти ни одного ответственного государственного деятеля Румынии, ни одного румына, кто бы был готов сделать предметом переговоров, даже конфиденциальных, западные границы Трансильвании — колыбели румынской нации...». Вечером того же дня П. Гроза напомнил венгерскому дипломату: было время, когда подобные прямые двусторонние переговоры были возможными, но тогда эту инициативу отверг венгерский премьер «как несвоевременную». Теперь же они невозможны по существу и по формальным мотивам, ибо вопрос находится в ведении великих держав, и негоже малым государствам предвосхищать их решения. При этом глава румынского правительства заметил, что «разрыв единства Трансильвании был бы фатальной ошибкой»³¹. Миссия Шебестьена, последняя отчаянно безнадежная попытка мадьяр добиться согласия румынских соседей на то, чтобы получить более справедливые границы, окончилась полнейшим фиаско.

Весьма своеобразно складывались отношения руководства компартии Румынии (КПР) и Венгрии (ВКП) в связи с трансильванским вопросом. КПР поддерживала вхождение Трансильвании в Румынию, ВКП выступала за передачу районов Северной Трансильвании с компактно проживающим венгерским населением Венгрии. Деятели МАДОС (Демократический Союз венгерских трудящихся в Румынии) в основной своей массе, как утверждал один из руководителей КПР, член ее ЦК Л. Рэуту, придерживались мнения, что «наиболее правильным решением в нынешней обстановке является предоставление известной автономии уездам с преимущественно венгерским населением»³². В особо щекотливом положении оказались, по словам Рэуту, члены ВКП, находившиеся в Трансильвании. Венгерские коммунисты задавались вопросом: «Кому им верить, лидеру венгерских коммунистов Ракоши или лидеру румынских коммунистов Дежу»³³.

И на последующих встречах представителей СССР, Великобритании и США трансильванская проблема среди других оставалась в

центре их внимания при подготовке мирных договоров с бывшими сателлитами гитлеровской Германии.

Для согласования нерешенных Лондонской сессией СМИД вопросов был создан новый орган — совещание заместителей министров иностранных дел, своего рода мини-СМИД. В его работе приняли участие Ф.Т. Гусев и А.Я. Вышинский от СССР, Г. Джебб от Великобритании, Дж. Данн от США и Роже Кюв де Мюрвилль от Франции. При этом правительства Великобритании и США стремились, минуя сессии СМИД, передать вопросы, касающиеся подготовки договоров с бывшими союзниками Германии, на Мирную конференцию с тем, чтобы, используя машину голосования, добиться принятия угодных США и Англии решений³⁴. Советское правительство в соответствии с предыдущими договоренностями настаивало на предварительном согласовании мирных договоров между великими державами до вынесения их на обсуждение Мирной конференции. Советское правительство согласилось, чтобы в обсуждении статей мирных договоров приняла участие Франция, но без права решающего голоса.

На заседаниях совещания заместителей министров иностранных дел великих держав 11 и 19 марта, 1, 12 и 30 апреля в связи с обсуждением мирного договора с Румынией поднимался вопрос о Трансильвании. Англичане и американцы согласились взять за основу для дискуссий проект, подготовленный советской делегацией³⁵.

Вместе с тем представитель Великобритании выступил с критикой этого проекта, отметив, что он не содержит никаких указаний о границах Румынии. В тех положениях, которые сделаны по этому вопросу в советском проекте, говорилось даже меньше, чем было сказано в Соглашении о перемирии. По мнению Джебба, речь шла прежде всего об отсутствии указания на восстановление советско-румынской границы от 28 июня 1940 г. Он предложил советской делегации предоставить карту с обозначением советско-румынской границы и взять за основу мирного договора с Румынией статьи аналогичного договора с Италией, которые уже были обсуждены и согласованы. Возражая английскому представителю, Ф.Т. Гусев подчеркнул, что при заключении договора с Румынией нужно учитывать тот факт, что «Румыния — одна из первых стран сателлитов, порвавших с Германией. Выйдя из войны, она выставила определенное количество дивизий для борьбы против Германии. Советское правительство должным образом оценило поведение Румынии в момент подготовки подписания условий перемирия, и мы должны учитывать это и при подготовке Мирного договора»³⁶.

Что касается советско-румынской границы после вхождения в СССР в июне 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины, Гусев отметил, что «вопрос о советско-румынской границе был решен до нападения Румынии на СССР. В данном случае вопрос о границе не является следствием войны». «Я указывал также, — заявил Гусев, — что вопрос о захвате Бессарабии Румынией имел длительную историю. Известно, что этот захват был санкционирован в свое время некоторыми державами (имеется в виду признание Англией и Францией решения Парижской конференции 1920 г. о включении Бессарабии в состав Румынии. — *Авт.*), но Советский Союз еще до возникновения войны с Румынией восстановил справедливость, нарушенную захватом Бессарабии»³⁷.

Как и на Лондонской сессии СМВД в сентябре 1945 г., советский представитель делал упор на передаче всей Трансильвании Румынии, а англичане и американцы повторяли предложение Бирнса, сделанные на предыдущих заседаниях СМВД относительно границы Румынии и Венгрии с учетом поправки статьи 19 Соглашения о перемирии, где говорилось о возможной передаче Румынии части Трансильвании³⁸.

19 марта 1946 г. Джебб заявил: «Единственно, что остается открытым после Соглашения о перемирии, — это вопрос о том, передадим ли мы Румынии всю Трансильванию, как по Трианонскому договору, или только большую часть ее... Я не могу сейчас гарантировать, что советское предложение о Трансильвании будет принято. Но есть сильные доводы в пользу включения всей Трансильвании в состав Румынии. Однако мы не хотели бы обсуждать вопрос о Трансильвании самостоятельно, вне связи с другими границами Румынии»³⁹.

Итак, проблемы Трансильвании и румыно-венгерской границы не были решены также и совещанием заместителей министров иностранных дел при СМВД. Каждый раз расхождения в позициях приводили к тому, что принятие согласованного решения по этому вопросу откладывалось. Вопрос был перенесен на Парижскую сессию СМВД, начавшую свою работу 16 апреля 1946 г.

Благожелательное отношение США и Великобритании к Венгрии не нашло своего выражения в каких-либо реальных и эффективных акциях. В конце концов они склонились перед волей СССР, сняли все свои возражения против заготовленного в Москве текста мирного договора с Венгрией⁴⁰. Произошло это на утреннем заседании СМВД в Париже 7 мая 1946 г.: решения Венского арбитража были аннулированы окончательно и бесповоротно, а границы между Румынией и

Венгрии восстановлены в том виде, в котором они существовали на 1 января 1938 г.⁴¹, т. е. вся Трансильвания переходила к Румынии.

Тем не менее 11 июня 1946 г. румынский посол в СССР И. Иордан вновь обратился к замминистра иностранных дел СССР В.Г. Деканозову с просьбой информировать его правительство о том, какие вопросы предполагает поставить глава венгерской делегации Ференц Надь во время своей поездки в США, и передать ему содержание ноты, врученной венгерским правительством представителям СССР, США и Англии по вопросу о Трансильвании и румыно-венгерской границе. Деканозов заверил И. Иордана, что подобной ноты он не получал и МИД якобы ничего не известно о вопросах, которые будут обсуждаться в Вашингтоне (хотя, как явствует из его резолюции на соответствующем документе, такую ноту советское правительство получило, и Деканозову было известно ее содержание⁴²). А.Я. Вышинский, со своей стороны, заявил Ф. Франасовичу, румынскому послу в Лондоне, что «нами этот вопрос решен. Остальное покажет будущее»⁴³.

Чем же объяснить столь «прорумынскую» позицию СССР? Прежде всего, как нам представляется, внутривосточной ситуацией в странах. Хотя Румыния и Венгрия фактически входили в сферу влияния Советского Союза и его руководство не было заинтересовано в обострении отношений своих потенциальных союзников, все же предпочтение оно отдавало прокоммунистическому правительству П. Грозы, полностью находившемуся под влиянием и контролем СССР. В Венгрии же на выборах 1945 г. победу одержала партия мелких сельских хозяев (а не коммунисты), которая пыталась, насколько это представлялось возможным, дистанцироваться от СССР, особенно во внутренней политике. Во внешней политике венгерское правительство не прочь было заручиться поддержкой западных держав. Не последнюю роль в окончательном решении вопроса о Трансильвании играло и то обстоятельство, что румынская армия после 23 августа 1944 г. участвовала в составе советских войск в освобождении Северной Трансильвании и по договоренности между Сталиным и Черчиллем (октябрь 1944 г.) Румыния являлась зоной «советских интересов», а вопрос о Венгрии оставался открытым.

После провальной лондонской сессии СМВД камнем преткновения в процессе подготовки мирных договоров стал вопрос о том, кому должно принадлежать право принятия решения по определению их условий. По существу, речь шла о праве решать на многие десятилетия вперед судьбу пяти европейских стран — Италии, Финляндии,

Болгарии, Румынии, Венгрии, а также и Австрии. США выступали за расширение числа участников СМВД за счет ряда стран — членов антигитлеровской коалиции. Молотов и Сталин настаивали на сохранении привилегий Большой тройки. Государственному секретарю США, однако, удалось успокоить Сталина и убедить его в том, что преимущества трех великих держав от этого несколько не пострадают, что будут сохранены принцип консенсуса и право вето каждой из них и что «судьями» останутся они. А другим будет дано лишь право высказывать свои суждения и не более того. Хотя в действительности весь смысл американского предложения и заключался в том, чтобы несколько ослабить советское влияние на подготовку и заключение мирных договоров. «Малым» победителям второго сорта даже не дали права предлагать дополнения и исправления к уже принятым статьям. Их замечания могли быть рассмотрены лишь в случае, если кто-нибудь из «тройки» допускал такую возможность. Принимались же эти дополнения только при наличии консенсуса между членами СМВД.

Что же говорить о побежденных, единственным правом и привилегией которых было выслушивать диктат великих, повиноваться и подписывать подготовленные без какого-либо их участия тексты договоров. Ни о каком обсуждении условий договоров не могло быть и речи даже в комиссиях. Побежденных могли выслушать только в случае, если одна из стран-победительниц высказывала такое пожелание. На всех заседаниях СМВД советская делегация неизменно прибегала к праву вето в каждом случае, когда ощущала угрозу ущемления интересов СССР. Западные представители также пользовались этим правом.

Западным союзникам удалось уговорить Молотова дать согласие на то, чтобы первым обсуждался проект договора с Италией, который и занял львиную долю времени всей работы СМВД. До Венгрии дело дошло лишь после обсуждения проектов румынского и болгарского договоров. На венгерском договоре министры иностранных дел сэкономили много времени, используя готовые формулировки статей обоих Соглашений о перемирии, а затем и тех, что были выработаны общими усилиями на предшествующих сессиях СМВД. Тем самым Венгрия была поставлена в наихудшее положение даже по сравнению с Румынией, ибо территориальные условия румынского договора касались Венгрии в первую очередь, а Венгрия получила уже готовый текст.

Крайне негативными для Венгрии, отчасти также и Румынии, оказалось также обсуждение на сессиях СМВД австрийского вопроса,

поскольку вывод советских войск из этой страны был обусловлен не только вступлением в силу мирных договоров с ними, но и определением статуса Австрии. В текстах обоих договоров указывалось, что войска СССР останутся в обеих странах для обеспечения коммуникаций с советским воинским контингентом в Австрии.

С самого начала сессий СМВД Молотов неизменно отклонял все попытки делегаций США и Англии поставить в повестку дня СМВД австрийский вопрос. Между тем вся послевоенная политическая стратегия буржуазной части венгерского правительства строилась на скорейшем после подписания мира выводе из страны частей Красной Армии и восстановлении полного государственного суверенитета страны.

Американская дипломатия приложила огромные усилия, чтобы вырвать у Молотова согласие на вывод войск из Австрии или хотя бы на их существенное сокращение. Тщетно. Хотя в сентябре 1946 г. в Париже Бирнс даже дал на этот счет обещание главе венгерского кабинета Ференцу Надю.

И на второй сессии СМВД в Париже весной–летом 1946 г. ни Лондон, ни Вашингтон ничего не добились от советской делегации. В Лондоне вообще решили, что поддержка уступок в пользу Венгрии «привела бы к отчуждению румын», что было нежелательно с точки зрения пресловутой британской политики «баланса сил». Американцы же придумали абсолютно бесполезную формулу «ректификации границ при обоюдном согласии обеих сторон», т. е. венгров и румын.

В трансильванском вопросе Советский Союз решительно встал на сторону Румынии, успешно отклонил все попытки западных держав включить в тексты мирных договоров с Румынией и Венгрией поправки, предусматривавшие незначительную коррекцию границ в пользу Венгрии с учетом этнического принципа. Советская делегация во главе с Молотовым неизменно и решительно блокировала все предложения делегации США, направленные на смягчение суровых условий мирного договора с Венгрией. Не выдержав энергичного напора советской стороны, в конце концов американцы уступили. Дипломатическую борьбу с СССР за гегемонию в восточноевропейском регионе США проиграли. В проигрыше оказалась и Венгрия. Прав был Т. Экхардт, лидер Партии мелких сельских хозяев, когда писал: «Великие англосаксонские державы ради нас не поставят на карту свои отношения с Советским Союзом. Их возможная благожелательность может привести, в лучшем случае, к облегчению лишь в деталях, но может вызвать неблагоприятную реакцию у русских, осущес-

ствляющих у нас фактически власть». Довольно точным и столь же трезвым было видение этим политиком перспектив мира и Европы. «Советский Союз уже повсюду достиг в Европе той линии, за пределами которой он уже не может осуществлять свою экспансию без того, чтобы не задеть жизненные интересы Британского империализма (Триест, Дарданеллы, Скагеррак), — писал Т. Экхардт. — После этого волна нового советского продвижения приведет, если не к войне, то, во всяком случае, к неизбежным конфликтам. Если когда-нибудь дело дойдет до разрыва, то Америка снова окажется на стороне Англии... О том, будет ли назревающий кризис продолжаться в течение нескольких месяцев или в течение ряда лет, этого сегодня еще никто не знает»⁴⁴.

Не удивительно, что на заседании Совета министров иностранных дел госсекретарь США Р. Бирнс выступил с предложением утвердить румыно-венгерские границы по Трианону. Вопрос тем самым был решен, а мирной конференции позднее оставалось лишь подтвердить это решение. Некоторые надежды, оказавшиеся в конечном счете иллюзорными, возникли у венгров после того, как в апреле 1946 г. великие державы договорились исходить из этнического принципа в решении итало-югославского спора вокруг Истрии. 7 мая 1946 г. СМВД принял окончательное решение в пользу Румынии. С этими надеждами венгры расстались довольно быстро. Бирнс проинформировал прибывшего в Вашингтон во главе правительственной делегации премьера Ференца Надя о том, «что решение от 7 мая состоялось по воле Советского Союза», а также о том, что «ключ к решению проблем Венгрии и Румынии находится в руках Советского Союза». Госсекретарь лишь пообещал, что США поддержат позицию Венгрии в том случае, «если Советское правительство снова поставит Трансильванский вопрос».

Премьер-министр Великобритании К. Эттли и Бевин, в свою очередь, также обещали Венгрии поддержку правительства Его Величества, «если правительства Венгрии и Румынии сумеют договориться между собой» в вопросе об автономии.

Действительно, советское правительство оставляло для Венгрии какой-то резерв на мирной конференции или же не желало давать румынам знать, что окончательное решение по Трансильванскому вопросу уже позади.

После завершения сессии СМВД в Париже В.М. Молотов заявил румынскому послу в Москве 17 июля 1946 г., что вопрос о Трансильвании на этом заседании не поднимался. «Венгры обратились к нам

по этому поводу, — сказал он, — но мы им ответили, что не имеем привычки ломать согласованные решения. Но что за ними остается право возражать и высказывать свое мнение. Но это будет мнение венгров»⁴⁵.

Татареску пытался заручиться содействием президента Чехословакии Бенеша, обещая взамен поддержку требований Чехословакии к Венгрии. По словам чехословацкого журналиста Соллтеса, Бенеш якобы послал в Бухарест одного из своих доверенных лиц, который должен был попытаться убедить П. Грозу в необходимости «некоторого изменения внешнеполитического курса Румынии в сторону более лояльного отношения к Англии и менее дружественного к СССР». По информации того же Соллтеса, Гроза решительно отверг это предложение, несмотря на то, что его принятием обуславливалась, по-видимому, поддержка Чехословакией румынских видов на Трансильванию⁴⁶.

7 мая 1946 г. на сессии СМВД в Париже вопрос о Трансильвании был решен на основе взаимного компромисса. Советская делегация сняла фразу, которая была в советском проекте, «вся Трансильвания включается в территорию Румынии», поскольку из статьи 9 мирного договора о Трансильвании и так вытекало, что вся Трансильвания переходит к Румынии. В свою очередь, американская делегация отказалась от формулировки о том, что «несмотря на это союзные и соединенные державы будут готовы признать любое исправление румыно-венгерской границы, которое может последовать в результате взаимной согласованности между заинтересованными сторонами и которое будет в значительной мере уменьшать количество населения под чужой властью»⁴⁷. Американская делегация вполне отдавала себе отчет, что в условиях, когда весы территориального спора склонились в пользу Румынии, вряд ли румынская сторона откажется от части территории с тем, чтобы уменьшить количество венгерского населения, проживавшего на территории Трансильвании. Возможно, румынскому правительству был ближе радикальный вариант, осуществленный в Словакии Бенешем, когда мадьяр депортировали в Венгрию, но в отношении Трансильвании этого, как понимали в Бухаресте, не допустили бы союзные державы, в том числе и Советский Союз.

7 мая 1946 г. на сессии СМВД было принято решение: 1) об аннулировании и признании несуществующим Венского арбитража от 30 августа 1940 г.; 2) об установлении границ между Румынией и Венгрией на 1 января 1938 г., т. е. возвращение к тому положению,

когда Румыния территориально существовала в рамках, установленных Трианонским договором 1920 г.

На этом же заседании был решен вопрос и о границах Румынии в целом, в том числе и с Советским Союзом. Глава советской делегации В.М. Молотов заявил, что поскольку в Лондоне между заместителями были разногласия, так как советская делегация предлагала сказать только о той части Румынии, которая была спорной, то в настоящее время советская сторона «считает возможным принять по этому вопросу такое решение, которое удовлетворяло бы все делегации, а именно сказать также о границе Румынии с СССР, как и о границе Румынии с другими государствами». «Мы не видели оснований говорить обо всех других границах Румынии, — продолжал Молотов, — однако, если наши коллеги считают желательным упоминание о других границах Румынии, у нас не будет возражений»⁴⁸. Таким образом было достигнуто согласованное решение, которое позже вошло в мирный договор с Румынией. Это означало, что вся Трансильвания переходит к Румынии, а Бессарабия и Северная Буковина остаются в составе Советского Союза. 8 мая была утверждена румынская граница в Добрудже, как это было зафиксировано в сентябре 1940 г., когда по Крайовскому соглашению Южная Добруджа отошла от Румынии к Болгарии.

Окончательно вопрос о Северной Трансильвании был решен на Парижской мирной конференции. 4 сентября 1946 г. А.Я. Вышинский в беседе с М. Раля, членом румынской делегации в Париже, сказал: «Наша точка зрения заключается в том, чтобы полностью восстановить границу, существовавшую до Венского арбитража... Все остальное, — заявил Вышинский, — относится к области румыно-венгерских отношений»⁴⁹. Одновременно руководство советской делегации на мирной конференции выразило свое недовольство «резким антивенгерским выступлением» Г. Татареску на заседании политической комиссии по Румынии и Венгрии. В связи с этим члены румынской делегации поспешили заверить советское руководство, что «Татареску вставил в свою речь несколько полемических фраз против венгров по собственной инициативе и при возражении других членов делегации». М. Раля, например, сказал, что «румынское правительство сделает все возможное, чтобы не раздражать венгров и не отталкивать их от дружественных Советскому Союзу стран Юго-Восточной Европы...»⁵⁰.

Итак, по решению Парижской мирной конференции Северная Трансильвания оставалась за Румынией. Решения Венского арбитра-

жа 1940 г. объявлялись несуществующими. Венгеро-румынская граница восстанавливалась по состоянию на 1 января 1938 г. Попытки венгерской делегации поставить на Парижской мирной конференции вопрос о передаче Венгрии части районов Северной Трансильвании, как населенных в своем большинстве венграми, не привели к желаемым результатам. В тексты мирных договоров с Венгрией и Румынией была включена статья, обязавшая эти страны воздержаться от дискриминации своих граждан «на основании их расы, пола, языка, религии, а также в том, что касается их личности, имущества, занятий, профессиональных или финансовых интересов, статуса и гражданских прав»⁵¹. Тем самым была создана правовая основа равноправия всех национальностей, проживающих в этих государствах.

Вековой национально-территориальный конфликт из-за обладания Трансильванией завершился в пользу Румынии. Румынии, которая, как и Венгрия, участвовала в войне и точно так же потерпела в ней поражение. Но в противоположность последней, Румыния, проиграв войну, выиграла мир. Венгрия проиграла и войну, и мир вместе с Трансильванией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Fülöp Mihály*. Hungary and the Great Powers. 1945–1946. The Hungarian peace negotiations. Budapest, 1944. P. 1.

² *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе. Драма национальных противоречий. М., 1994. С. 112.

³ По второму Венскому арбитражу, состоявшемуся 30 августа 1940 г., Венгрии была передана Северная Трансильвания. См. подробнее: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 324–328.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948. Москва — Новосибирск, 1997. С. 401.

⁵ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов. М., 2000. С. 375.

⁶ *Vida I.* A magyar békeszerződés területi kérdései // *História*. 1987. № 1. 260. old.

⁷ См.: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946 гг. Документы российских архивов. С. 154–163.

⁸ Трансильванский вопрос. С. 318.

⁹ Там же. С. 319.

¹⁰ *Dobrinescu V.F.* România și Ungaria de la Trianon la Paris. 1920–1947. București, 1996. P. 213.

- ¹¹ Трансильванский вопрос... С. 328.
- ¹² Там же. С. 328.
- ¹³ Там же. С. 332.
- ¹⁴ Цит. по: *Агафонова Г.А.* Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 75.
- ¹⁵ Трансильванский вопрос. С. 325.
- ¹⁶ Там же. С. 329.
- ¹⁷ Там же. С. 328.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 326.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.
- ²³ *Romsics I.* Nagyhatalmi politika és Magyarország a II. világháború alatti és után // Magyarország a nagyhatalmak erőterében. Tanulmányok Ormos Mária 70. születésnapjára. Pécs, 2000. 528.old.
- ²⁴ Трансильванский вопрос... С. 346–347.
- ²⁵ Documente Franceze despre Transilvania. Selecție și studii introductive de Valeriu Florin Dobrescu și Ion Pătroiu. Editura Vremea. București, 2001. P. 27.
- ²⁶ Трансильванский вопрос. Док. 90. С. 348.
- ²⁷ Там же. Док. 92. С. 351.
- ²⁸ *Fülöp M.A.* Sebestyén-misszió // Világtörténet. Budapest, 1987. № 3. 141–143.old; *Ibidem.* Transilvania and Great Powers — 1945 // Danubian Historical Studies. Budapest, 1988. Vol. 2. P. 41–50.
- ²⁹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. Док. 141. С. 404.
- ³⁰ Там же. Док. 142. С. 417.
- ³¹ *Fülöp M.* The Failure of the Hungarian — Romanian negotiations on Transylvania in the spring of 1946 // Hungarian Quarterly. 1990. Vol. XXXI. № 118. 62–65. old.
- ³² Трансильванский вопрос... Док. 142. С. 416.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Шевяков А.А.* Отношения между Советским Союзом и Румынией. 1944–1949. М., 1985. С. 116.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. Д. 5. Л. 3.
- ³⁶ Там же. Л. 5.
- ³⁷ Там же. Л. 40.
- ³⁸ Там же. Л. 19.
- ³⁹ Там же. Л. 41.

40 *Fülöp M.* The Failure of the Hungarian — Romanian negotiations... 62–65.old.

41 *Lache Șt., Țuțui Gh.* La Romania la Conference de la Paris (1946). Bucur-ești, 1987. P. 202.

42 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. П. 130. Д. 13. Л. 31.

43 Там же. Л. 32.

44 *Eckhardt T.* Regicide at Marseille. Recollection of T. Eckhardt. N. Y., 1964. P. 245.

45 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. П. 130. Д. 14. Л. 1.

46 Трансильванский вопрос. С. 365.

47 АВП РФ. Ф. 0431/2. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 183–184.

48 Там же.

49 Там же. Ф. 125. Оп. 34. П. 130. Д. 13. Л. 43.

50 Там же.

51 Мирный договор с Румынией. М., 1947. С. 5–7.

Современная Трансильвания: проблемы существуют, дискуссии продолжаются

Конец XX в. ознаменовался ликвидацией советского господства в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы и одновременно уходом с исторической арены коммунистических режимов советского типа. Однако с распадом восточного блока, переориентацией Венгрии и Румынии на Евросоюз и НАТО проблема взаимоотношений России с этими странами не перестает быть одной из приоритетных внешнеполитических задач государства. В создавшейся новой геополитической ситуации восточноевропейский регион с точки зрения жизненно-важных интересов нашей страны не теряет своего значения. В последнее десятилетие положение, к счастью, изменилось к лучшему, и он начинает занимать достойное место во внешнеполитической стратегии Российской Федерации.

В начале нового столетия страны ареала сталкиваются не только с новыми проблемами, как, например, с не до конца еще осмысленными вызовами глобализации, но со старыми, давно знакомыми и традиционными. Опыт истории последних двух десятилетий многократно показал (и не раз в виде этнических столкновений в Трансильвании), что «тени прошлого» не исчезают бесследно, как того можно было ожидать в обстановке либерально-демократической эйфории, охватившей страны, расположенные между Черным морем и Адриатикой, в Карпато-Дунайском бассейне и на Балканах. Невооруженным глазом можно заметить, что не исчезли и не исчезают унаследованные от ушедших эпох межгосударственные, межнациональные и межконфессиональные противоречия, не говоря уже об образе «врага», которым чаще всего оказывается ближайший сосед. Живучесть демонстрируют стереотипы, закрепленные в национальном сознании фольклором, литературой, историей, ими же постоянно регенерируемые. Все это вместе взятое дает основание прогнозировать далеко не радужные перспективы на будущее. Латентные сегодня очаги конф-

ликтов завтра могут вновь активизироваться, если не будут устранены причины, их порождающие. Определенные основания для этого дает существующая в мире общая нестабильность и усиление факторов, способствующих дестабилизации обстановки. Поэтому совершенно очевидна необходимость разработки научно обоснованной политики российского государства, которая предполагает, естественно, тщательное и объективное изучение существующих очагов конфликтов, их генезиса, истории и первопричин зарождения межгосударственных противоречий на территориально-национальной почве. Складывающаяся на рубеже XX–XXI вв. новая система международных отношений в Европе делает настоятельно необходимым всесторонний учет исторического опыта взаимоотношений России с государствами региона Средней Европы, в первую очередь с Венгрией и Румынией. Прагматический интерес для формирования внешнеполитического курса Российской Федерации представляет изучение и анализ арсенала методов и средств, используя которые в 1940–1950-е гг. СССР утверждал свою гегемонию в регионе с выявлением равно как достижений, так и неудач советской политики и дипломатии.

Межэтнические конфликты, споры из-за территорий со смешанным или иноэтническим составом населения представляют в настоящее время главную угрозу безопасности и стабильности в Европе. Реальную опасность этих конфликтов для всеобщего мира показали и показывают военные действия и кризис на Балканах. Зоны напряженности на почве нерешенных этнонациональных вопросов и территориальных споров существуют по всему континенту. Знание достоверное истории межнациональных противоречий, их происхождения и причин, необычайно важно для предотвращения возможных вспышек открытой вражды. Незнание или игнорирование прошлого приводит к неосторожному обращению с чрезвычайно чувствительными межнациональными отношениями, что может стать дополнительной причиной их обострения. Урегулирование конфликтов на межгосударственном уровне при содействии международных органов без устранения почвы, породившей их, не может быть прочным. Здесь должна сказать свое слово историческая наука.

Корни подавляющего большинства взрывоопасных конфликтов уходят в прошлое. Груз прошлого, груз истории продолжает омрачать отношения и Венгрии с Румынией, где проживает многочисленное венгерское население.

В последние два десятилетия во взаимоотношениях двух стран произошли существенные изменения — в характере, в форме и со-

держании. С исчезновением социалистического содружества, скрепленного железной дисциплиной блоковой солидарности, пришел конец многолетнему замалчиванию трансильванской проблемы. Загнанная вглубь застарелая болезнь румыно-венгерских отношений вновь всплыла на поверхность. О ней заговорили открыто по обе стороны границы. Она стала предметом межгосударственных переговоров, в которые все более энергично стали вмешиваться европейские организации.

Трансильванский вопрос, положение мадьяр в сопредельных с Венгрией странах, а также породивший эти проблемы Трианонский мирный договор 1920 г., сразу же стали одними из центральных вопросов в политике и общественной жизни Венгрии¹. Первая массовая антиправительственная демонстрация после революции 1956 г. была организована в июне 1988 г. в поддержку угнетенного венгерского меньшинства в Трансильвании. Уже тогда, в конце 80-х гг., коммунистический режим ведущими оппозиционными группами был осужден в первую очередь за его «безразличие и пренебрежение национальными интересами», «антинародный курс», «тесное сотрудничество с советской властью», а также за то, что он хранил гробовое молчание в отношении постигших нацию исторических трагедий, включая «раздел страны и народа в Трианоне»².

Историческая оценка этого договора и его последствий не только в историографии затронутых им стран, но и в национальном сознании народов-соседей весьма различна.

Для румын, словаков и других соседей Венгрии Трианон символизирует триумф принципа самоопределения народов, высшее торжество национальной идеи, венец их освободительных движений, а по официальной румынской версии — «воссоединение трех румынских княжеств — Молдавии, Валахии и Трансильвании»³. Мир, который Венгрия получила после окончания Второй мировой войны, во многих отношениях оказался менее благоприятным, чем тот, что был подписан в Большом Трианонском дворце под Парижем в 1920 г. На Парижской мирной конференции 1946 г. не было подписано специального договора о меньшинствах в противоположность Версальской, где между странами-союзницами и вновь образованными государствами было подписано пять соглашений по правам нацменьшинств, что было, безусловно, важным шагом в направлении демократизации европейской политики после первой мировой войны⁴. К сожалению, однако, международные юридические нормы и соглашения также не носили в те времена обязательный характер с точки зрения внутригосударственной системы права, как это имеет место с момента окон-

чания Второй мировой войны. Однако режим в королевской Румынии хотя и был далеко не демократичным, но все же оказался не столь безгранично тоталитарным, как при режиме Н. Чаушеску.

В 1985 г. на Европейском форуме по культуре произошло столкновение между венгерской и румынской делегациями. Основным предметом спора являлся вопрос не о границах, а о положении венгерского населения в Румынии, его правах в румынском государстве, в частности о праве иметь связи и общаться с жителями Венгрии.

В поисках компромисса и средств уменьшения напряженности между двумя государствами, входившими в то время в Организацию Варшавского Договора и СЭВ, Я. Кадар и Н. Чаушеску неоднократно встречались в г. Дебрецене (Венгрия) и в г. Орадя (Румынская Трансильвания). Это были попытки венгерского руководства договориться с румынским коммунистическим лидером об обеспечении прав для венгров, проживавших в Трансильвании, интересы которых ущемлялись. Но эти эпизодические встречи ни на шаг не приблизили их к урегулированию существовавших между ними разногласий. СССР, вступивший в стадию глубокой стагнации, не предпринимал никаких попыток к смягчению напряженности между своими младшими партнерами. Мало того, что советское партийно-государственное руководство заняло малопочтенную позицию полного невмешательства в развязанные в Трансильвании режимом Чаушеску репрессии против национальных меньшинств, оно еще, как бы совсем забыв о том, что в первую очередь именно усилиями СССР этот край был безоговорочно передан Румынии, наложило строжайший запрет на публикацию в советских средствах массовой информации объективной — на языке партбюрократии «порочащей» — информации о положении дискриминируемых в Румынии национальных меньшинств. Этот запрет оставался в силе и в период горбачевской «гласности и перестройки», когда советские порядки можно было критиковать у себя, но по-прежнему не дозволялся критический взгляд в направлении режима Чаушеску. Функционеры из Международного отдела ЦК КПСС беспощадно вычеркивали каждое правдивое слово из подготовленных к публикации материалов об истинном смысле программы «упорядоченных деревень», так называемой территориальной систематизации сельской местности, предусматривавшей снос значительного числа деревень и строительство агропромышленных населенных пунктов. Скрытым замыслом этого проекта являлась ликвидация венгерских поселений в Трансильвании. В ее горных районах и предгорьях в небольших деревнях компактно проживало венгерское насе-

ление, которое сохранило свою самобытную культуру. В случае осуществления задуманного плана эта культура оказывалась под угрозой разрушения, а компактно проживающее мадьярское население было бы расселено в различных агропромышленных центрах. Массовое бегство трансильванских венгров во второй половине 80-х гг. от режима Чаушеску, их скопление в лагерях для беженцев в Венгрии вызвали в условиях смены общественно-политической системы в Венгрии новую волну национализма, в центре которого находилась Трансильвания и проблема национальных меньшинств в целом. Особенности развития Венгрии обусловили особую, по мнению некоторых политологов даже «преобладающую» роль вопроса национальных меньшинств в венгерской политике и общественной жизни⁵. Мы еще не располагаем теми документами, которые бы могли дать достоверную картину того, что произошло в Румынии в последние недели и дни пребывания у власти четы Чаушеску, какие силы действовали за кулисами. Однако неоспоримым историческим фактом является то, что сигнал к массовым выступлениям против тирании был подан из Трансильвании.

После декабрьских событий 1989 г. в Румынии и свержения режима Чаушеску руководство Фронта национального спасения, новое румынское правительство, министерство образования, при котором был создан специальный департамент по национальным меньшинствам, руководимый крупным историком, трансильванским венгром по происхождению, Л. Демени, пытались предпринять меры по смягчению межнациональной напряженности и расширению прав и свобод национальных меньшинств. Однако и в данном случае вопрос о предоставлении автономии венгерскому населению не ставился. Венгры в районах компактного проживания получили право обучения на родном языке в школах, в профессиональных училищах, колледжах. Однако межнациональные противоречия оставались столь же острыми. В марте 1990 г., когда казалось, что демократические силы Румынии одержали победу и установился межэтнический мир, в г. Тыргу-Муреше (Трансильвания) произошли кровавые столкновения между румынскими шовинистами и венгерской молодежью, в которых пострадал известный писатель — трансильванец Андрош Шюте.

В политике демократической Венгрии также нашли свое проявление исторические традиции венгерского национализма. Возможно, это объясняется тем, что в первом правительстве нового режима 1990 г., в кабинете Йожефа Анталла, ведущая роль принадлежала ученым-историкам. Кроме самого премьера Анталла, преподавателя

истории, профессиональные историки занимали в его кабинете важные посты министра иностранных дел (Геза Есенски) и военного министра (Лайош Фюр). Сам Анталл в 1990 г. заявил, что «в душе является главой правительства 15 миллионов венгров», т. е. и тех мадьяр, которые находятся за пределами государственной границы⁶. С трибуны Генеральной ассамблеи ООН премьер следующим образом сформулировал позицию Венгрии в отношении этнических мадьяр в соседних странах: «Уже семь десятилетий треть всех венгров живут за пределами нашей страны. Соблюдая свои международные обязательства, венгерское правительство уделяет особое внимание судьбе венгров и всех меньшинств, тому, чтобы они могли пользоваться своими правами»⁷. В многочисленных гневных комментариях соседей словечко «в душе» осталось незамеченным, и заявление было воспринято как некий рецидив венгерского ирредентизма времен Хорти, порожденного версальско-трианонским вердиктом⁸.

Однако, справедливости ради, отметим, что Венгрия и при этом территориальных требований ни к Румынии, ни к какому-либо другому соседнему государству не выдвигало⁹. Максимум венгерских пожеланий — самоуправление, автономия территориальная либо культурная¹⁰.

Неготовностью официальных представителей соседей к диалогу с Будапештом можно отчасти объяснить односторонние попытки официальной Венгрии оказать влияние на положение венгерских меньшинств в соседних странах, минуя соответствующие правительства, через голову государственных органов власти¹¹.

Пришедшая в 1994 г. на смену консервативному кабинету Йозефа Анталла коалиция социалистов и либералов, резко изменив акценты в своей политике по отношению к соседям, приступила к длительным и довольно трудным двусторонним переговорам с Румынией, которые также не привели к кардинальным изменениям в отношениях между странами. Новая тактика дала больше положительных результатов в деле практического улучшения положения мадьярских меньшинств, чем прежняя политика консервативного венгерского правительства¹².

Под сильнейшим давлением Европейского союза Румынии и Венгрии пришлось подписать рамочное соглашение об основах межгосударственных отношений. Оно базировалось, с одной стороны, на официальном признании Венгрией существующих государственных границ с Румынией, а с другой стороны, на признании румынским государством прав венгерского меньшинства в Румынии. То, что не

сумел сделать в регионе Советский Союз, связанный с правительствами Венгрии и Румынии «узами дружбы», удалось сделать Европейскому союзу.

Договор с Румынией, подписанный в 1996 г. в городе Тимишоаре (бывший Темешвар), где выступление мадьяр в декабре 1989 г. послужило толчком к началу восстания румынского народа против режима Чаушеску, содержал тем не менее специальную оговорку о том, что рекомендацию резолюции ООН (№ 1201) о правах человека следует трактовать только как положение об индивидуальных, а не коллективных правах. Оценивая договор с Румынией, можно отметить, что он оказался хуже аналогичного соглашения венгров со Словакией, в котором подобной оговорки нет¹³. Впрочем, это не помешало венгерской оппозиции осудить оба договора как «измену родине»¹⁴. Между тем благодаря договору политические партии трансильванских мадьяр Румынии сумели выйти из своеобразной политической изоляции, стать фактором политической жизни румынского государства и даже вступать в коалиции с румынскими партиями, как правило, демократического или либерального толка¹⁵.

Означает ли заключение румыно-венгерского договора конец вековому спору и можно ли считать договор окончательным закрытием трансильванской проблемы и наступлением эры примирения? Хотелось бы, конечно, верить этому. Вся предыдущая история трансильванской проблемы и венгеро-румынских отношений заставляет усомниться в том, что обе стороны действительно удовлетворены заключенным соглашением. Возможно, что румыны могут быть довольны тем, что признана незыблемость спорных границ с Венгрией. Венгрия вряд ли. Ибо взамен гарантии границ и формального обещания уважать права венгров Румынии она ничего не добила. Даже искомой формулы — «право для национального меньшинства взамен гарантии границ», ибо первая часть формулы ничем фактически не обеспечена.

О том, что проблема национальных меньшинств существует и ждет своего решения, говорит и тот факт, что ныне правящая Венгерская социалистическая партия включила в свою программу положение о предоставлении территориальной автономии венгерским национальным меньшинствам, полагая, что «самоуправление и автономия являются основным условием сохранения идентичности венгров, проживающих за рубежом, их выживания и развития как сообщества»¹⁶. Однако и в Румынии и Словакии, руководители которых координировали линию поведения в отношении демаршей Будапешта и

выступлений «своих» мадьяр, чрезвычайно настороженно отнеслись и продолжают относиться к венгерскому лозунгу автономии¹⁷. Не принял его и сочувствующий Венгрии Запад. Не удивительно вовсе, что особого рвения правительство социалистов (и либералов) в реализации собственной партийной программы не проявило. В частности, оно отказалось от оказания поддержки инициативам, направленным на обретение автономии мадьярских общин за рубежом. Хотя такая поддержка предусматривалась партийной программой социалистов и ее энергично добивались и продолжают добиваться многие лидеры трансильванских мадьяр. Европа не пожелала глубоко вникнуть в румыно-венгерские распри. Ей достаточно забот с Косово и другими взрывоопасными районами Балкан. Тем более что здесь, в регионе Средней Европы, в настоящее время межнациональные конфликты, как правило, решаются цивилизованными способами, в отличие от соседнего региона на юге.

В политической плоскости Венгрия, радикально умерив под энергичным давлением Запада свои национальные требования, по существу в настоящее время стремится к реализации основных демократических прав мадьярского меньшинства в Трансильвании и беспрепятственного общения последнего с исторической родиной, что не отвергается и нынешним руководством Румынии.

В соответствии с рекомендациями НАТО и ЕС официальными политиками Венгрии с повестки дня был снят не только территориальный вопрос, но и требование автономии. Казалось бы, Запад пришел к тому же, что в течение почти полувека в регионе проводилось Москвой — политике сохранения существующего положения вещей (статус-кво), несмотря на ее очевидные изъяны и пороки. Но это не совсем так, или совсем не так. Во времена Варшавского пакта в регионе господствовали железные правила поведения его членов. Национальный вопрос был загнан вглубь. Советское руководство не проявляло никаких инициатив, направленных на улучшение положения национальных меньшинств. Его вполне удовлетворяли заявления руководства обеих стран о нерушимой дружбе народов и международной солидарности трудящихся. «Пролетарский интернационализм», перекрашенный в благозвучный «социалистический интернационализм», означал прежде всего лишь верность СССР, «оплоту мира и демократии». Политбюро ЦК КПСС, прекрасно осведомленное о подлинном состоянии дел в сфере межэтнических отношений, заботясь о стабильности в регионе, ничего не предприняло для изменения ситуации по отношению к национальным меньшинствам и после 1956 г., не-

смотря на то, что советское руководство лицом к лицу столкнулось с взрывом венгерского народного недовольства. Напомним, что одним из первых лозунгов Венгерской революции летом и осенью 1956 г. было прекращение дискриминации мадьяр в Румынии.

Кремлевское руководство не сумело сделать должного вывода из этих событий. Москва не предприняла ничего, чтобы придать хоть какой-то практический смысл своей же теории в национальном вопросе. Ни о какой защите прав нацменьшинства со стороны официальной Венгрии в условиях зависимости от СССР и тоталитарного режима, разумеется, не могло быть и речи. Один пример. В 1980-х гг., когда в Венгрии дышалось несравненно легче, чем в той же Румынии, группа венгерских интеллектуалов в составе 20 человек во главе с известным писателем-демократом Шандором Чоори обратилось к Яношу Кадару с письменной просьбой о том, чтобы партия и правительство оказали поддержку бедствующим соплеменникам в Трансильвании¹⁸. Кадар, опытный социалистический лидер, свободно ориентировавшийся в лабиринтах кремлевской политики, конечно же, с ходу отклонил нелепую в его глазах просьбу как неуместную и несвоевременную. Нельзя забывать, что распри из-за территории происходили на фоне глубоко укоренившихся у обоих народов предрасудков, предубеждений и стереотипов, отнюдь не способствовавших пониманию нужд и позиций друг друга и конструктивному диалогу политиков и правительств.

В 80–90-е гг. осложнилась политическая обстановка в Трансильвании, усилилась степень межэтнического противостояния. В новой ситуации, сложившейся в 1990 г., некоторые политические лидеры мадьяр Трансильвании выдвигали требование предоставления венграм статуса «со-нации», «сосуществующей нации» — формула выражала стремление мадьяр стать равноправным партнером румын. Сторонники этой идеи полагали, что требование дополнительных прав для меньшинств не ведет к их обособлению и даже противопоставлению этносу-большинству. Будучи безусловными сторонниками сотрудничества с большинством, они добивались действительного равенства, а не особых привилегий, формальных прав¹⁹.

Трансильвания — безусловно, важнейшая внешнеполитическая и внутривнутриполитическая проблема Румынии и в настоящее время. Однако дело не только в венгерском вопросе. Вопрос стоит шире и глубже — речь идет о реорганизации национальной структуры румынского государства, что невозможно осуществить без конституционных реформ.

Статья первая Конституции провозглашает Румынию «унитарным национальным государством». Формула весьма напоминает закрепленный в конституции дуалистической Венгрии принцип «единой политической нации», который яростно оспаривался национальными движениями румын и других национальностей королевства Венгрии в 1867–1918 гг. В обыденном сознании важнейшее положение Конституции легко трансформируется в лозунг «Румыния для румын», с чем не расположены примириться потомки тех, кто совместно с саксами, швабами, теми же влахами сыграл выдающуюся роль в создании цивилизованного государственного устройства в Трансильвании, в превращении края в органическую часть европейского культурного сообщества.

Румынское руководство оказало весьма серьезное противодействие оппозиционным выступлениям в Трансильвании. В июне 1999 г. президент Эмиль КонстантINESКУ предпринял поездку по городам Западной Трансильвании (точнее, Баната). В речи, произнесенной 7 июня 1999 г., он резко отозвался о документе, имевшем хождение среди румынской и венгерской интеллигенции Трансильвании, о предоставлении ей полновесной автономии самоуправления «в рамках федерализованного румынского государства» с собственным региональным правительством и парламентом. За Бухарестом предлагается оставить лишь иностранные дела и оборону. Президент в категорической форме отклонил любые варианты федерализма и назвал авторов документа «интеллектуальными авантюристами», чьи «сепаратистские идеи могут дорого обойтись Румынии». Речь главы государства нашла полное одобрение ряда политических партий. За два дня до выступления президента в Клуже в течение двух дней происходили антимадьярские выступления, поводом для которых послужила победа румынской команды над клубной командой из Будапешта. Многотысячной демонстрацией у здания консульства Венгрии руководил лично мэр города Г. Фрунар, ультраправый политик, один из членов руководства партии «Румыния Маре» («Великая Румыния»), выкрикивавший подстрекательские лозунги вроде «Защитим Трансильванию!»²⁰. Все эти факты приводятся в докладе американской «Глобальной исследовательской организации Стрэтфора» под заголовком «Румыния сталкивается с трансильванским сепаратизмом» (июнь 1999 г.). Надо иметь в виду, что в надежде на скорое вступление в НАТО Э. КонстантINESКУ первоначально намекал на возможность какой-то ограниченной автономии для Трансильвании. И выборы он выиграл с большим преимуществом оппозиции, пригласив в свою коа-

лицию самую влиятельную венгерскую партию в Румынии — МАДОС. Причина — мощное противодействие правящих партий, которые воспротивились любым акциям, откуда бы они ни исходили, изнутри или извне, представляющим «вызов национальному, суверенному, унитарному, и неделимому государству»²¹. В дальнейшем правительство и президент Румынии И. Илиеску, резко выступавшие против антисоциальных реформ, проводимых под руководством Э. КонстантINESКУ, по сути, ничего не предпринял и по национальному вопросу, в том числе и в отношении трансильванской проблемы и положения венгерского меньшинства. Самоуправления, даже призрачного, край не получил. После 1989 г. Демократический Союз венгерского населения в Румынии (МАДОС), основная общественно-политическая организация венгерского национального меньшинства в Румынии, превратился в серьезную политическую силу. На парламентских выборах 2004 г. по числу полученных голосов он занял 4-е место. В румынском парламенте он представлен 23 депутатами и 10 депутатами в Сенате. Он вошел в правительственную коалицию, возглавляемую Демократической партией Румынии. Его представитель получил пост вице-премьера, а другие возглавили ряд министерств в области образования, культуры и т. д. Президент Румынии Тр. Бэсэску поддержал мероприятия правительства по созданию благоприятных условий для граждан венгерской национальности в сфере обучения на родном языке, культуры, образования, социального развития. Однако внутри самого венгерского национального движения, в том числе и в МАДОС, проявляются различные политические течения: от либерально-демократических до крайне радикальных, одно из которых возглавляет епископ г. Орадя (Трансильвания) Ласло Тékеш, активный участник восстания в г. Тимишоаре в декабре 1989 г., положившего начало народной революции в Румынии.

Таким образом, трансильванская проблема на протяжении десятилетий отравляет межгосударственные отношения между Венгрией и Румынией, между румынским большинством и венгерским меньшинством в самой Румынии. Венгрия и объективно, и субъективно имеет веские основания быть неудовлетворенной существующим статус-кво. Потому она и является активной стороной в споре с Румынией. География, история и геополитика, сплетенные в единый узел, предопределили ей эту роль. В конце Первой мировой войны Румынии достался самый большой кусок старого довоенного венгерского государства с самым многочисленным мадьярским меньшинством. С этой потерей Венгрия не могла примириться, а Румыния не проявляла ни-

какой склонности к какому то ни было компромиссу в территориальном вопросе, упорно отказываясь сделать его предметом обсуждения на двустороннем или многостороннем уровне. В этом и состояла суть венгеро-румынского конфликта, в который, естественно, с большой охотой постоянно вмешивались великие континентальные державы в соответствии со своими военно-политическими целями и интересами в регионе Средней Европы и на Балканах. Устойчивую напряженность и непримиримость конфликту придавало то обстоятельство, что обе стороны, мадьяры и румыны, одинаково считали Трансильванию колыбелью и важнейшим очагом собственной национальной культуры и национальных исторических традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ученый из Будапешта Д. Дьярмати выступил с предложением разработать национальную программу решения трансильванского вопроса в предвидении грядущих кардинальных изменений в структуре международных отношений в Европе в ближайшем будущем. В том числе предлагается прибегнуть к простому приему: добиваться самостоятельности Трансильвании, чтобы «временно реализовать хоть что-нибудь из этой программы». «Мы стоим перед совершенно новым этапом всемирно-исторического развития, и мы должны подготовиться к любой возможности в связи с трансильванским вопросом» (*Gyarmati György. A független Erdély alkotmánykonceptiója a békeelőkészítés időszakában // Külpolitika. 1997. 3. sz. 140. old.*)

² Спикер парламента, историк, академик Дердь Сабад в день 70-й годовщины заключения Трианонского мирного договора, 4 июня 1990 г., предложил Палате депутатов отметить день траура минутой молчания. См.: *Киш Янош. Вопрос о меньшинствах в новом мировом порядке // Центрально-Европейский Ежегодник. Сборник статей и документов / Сост. Илона Киш. Вып. 1. Международные отношения и безопасность. М., 2003. С. 279. О глубоко укоренившемся в венгерское национальное самосознание «трианонском синдроме», с одной стороны, и «венгерском комплексе» (точнее, об «антимадьярском синдроме») румын и словаков — с другой, интересно рассуждает словацкий академик Рудольф Хмел, литературовед и историк, министр просвещения Словакии. См.: *Хмел Р. Словацкая и венгерская правда о Европейском союзе // Центрально-Европейский Ежегодник... С. 287–298.**

³ В течение своей тысячелетней политической истории однажды, в 1599–1601 гг., Трансильвания некоторое время действительно управлялась воеводой Молдавии Михаем, вассалом императора Рудольфа Габсбурга, но никакого объединения Трансильвании с Молдавией и Валахией не было. Основопологающая для румынской историографии концепция «трех румынских княжеств», кстати, не признаваемая историками третьих стран, уязвима и потому, что Трансильвания (*Erdély, Ardeal, Siebenbürgen*, а по старой русской

традиции — Семиградье, что является дословным переводом с немецкого) и в период своего самостоятельного существования была венгерским феодальным образованием, населенным влахами, мадьярами, саксами, швабами.

⁴ *Мартин Палоуш*. Международное право и история Чехословакии: образование, освобождение и окончательный распад // Центрально-Европейский Ежегодник... С. 155–174.

⁵ *Андраш Балог*. Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность (1990–1998) // Центрально-Европейский Ежегодник... С. 224.

⁶ Интересную интерпретацию этому больше эмоциональному, чем политическому, заявлению дал упомянутый выше Рудольф Хмел: «Этим заявлением, которое имело сильную эмоциональную окраску, несомненно доказал, что хочет смягчить боль венгров из-за трианонских ран, пока символически, вернуть духовное руководство зарубежными мадьярами обратно их родине... и тем самым, окончательно выпустил из бутылки трианонского джинна. Он совершенно открыто вернул в венгерскую общественную жизнь вместе с демократией и самое болезненное событие венгерской истории XX века». (*Хмел Р.* Указ. соч. С. 289–290).

⁷ *Antall Jozsef*. Address to the Forty-Sixth Session of the General Assembly of the United Nations. I. 10. 1991.

⁸ «Magyar Hirlap». 9 июля 1991 г.; Министр обороны Лайош Фюр, известный историк-медиевист, объявил о претензии Венгрии стать гарантом безопасности всех венгров Карпатского бассейна.

⁹ *Jeszenszky Géza*. On National Minorities and European Security // Current Policy. 1993. № 13. Цит. по: *Андраш Балог*. Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность (1990–1998) // Центрально-Европейский Ежегодник... С. 231.

¹⁰ Основательный критический анализ политики правого правительства Виктора Орбана содержится в работе венгерского ученого Я. Киша. См.: *Kis János*. Statustörvény — Magyarország válaszüton // *Beszélf.* 2002. № 3.

¹¹ «Национальность отнюдь не тождественна национальному сумасшествию. Национальная ангажированность не имеет ничего общего с этой политической трескотней. Слово „венгерский“ сделалось заклинанием в битве за жизненное пространство и власть». Это трезвое суждение принадлежит одному из самых выдающихся современных писателей Венгрии, чьи произведения неоднократно переводились и издаются в нашей стране. См.: *Эстерхази Петер*. Постмодерное варварство, или Европа без свойств (1992) // Венгры и Европа. Сборник эссе / Перевод с венгерского. М., 2002. С. 432.

¹² *Хмел Рудольф*. Указ. соч. С. 292.

¹³ «Договор о дружбе и дружественном сотрудничестве между Венгерской Республикой и Словацкой Республикой» — таково официальное его название — был заключен «под невероятным западным давлением» (см. подробнее: *Хмел Р.* Указ. соч. С. 290), и, что весьма показательно, его подписали не в Братиславе и не в Будапеште, а в далеком от обеих столиц Париже

в марте 1995 г. — столь велика заинтересованность ЕС и НАТО в «погашении» потенциальных очагов конфликтов в регионе, по доброй воле принявшем опеку преуспевающего Запада.

¹⁴ Виктор Орбан, лидер правой оппозиции и бывший премьер, сравнил договоры с капитуляцией венгерской армии у Вилагоша в 1849 г. См.: *Orbán Viktor. Temesvár vagy Világos // Magyar Narancs. Budapest, 14 сентября 1996 г.*

¹⁵ Такую оценку румыно-венгерскому договору об основах межгосударственных отношений дает венгерский философ, партийный деятель союза свободных демократов Янош Киш. См.: Киш Янош. Вопрос о меньшинствах... С. 281.

¹⁶ Венгрия и венгры за рубежом. Будапешт, 1996. 4–5 июля.

¹⁷ Владимир Мечер, бывший государственный деятель Словакии, неоднократно публично высказывал подозрение, что мадьяры «хотят создать автономию и впоследствии присоединить эту территорию к Венгрии». См.: Хмел Р. Указ. соч. С. 291.

¹⁸ Любопытно, что основные причины существенного ухудшения положения меньшинств некоторые историки видели в «социалистических завоеваниях»: ликвидации церковной автономии, многопартийной системы, частной собственности, считая, что единственный путь к решению национального вопроса лежит через демократию и упразднение вышеназванных «завоеваний». См.: *Csoóri Sándor. Előszó // Duray Miklós. Kutyaszorító. N. Y., 1983.*

¹⁹ *Петер Кенде. Самоопределение в Восточной Европе: вчера и сегодня // Центрально-Европейский Ежегодник... С. 188.*

²⁰ Румынский публицист Ион Славич как-то заметил, что самые brave «защитники» Трансильвании родились за Карпатами, вне Трансильвании.

²¹ STRATFOR's Global Intelligence Update (June 9, 1999) «Romania Confronts Transylvanian Separatism» // MINELRES Report. 10 Jun. 1999. <http://www.stratfor.com>.

- Авакумович А. 98, 100
 Акино И. 35
 Альбрехт (Габсбург), эрцгерцог 114
 Антал И. 228, 229
 Антонеску И. 109, 113, 120, 132, 140
 Антонеску М. 120, 132, 188
 Антонов А.И. 195
 Апостол Г. 178
 Аппони А. 63

 Базаров С. 176
 Балог И. 162
 Балог Ш. 33, 34
 Бальфур Дж. 188
 Банфи М. 137
 Бардошши Л. 122, 137
 Баркер Е. 35
 Батори И. (Баторий Ст.) 57
 Бевин Э. 205, 207, 217, 218
 Бенда К. 39
 Бенеш Э. 40, 131, 138, 159, 160, 175, 219
 Бережков В. 190
 Бертело А. 66
 Бертело Ф. 66
 Бетлен Г. 57
 Бетлен И. 81, 137, 189
 Бибо И. 184
 Бидо Ж. 207
 Бирнс Д.Ф. 205, 206, 208, 214, 217, 218
 Боди К. 21
 Боттони Ст. 36, 37
 Братиану К. 140
 Броди А. 95
 Бузату Г. 30
 Бургер У. 34, 35, 49, 164, 167, 173
 Бурбиста 56
 Бээску Тр. 234

 Вайда-Воевод А. 63
 Васильев Ф.Н. 61
 Взямская Е.К. 14

 Вереш Я. 162
 Верг Х. 121, 122
 Веса В. 24
 Вида И. 33
 Вильгельм II (германский император) 61
 Виноградов В.П. (генерал-полковник) 26, 27, 176
 Виноградов В.Н. 15, 48
 Волков В.К. 16
 Волокитина Т.В. 193, 197
 Ворошилов К.Е. 150, 210
 Вышинский А.Я. 37, 42, 43, 54, 150, 165, 167, 168, 171, 172, 176–181, 209, 213, 215, 220

 Гавриллович М. 117
 Габсбург А. 117
 Габсбург К. 129
 Габсбург О. 128
 Габсбург Ф.И. 163
 Гарриман А. 162, 170
 Гафенку Г. 94, 108, 109, 111
 Гейгер Б. 190
 Геллерт А. 138, 189
 Георгиу-Деж Г. 178, 201, 212
 Гибнианский Л.Я. 16, 191
 Гитлер А. 23, 30–32, 73, 80, 82, 93, 94, 96, 97, 100, 101, 103, 109–112, 115, 120, 121, 122, 124, 149, 152, 155, 192, 201
 Гогенлоэ М. 187
 Гольц Ш. де 40, 159
 Голунский С.А. 203
 Гольдбергер Н. 179, 195
 Горанов 132, 188
 Городецкий Г. 35
 Гравер Р. 35

 Грей Э. 63
 Гроза П. 8, 24, 28, 169, 172, 180, 181, 201, 202, 205, 209, 212, 215, 219
 Гусев Ф.В. 213, 214

 Давидеску Г. 21
 Дайкович К. 20
 Даллес А. 187
 Дальноки Б.М. 162
 Дани Дж. 213
 Дежан М. 40, 159, 209
 Деканозов В.Г. 37, 105, 108, 131, 132, 135, 138, 150, 176, 188, 195, 215
 Делетант Д. 91
 Демени Л. 228
 Деметро 138, 139
 Децебал 56
 Джадт Т. 22, 35, 36
 Джебб Г. 213, 214
 Джигутру И. 108
 Димитров Г. 178
 Добринеску В.Ф. 23, 44
 Дурачиньский Э. 158
 Дьендешья Я. 202, 210, 212
 Дьярмати Д. 235

 Ерещенко М.Д. 16
 Есенски Г. 229

 Зорин В. 180

 Иден А. 124, 127, 131, 147, 157, 189
 Иехуда Л. 35
 Извольский А.П. 61
 Илиеску И. 234
 Ионеску Г. 62
 Иордан И. 204, 209, 215
 Исламов Т.М. 7, 8, 14, 15, 17
 Иштван I Святой 34

 Кадар Я. 30, 227, 232
 Каллан М. 32
 Канди В. 21

 Каплан М. 37
 Карой 65
 Кароль II (король Румынии) 91, 93, 100, 113
 Квинлан П. 35
 Кейтель В. 31
 Киллингер М. 120
 Кеннан Дж. 162
 Керр А.К. 132, 135, 136, 141, 188
 Кертес И. 182, 202
 Кипер И. 24, 30
 Киш А. 30
 Киш Я. 237
 Клейст П. 101
 Коллонтай А.М. 133
 Константинеску Э. 233, 234
 Константиину Фл. 28–30, 44
 Коровин Е.А. 203
 Косов 139
 Кошари Д. 39
 Крипс Ст. 79
 Кристан В. 22
 Криштоффи Й. 92, 96, 97
 Крно 196
 Кув де Мюрвилль Р. 223
 Кузнецова Ф.Ф. 163
 Кун Бела 65
 Кучера 132

 Лаврентьев А.И. 38, 86, 99, 103, 104, 176–179, 197
 Лаврищев А.А. 164, 203, 209
 Лавров И. 35
 Лебедев Н.И. 15
 Ленин В.И. 206
 Леньшина М.И. 15
 Литвинов М.М. 37, 40, 72, 73, 144, 145, 148–152, 155, 156, 158, 177, 197
 Ллойд Джордж 66
 Лозовский С. А. 151, 153
 Лука В. 169

- Майнолеску М. 41, 106–108
 Майский М.И. 92, 131, 141, 146–148, 189
 Малиновский Р.Я. 164, 165, 167, 168, 180
 Манну Ю. 27, 28, 34, 131, 132, 135–137, 140, 161, 163–165, 173, 174
 Мануильский Д.З. 151, 153
 Мария Терезия 58, 114
 Масны В. 35
 Массарик Я. 131, 138, 139
 Меркулов В.Н. 73
 Мечер В. 237
 Миклош Б.Д. 28
 Мильеран М. 207
 Михай Храбрый 57, 235
 Михай I (экс-король Румынии) 21, 43, 113, 171, 181, 193, 202
 Мойн (лорд) 141, 143
 Мокану М.Ф. 44
 Молотов В.М. 24, 37, 38, 79, 80, 84, 85–97, 102, 105, 107, 110, 111, 114, 121, 122, 124, 127, 130–132, 135, 136, 141, 144, 145, 150, 162, 168, 173, 188, 200, 204–211, 215–218, 220
 Мосли Ф. 190
 Мурашко Г.П. 193
 Муссолини Б. 73, 96, 97, 109, 152, 192, 206
 Мюрвилль Р.К. 213
 Надай 105
 Надь Ф. 210, 215, 217, 218
 Нану Ф. 132, 188
 Наринский М.М. 16
 Нити Ф. 66
 Новиков К.В. 189
 Новиков Н.В. 132, 133, 136, 141, 143, 188, 190
 Носкова А.Ф. 193
 Нэймарк Н. 34
 Олтяну Г. 164
 Орбан В. 237
 Орлик И.И. 15
 Патрашкану Л. 28, 29, 161
 Паукер А. 178
 Петроу И. 44
 Поп В. 23, 41, 105
 Поп И. 165
 Потемкин В.П. 84
 Притц П. 30
 Пушкаш А.И. 15
 Пушкаш В. 24, 42
 Пушкин Г.М. 175, 179, 196, 202, 209–211
 Райниш Ф. 88
 Ракоци П. 58
 Ракоци М. 30, 39, 210, 212
 Раля М. 220
 Рашич С. 104
 Реваи И. 183, 202
 Риббентроп И. 31, 87, 90, 91, 98, 101, 107, 108, 113
 Роберте Г. 26
 Роман В. 154–156
 Ромшич И. 30, 33, 45
 Россо А. 88
 Рузвелт Ф.Д. 124, 126, 128, 129, 190
 Рэуту Л. 212
 Сабад Д. 235
 Сазонов С.Д. 61–63
 Салаша Ж. 60
 Салаша Ф. 32
 Сальков А.П. 17
 Санатеску К. 27, 165, 169, 171, 172, 176
 Сас З. 33
 Семенов В.С. 132, 138, 139
 Семенова Л.Е. 19
 Сикорский В. 131
 Скорцени О. 32
 Скурту И. 44
 Славич И. 237
 Смирнова Н.Д. 193
 Соллтес 219
 Спичкин 133, 188
 Сталин И.В. 13, 28, 35, 38, 40–50, 79, 80, 95, 109, 110, 124–127, 130, 131, 144, 147, 150, 157, 159, 160, 170, 173–175, 178, 180, 186, 189, 192, 197, 211, 215, 216
 Стенли М. 35
 Стеттиннус Э.Р. 181
 Стыкалин А.С. 17
 Суриц Я.З. 151–153, 193
 Сусайков И.З. 170, 181
 Сухомлинов В.А. 61
 Сэлэжан (Вултур) М. 25, 44, 49
 Танривер Х. 100
 Тарле Е.В. 10, 41, 71, 154, 156, 157
 Татареску Г. 201, 209, 212, 220
 Тékеш Л. 234
 Телеки П. 39, 82, 85, 98, 122
 Тенат 138
 Тито И.Б. 192
 Титулеску Н. 73
 Тойнби А. 9, 129
 Точев 98
 Траян 56
 Уйссаси 105
 Уллейн-Ревички А. 85
 Уэллес С. 128, 190
 Фабрициус 103
 Фараго Г. 88, 163
 Филитов А.М. 16
 Фишер-Галац Ст. 35, 36
 Франосович 215
 Франц Иосиф 60
 Фрунар Г. 233
 Фрунзе В. 35
 Фюлёт М. 33, 200
 Фюр Л. 229, 236
 Хебранг А. 174
 Хильгрубер А. 35
 Хмел Р. 236
 Хори А. 105, 106
 Хорти М. 31, 32, 73, 82, 114, 121, 137–139, 149, 186, 189
 Худипа И. 42
 Хэлл К. 128, 190
 Цицимл 176
 Чаки И. 81, 84, 95, 98, 106, 117
 Чаушеску Н. 19, 20, 22, 36, 227, 228, 230
 Черчилль У. 92, 124, 129, 130, 135, 141, 142, 144, 186, 190, 192, 215
 Чиано Г. 98, 107, 108, 113
 Чичерин Г.В. 72, 73
 Чоори Ш. 232
 Чубарьян А.О. 130
 Чуканов М.Ю. 16
 Шаронов Н.И. 37, 84, 85, 88, 89, 98, 104–106, 113, 114, 117
 Шебестьен П. 212
 Штейн Б.Е. 151, 153
 Штельдер Г. 120
 Штеменко С.М. 177
 Штибрей Б. 136, 143, 190
 Шуленбург Ф. 87, 90, 102, 110
 Шуца И. 22
 Шушарин В.П. 16, 19
 Щюте А. 228
 Экхардт Т. 217, 218
 Эттли К. 218
 Юнгерт-Арноти М. 81
 Юнайдын 113
 Язькова А.А. 16

Научное издание

Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.

**Восточная Европа в силовом поле великих держав.
Трансильванский вопрос.
1940–1946 гг.**

Издательство «Индрик»

Корректор *М.В. Архиреев*
Оригинал-макет *И.В. Заика*
Оформление *А.С. Старчеус*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
15.00 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 1275

Отпечатано с оригинал-макета
В ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В СИЛОВОМ ПОЛЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Т.М. Исламов,
Т.А. Покивайлова